

Юрий МУХИН

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

СТАЛИН - ХОЗЯИН СОВЕТСКОГО СОЮЗА

«Деньги уже начинают тормозить развитие нашего общества по всем направлениям. То есть тормозят развитие экономики, отрицательно влияют на нравственность, духовность».

Сталин

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ
БЕСТСЕЛЛЕР**

Юрий МУХИН

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

**СТАЛИН -
ХОЗЯИН
СОВЕТСКОГО
СОЮЗА**

МОСКВА

«АЛГОРИТМ»

2 0 0 8

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8
М 92

Мухин Ю. И.

М 92 Сталин — хозяин СССР / Ю. И. Мухин. — М.: Алгоритм, 2008. — 288 с.

ISBN 978-5-9265-0533-4

Правящий режим России отличается тем, что у него никогда нет денег для России. То российскому режиму на Западе кредитов не дают, то, наоборот, он сам деньги Стабилизационного фонда американцам в кредит отдал под смешные проценты. И головы в телевизоре все время сочувственно кивают: что же тут поделать — нет у России денег!

Эта книга о настоящем хозяине страны — о настоящем экономисте, который начал с того, что создал деньги практически из ничего, а потом с их помощью обеспечил такой экономический рост государства, который до сих пор никому в мире не снился.

**УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8**

ISBN 978-5-9265-0533-4

**© Мухин Ю. И., 2008
© ООО «Алгоритм-Книга», 2008**

Глава 1

ХОЗЯИН СССР И «НАУЧНОЕ» БЫДЛО

Все познается в сравнении

В переводе с греческого «экономика» — это ведение хозяйства. Поэтому любой человек, который ведет реальное хозяйство, уже по этой причине является экономистом безо всяких дипломов. Правда, сегодня экономику считают наукой, но я к этому отношусь скептически — эдак мы скоро и отправление естественных надобностей зачислим в разряд искусств. И в этой науке «экономике» сегодня столько всяких «ученых», «профессионалов» и «специалистов», ни разу не только не ведших, но и не видевших ни одного крупного хозяйства, что вопрос уже стоит не о том, наука ли экономика, а о том, стоит ли вообще тратить собственное время на знакомство с трудами этих «экономистов».

В свое время американский действительно экономист Василий Васильевич Леонтьев, получивший Нобелевскую премию за внедрение плановых основ хозяйствования в капиталистических странах и реально настраивавший в свое время хозяйство многих стран, в том числе и такой страны, как Япония, пытался обратить внимание ученых остальных отраслей знаний на то, что экономику захлестнула волна «теоретиков», не только ничего не знающих о реальных хозяйствах, но и не пытающихся ничего о них узнавать. В введении к книге «Экономическое эссе» он пишет, что эконо-

мика — это наука сугубо практиков: нельзя быть экономистом вне экономики, нельзя создавать теории, не получая данных от конкретных предприятий, сделок, движений денег и товара. А подавляющее число светил экономики работают сами на себя — на свои научные звания, — и их работы являются чистым умствованием, которое никому не нужно и ничего не дает. Их «гениальные озарения», полученные от длительного созерцания потолка, — пустые забавы, опасные для тех политиков и практиков, кто попробует на них опереться.

Леонтьев проводит анализ публикаций американских экономистов за 1972—1981 годы. Только в одной из каждых 100 публикаций ее автор опирается на данные, собранные им самостоятельно, то есть только один из ста экономистов потрудился ознакомиться с тем, что исследует, — с собственно экономикой. Еще около 20% авторов использовали данные об экономике, заимствованные ими из литературных источников. А три четверти «экономистов» представили результаты своих работ в виде выдуманных проблем и таких же решений. (И это, заметим, в Америке, обычно не склонной платить деньги своим ученым ни за что.)

«Возникает вопрос, — с горечью пишет Леонтьев, — как долго еще исследователи, работающие в таких смежных областях, как демография, социология и политология, с одной стороны, и экология, биология, науки о здоровье, инженерные и различные прикладные дисциплины, с другой стороны, будут воздерживаться от выражения озабоченности по поводу состояния устойчивого, стационарного равновесия и блестящей изоляции, в которой оказались экономисты-теоретики в настоящее время?» Перефразируем это высказывание Леонтьева, выразив его суть: до каких пор остальные ученые будут терпеть положение, при котором звание «ученого» дают людям, занимающимся пустопорожним умствованием и паразитирующим на одуроченном обществе?

Это предостережение действительно знающего экономиста осталось гласом вопиющего в пустыне, и сегодня страшно уже не то, что даже умственно неполноценные типы пытаются управлять конкретным хозяйством, а то, что их до этого управления допускают. Что творится? Вы же не садитесь в самолет, если узнаете, что его пилот сам еще ни разу не летал. Так как же можно таким кретинам верить хозяйству России, которое, между прочим, принадлежит не только нам, но и будущим поколениям?

Все познается в сравнении — гласит истина, на которую напрасно перестали обращать внимание те, кто уверен, что все познается из телевизора.

Познание в сравнении до сих пор является самым простым, самым доходчивым и самым интересным способом познания. Вот, к примеру, два хозяина. Один получил 100 га целины без единой хозяйственной постройки, и через 10 лет его ферма очищена от долгов и дает 100 000 прибыли в год; второй получил прекрасную ферму с таким же количеством земли, уже дающую 100 000 в год, а через 10 лет у него на миллион долгов и 100 000 ежегодного убытка. Но второй кричит: «Я выдающийся экономист, поскольку я доктор экономических наук и член Российской академии наук!» И действительно — телевизор нам его непрерывно рекомендует как «выдающегося экономиста». Что делать? Верить телевизору или нет?

Здравый смысл (если он еще остался) должен подсказать, что нужно поверить в свой собственный ум и самому сравнить достижения первого хозяина со вторым, а потом сказать второму: «Ты — придурак, и если Академия избрала тебя своим членом, то нам надо не позориться перед другими странами и разогнать такую Академию».

Но как часто мы так говорим? Начисто атрофировался здравый смысл?

В этой книге я буду сравнивать достижения экономиста (хозяина) Сталина с достижениями нынешних «экономистов», но для начала немного об их отношении к нему.

Сталин и «ученые-экономисты»

В 1999 г. А.П. Паршев написал книгу «Почему Россия не Америка», в которой показал, что не только иностранные капиталисты не будут строить в России никаких производств, но и местные воры, т.н. «олигархи», строить предприятия будут не в России, а в странах с теплым климатом и близким выходом к океану. Официальная «экономическая наука» долго терпела, стараясь эту книгу замолчать, но, к чести русских, они еще не оступели полностью, и книга Паршева продолжала продаваться. Студенты начали задавать неудобные вопросы по этой книге, официальной «науке» стало неприлично молчать. Начали появляться рецензии, но в связи с ними мне бы хотелось поговорить не о книге (прочтите ее сами и сами составьте свое мнение), а о том образовании, которое получают сегодня молодые люди.

Дети есть дети, и вряд ли имеется много родителей, которые бы не задумывались о будущем своих детей и, в частности, «кем работать им тогда, чем им заниматься». Очень многие сегодня мечтают о том, чтобы их дети смогли достигнуть успеха в бизнесе, и охотно тратят порою очень серьезные деньги на то, чтобы предоставить детям наилучшее экономическое образование, благо сегодня полно разных академий и университетов, готовых его дать. При этом, правда, родительское беспокойство о будущем детей игнорирует тот факт, что в бизнесе нет примеров того, чтобы успехов (хотя бы на порядок меньших, чем у Форда, Билла Гейтса или у Джорджа Сороса) достиг кто-либо, кто получил это самое пресловутое «экономическое образование».

Задумаемся о том, чем является то, что мы стремимся дать детям в этих университетах? Это некие знания, которые профессора заставляют заучить наших детей перед тем, как вручить им диплом. Но что это за знания, нужны ли они кому-нибудь, можно ли с их помощью совершить какое-либо

разумное действие в реальном бизнесе? Знают ли ученые-экономисты что-либо такое, что было бы нужно не лично им для защиты диссертаций и получения академических званий, а в реальной жизни? А как же иначе! — воскликнут многие, но я снова позволю себе в этом усомниться.

Вообще-то понять, что именно знают об экономике профессора экономики, очень не просто, поскольку они настолько насыщают свои тексты заумью иностранных слов, что чаще всего невозможно понять, о чем они говорят. Хотя, казалось бы, экономика — это всего лишь наука о ведении хозяйства и, как я уже неоднократно писал, ее знают и понимают все уже в силу того, что хоть какое-то хозяйство есть у каждого. Очень редко выпадает случай, когда экономисты забываются, начинают говорить по-русски, вот тогда и можно выяснить, что именно они знают.

Итак, в журнале «Вопросы экономики» доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра международных экономических сопоставлений Института Европы Российской академии наук (так и хочется добавить «и прочая, прочая, прочая») В. Кудров, вместе с заведующим отделом теоретических проблем редакции этого журнала В. Фоминским, поместили рецензию на упомянутую выше книгу А. Паршева «Почему Россия не Америка» («Вопросы экономики», № 6, 2001). Поскольку книга Паршева написана очень просто и внятно, то «критиковать» ее только заумью слов эти экономисты не смогли — как ни крути, а на ясные положения приходится давать хоть сколько-нибудь внятные ответы. Кроме этого, профессор Кудров писал длинную рецензию в припадке гнева, посему свои экономические представления раскрывал вполне искренне. Вот по ним мы и можем оценить, чему учат студентов наши академики и профессора экономики.

Пара слов о причине гнева профессионалов на Паршева. (Кудров с адъютантом не удержались и об этом сказа-

ли тоже, хотя в данном случае им лучше было бы промолчать.) Они пишут:

«И в заключение нельзя не сказать о том, что книга А. Паршева издана большим тиражом (10 тыс. экз.), и это в то время, когда научные монографии издаются тиражом всего 500—700 экземпляров. И если непрофессиональная, дилетантская литература печатается большими тиражами, значит, на нее есть спрос. Но какой это спрос? Обывательский, чаще всего исходящий от людей ниже среднего интеллектуального уровня, неудачников, не желающих ни работать, ни учиться по-настоящему, характеризующихся бездоказательными оппозиционными политическими предпочтениями. Профессионалы должны читать совсем другое».

Понимаете, что произошло? В стране настойчиво культивируется миф о том, что в России имеются некие ученые-экономисты, и эти ученые об экономике все знают, поэтому именно они и консультируют наше правительство, получая за это деньги из казны. Именно этих профессионалов мы видим на экранах телевизоров, откуда они в качестве экспертов говорят телезрителям разные умные слова. Время от времени эти ученые-экономисты пишут умные книги-монографии. Но тиражи этих книг «смешные», поскольку для рассылки в университетские библиотеки, которые от них не могут отказаться, хватает несколько сот экземпляров, а для того, чтобы сунуть ее имениннику вместо подарка, — еще пары десятков. И все. Сдавать эти монографии на продажу в магазин бессмысленно — там их никто не купит. Вот эти экономисты и вынуждены распускать слух, что экономика настолько трудная наука, что понять ее могут только немногие избранные, почему монографии по экономике никто и не покупает — умных мало.

Так было все хорошо, и вдруг приходит Паршев. И нет бы этому полковнику пограничных войск написать детектив или пособие, как провозить контрабанду через границу, а он берет и пишет книгу по основополагающим принци-

пам экономики. И эта книга имеет бешеный успех и до сих пор является бестселлером, тираж которого уже перевалил за 100 тысяч, а ведь это не разрекламированный Гарри Поттер. Паршев пишет книгу по экономике, не читать которую становится уже просто неприлично. (Достаточно сказать, что по данным «Известий» (03.07.2001) Патриарх РПЦ Алексий II дарит ее госчиновникам России после аудиенции.)

Что получается: «любитель» пишет классику экономики, а «профессионалы» не способны написать ничего, что можно было бы заставить прочесть хотя бы жену! Ну не обидно ли! Кроме этого, сам собой напрашивается неудобный вопрос: так у кого это умственное развитие «ниже среднего интеллектуального уровня» — у авторов монографий под тираж в 500 экземпляров или у сотен тысяч человек, желающих узнать об экономике нечто здоровое?

И у профессионалов экономики Кудрова и Фоминского злорада прямо кипит. Название рецензии: «*Pulp fiction* (авторы сами переводят эти два английских слова двумя же русскими — «бульварное чтение», — но как иначе читатели узнают, что авторы рецензии умные, если они не будут использовать иностранных слов?), или Книга для обывателя, а не для профессионалов». Дав такое простенькое заглавие, авторы предпосылают тексту эпиграф из П. Флоренского: «*Существует тайная гармония между именем человека и событиями его жизни*». Дескать, автора «Почему Россия не Америка» зовут Паршев, значит, и книга его паршивая. Тонкий академический юмор! Надо сказать, что даже бесцеремонные журналисты бульварной прессы и папарацци очень редко опускаются до подлой низости использования против своих оппонентов их фамилий и национальности — того, что от оппонентов не зависит.

Но хватит о Паршеве, займемся вопросом, насколько понимают принципы экономики те, кому мы доверяем учить ее будущих капитанов? И смогут ли эти будущие капитаны после такого обучения стать хотя бы матросами?

Профессор Кудров с ассистентом пишет: «Как вы думаете, кого из российских лидеров XX в. автор считает «рыночником, грамотным и последовательным» (с. 172)? Здравомыслящий человек угадать ответ на этот вопрос в принципе не может. Не потому, что ответ парадоксален, а потому, что он находится за пределами разумного, переходит в область бреда. Оказывается, рыночником, грамотным и последовательным был не кто иной, как И. Сталин!!! Ну как, уважаемый читатель?»

Тут «уважаемый читатель» должен обратить внимание на три восклицательных знака после фамилии Сталин. Один, по-видимому, означает, что Сталин как экономист гораздо хуже Джеффри Сакса, второй — что Сталин хуже профессора Кудрова, а третий — что Сталин вообще никакой не экономист.

Далее Кудров все время к этой мысли возвращается. «Вспомним экспорт зерна из России в конце XIX — начале XX века. Наша страна занимала по его объему первое место в мире и слыла житницей Европы...» — восхищается Кудров досталинской Россией. «Советскую плановую экономику А. Паршев понимает как рыночную, и, повторим, квалифицирует Сталина как грамотного и последовательного рыночника (с. 172). Неужели он не читал «Экономические проблемы социализма в СССР» Сталина, где тот прямо говорит о необходимости избавления от последних остатков товарного производства в СССР?» — задает Кудров коварный вопрос и итожит: «Автору импонирует сталинский мобилизационный подход (базирувавшийся на тотальной милитаризации и рабском труде многих миллионов заключенных). По всем ясным причинам повторить такой путь в современных условиях нельзя: российское общество определенно выбирает другой, более эффективный, способ хозяйствования».

Отсюда определенно следует, что тот способ хозяйствования, который выбрали Д. Сакс, В. Кудров и их братья по уму, совести и чести, существенно эффективнее сталинского.

Само собой, что отсутствие знаний профессор Кудров и его помощник подменяют исключительно дерзкой ложью, даже не понятно, на кого рассчитанной.

Допускаю, что Кудров не понял, о чем писал Сталин в «Экономических проблемах социализма», но как текст Сталина из этой его работы: *«Товарное производство и товарооборот являются у нас в настоящее время такой же необходимостью, какой они были, скажем, лет тридцать тому назад, когда Ленин провозгласил необходимость разворота товарооборота»*, — можно понять так, что Сталин призывает к *«избавлению от последних остатков товарного производства в СССР»*, — как это пишет профессор Кудров? Но если Кудров так дерзко лжет достаточно подготовленным читателям «Вопросов экономики», то как же он лжет наивным студентам?!

А теперь я хотел бы отвлечься на один момент, хорошо известный всем хозяйственникам, но недоступный пониманию «профессионалов-экономистов». Это миф об эффективности труда заключенных. Ведь не только Кудров об этом пишет, любое упоминание об успехах наших отцов и дедов отшибают тезисом, что эти успехи были достигнуты благодаря *«рабскому труду многих миллионов заключенных»*.

Заключенный — это человек, который через 3—4 года собирается поменять работу в связи с выходом на свободу, поэтому он не стремится осваивать профессию и в связи с этим работает крайне неэффективно. В СССР все министерства и предприятия отчаянно отбивались от навязываемых МВД «зон» с заключенными из-за их крайней убыточности. Ведь к плохим работникам добавляется еще 10—11%, а порой и 30% их конвоя и obsługi, бессмысленные затраты на содержание заборов, сигнализации и т.д. И в сегодняшней России об этом знает каждый, кто имеет хоть какое-то отношение к экономике. Даже ГУЛАГ при Сталине был убыточен и дотировался бюджетом. Да что ГУЛАГ с его урками, предателями, болтливой и безрукой интеллигенцией —

даже немцы и японцы цветущего возраста за почти 14 лет существования лагерей с военнопленными так и не стали прибыльными (*Карнер С. Архипелаг ГУПВИ. М., РГУ, 2002, с. 171.*). И, повторю, дело даже не в непроизводительных расходах. После войны были строительные батальоны из пленных и интернированных немцев, они работали без конвоя, как обычные советские строительные тресты, тем не менее, и немцы в массе своей не достигали выработки норм, обычных для советского свободного строителя и, разумеется, тоже были убыточны. «Экономистам-профессионалам» это и так полагалось бы знать уже в силу того, что это надо знать и студентам.

Его достижения

Но вернемся к Сталину, Саксу и бухгалтерским книгам. Поскольку цифры СССР ныне считаются Кудровым «*дутыми и наивными*», воспользуюсь цифрами американского профессора из Хьюстонского университета Пола Грегори.

Часто можно слышать такой вывод: после крестьянской реформы 1861 г. Россия, дескать, начала развиваться ускоренными темпами и, мол, безо всякого социализма и Сталина она вошла бы в число развитых стран — и так «*житницей Европы*» была, уверяет нас профессор Кудров. Но вот что показало исследование Пола Грегори. В 1861 г. душевой национальный доход России составлял примерно 40% по сравнению с Германией и 16% по сравнению с США. Прошло более 50 лет, и в 1913 г. — уже только 32% от уровня Германии и 11,5% от американского уровня. Разрыв, как видите, увеличился — Россия неуклонно отставала от США.

В 1913 г. на долю России приходилось немногим более 4% мировой промышленной продукции, в то время как ее население составляло 9% от населения мира. Это означает, что на душу населения в России производилось в два с лишним раза меньше продукции, чем в остальном мире,

включая Азию, Африку и Южную Америку, т.е. самые нищие регионы мира. И вот, к середине 80-х годов удельный вес населения СССР сократился до 5,5%, но зато доля промышленной продукции Советского Союза в мировом объеме достигла уже 14,5%! Именно эта цифра названа в статистическом сборнике, который ежегодно готовит ЦРУ Соединенных Штатов. По этим американским данным, уровень промышленного производства в Советском Союзе на душу населения почти вдвое превышал мировой уровень! Но ведь с точки зрения динамики это означает, что за 70 лет Советской власти промышленность в СССР развивалась в 6 раз быстрее, чем в остальном мире, причем основной рост был достигнут при Сталине! («Коммунист», № 1, 1991). Вот где надо ставить три восклицательных знака.

Ну, так как, профессор, свернул Сталин товарное производство в России или развернул? Паршева читать не хотите, так хоть американских коллег послушали бы. По данным того же Хьюстонского университета и ЦРУ, если взять такой обобщающий показатель, как национальный доход, то он в 1985 г. составлял 57% от национального дохода США, а в пересчете на душу населения — 46,2%, вместо 11,5% в 1913 г. Значит, национальный доход в СССР за этот период рос в 4 раза быстрее американского.

Но вот до управления экономикой России дорвались, наконец, профессионалы типа докторов экономических наук Кудрова, Бунича, Пияшевой, Гайдара, Явлинского, Кириенко, Хакамады и несть им числа. И что случилось с товарным производством России и его обобщающим показателем — национальным доходом?

У меня «Российский статистический ежегодник». Вот успехи, которых достигли эти профессионалы при очевидной натяжке цифр: в 1994 г. национальный доход России упал до 55% по сравнению в 1989 годом (Российский статистический ежегодник. 1995. М., Госкомиздат, 1995). Напомню, что когда в 1941 г. фашисты начали войну с СССР и под окку-

пацией оказались Прибалтика, Белоруссия, Молдавия, Украина и огромные территории России, наибольшее падение национального дохода произошло в 1942 г., но и тогда он составлял 66% от уровня 1940 года (Великая Отечественная война. Энциклопедия. М., «Советская энциклопедия», 1985). Наши академические экономисты-профессионалы, понимаешь, будут посильнее этих пресловутых манштейнов и гудерианов — немецких генералов.

Ну и как же при таком сравнении цифр Паршев мог написать, что Сакс с Кудровым это экономисты, а Сталин — нет? Паршев же не профессор экономики...

Вообще складывается впечатление, что напоминание о Сталине для наших «экономистов-профессионалов» из РАН равносильно напоминанию грешнице о преисподней: они перестают понимать, что пишут и говорят. Вот профессор Кудров брызжет слюной:

«Благодаря высочайшей квалификации сталинских экономистов, пишет А. Паршев, удавалось рассчитывать цены таким образом, чтобы и товарного дефицита не было, и не оставалось непроданного товара (с. 170). Фантастическое утверждение, просто нет слов!!! Никто никогда не видел многосотметровые очереди за хлебом, никто никогда не слышал криков «больше двух в руки не давать», никто никогда не держал в руках карточки. А может, А. Паршев жил в другой стране? Кстати, это может быть правдой: советская номенклатура с точки зрения обеспеченности товарами действительно жила в другой стране. И не здесь ли кроются истоки восхищения сталинской эпохой? Мы же со своей стороны порекомендовали бы А. Паршеву почитать Я. Корнай, который строго доказал, что дефицит органически присущ социалистической экономике.

Обратим внимание и на то, что гордящийся своей эрудированностью автор не открывал советских статистических сборников, в которых содержатся данные о непроданных запасах товаров, достигших в торговле и про-

мышленности 100 млрд. руб. (10% ВВП), неустановленного оборудования — 20 млрд. руб. (9% от капиталовложений)), о незавершенном строительстве, по объему практически равном годовым инвестициям».

Мне уже почти 60 лет, но и я никогда не видел «многосотметровых очередей за хлебом», поскольку их в СССР не видел никто. Что касается непроданных месячных запасов товаров в СССР, то их, конечно, видели все, да и как можно было не видеть магазины, забитые отечественными телевизорами, радиоприемниками, магнитофонами, холодильниками, стиральными машинами, мопедами, мотоциклами и всеми остальными товарами, которые тогда настойчиво призывали покупать в рассрочку, а сегодня они в России совсем или почти совсем не производятся. По очереди надо было покупать легковые автомобили, но в начале 80-х и ими затоварились, в связи с чем мой товарищ купил «Москвич» с рассрочкой на три года.

Экономист А. Виноградов о тех годах сообщал:

«Но, может быть, в России нет техники и оборудования? Ничего подобного. Россия производит 17,9% мировой машиностроительной продукции, из них 22% мирового производства металлорежущих станков, 46% комбайнов, 11,3% оборудования для пищевой промышленности, 63,2% энергетического оборудования, 27% самолетов, до 50% военной техники, 21% грузовых автомобилей и только 4,8% легковых.»

Таким образом, наша страна является одним из крупнейших поставщиков машиностроительной продукции. И хотя Россия производит лишь 17,9% машиностроительной продукции, а капстраны — 73,1% (без КНР), о чрезвычайно высоком качестве нашего оборудования свидетельствует то, что на нем работает 35% базовых отраслей промышленности КНДР, 36% — Индии, 45% — Ирана, 65% — Пакистана, 20% — Турции, 50% — Алжира, 25% — Египта, 50% — Ливии. А это отнюдь не отсталые страны... Страна произвела в 1990—1991 гг. (в год) 13,2 млрд. квадратных метров

ткани, или 37,8 кв. м на человека (для сравнения: ФРГ — 32 кв. м на человека). В том числе 75% мирового производства льняных тканей, шелка 12%, хлопчатобумажных 13%, шерстяных 19% — 2,6 кв. м на человека (для сравнения: ФРГ — 2,4 кв. м, США — 0,7 кв. м).

Трикотажных изделий в СССР было произведено 22% мирового, т.е. в 2,5 раза больше Японии.

Чудовищный дефицит обуви стал уже притчей во языцех, но ведь у нас в стране производится 27% мирового производства кожаной обуви, в 4 раза больше, чем в КНР, в 6 раз больше, чем в США, в 3 раза больше, чем в Японии.

Вот вам и нехватка. Даже в 1991 г. в стране возросло производство стиральных машин на 5%, магнитофонов на 8%, пылесосов на 7%, мясорубок на 3,5%, магнитол на 3,4%, швейных машин типа «Зигзаг» на 2%, а остальное осталось примерно на уровне 1989—1990 гг. СССР произвел 9—10 млн. телевизоров (10,9% мирового производства, ФРГ — 5 млн., Япония — 12 млн.). Электропылесосов — 6 млн. шт. (12,4% мирового производства, Япония — 6,6 млн., ФРГ — 4,6 млн.). Утюгов мы производим 16 млн. шт. (15% мирового производства), холодильников — 6,5 млн. шт. (17,4% мирового производства, Япония — 5 млн.), стиральных машин — 6 млн. (12,6% мирового производства, Япония — 4 млн., ФРГ — 2 млн.), фотоаппаратов — 3 млн. шт. (4,4% мирового производства), часов — 72 млн. шт. (17,1% мирового производства)...»

Ну да ладно, хочу обратить внимание на неспособность профессора Кудрова удерживать в голове две мысли сразу, а его ассистент Фоминский в этом деле ему оказался не помощник. Если некий корифей Я. Корнай кому-то «строго доказал, что дефицит органически присущ социалистической экономике», то тогда откуда же взялись в «торговле и промышленности» «непроданные запасы товаров»? Надо бы профессору Кудрову поучиться логике у колобков из известного мультфильма «Следствие ведут Колобки», которые в

подобном случае делали вывод: «Или что-то случилось, или одно из двух!». И тут уж одно из двух: или дефицит — и тогда полки магазинов пусты, или заговаривание — и тогда полки магазинов ломятся от непроданного товара.

А то ведь эти наши «колобки» просто проигнорировали, что Паршев писал о сталинских экономистах, а не о том безобразии, которое ввели в экономике СССР ученики профессора Кудрова и его коллег после прихода к власти Горбачева. Кстати о карточках. Из текста следует, что профессор не понимает, что это такое. Поясним эксклюзивно профессорам: карточки — это дополнительный денежный доход того, кому они предназначены. Экономист должен понимать, что если хозяин помимо обычного дохода предоставляет работнику еще и дополнительный, то это сильный хозяин.

Кому они нужны?

Как только у руля России стали профессионалы типа профессора Кудрова, карточки исчезли. А каков результат? Обратимся к уже упомянутому статистическому ежегоднику. Потребление продуктов питания в России (не производство, а потребление, вместе с «ножками Буша» и мясом бешеных коровок из Англии) упало в 1994 г. по сравнению с 1990 г.: мяса и птицы — более чем в 2 раза; колбасы — почти в 2 раза; молока и молочных продуктов — в 2,5 раза; даже картофеля стали есть меньше почти в 3 раза! (По данным Счетной палаты России, потребление мяса и мясопродуктов на душу населения в среднем по стране в 2001 году снизилось по сравнению с 1990 годом с 70 до 42 кг, в Москве со 105 до 65 кг, молочных продуктов с 400 до 220 кг, в Москве с 440 до 250 кг.)

А вот что осталось к 1995-му от производства тканей, обуви и товаров длительного пользования: тканей — 26%, (в том числе льняных — 27%, шелка — 23%, шерстяных — 19%, хлопчатобумажных — 27%), обуви — 20%, стиральных

машин — 39%, магнитофонов — 21%, пылесосов — 35%, швейных машин — 23%, телевизоров — 47%, утюгов — 31%, холодильников — 71%, фотоаппаратов — 24%, часов — 43%.

Но зато, скажут мне, мы теперь имеем самые лучшие заграничные товары! Я рад за вас, но почему же вы их не покупаете? По материалам Счетной палаты России, к примеру, в 2001 году телевизоров куплено в два раза меньше, чем в 1990-м, а стиральных машин — в два с половиной раза. Но зато, возразят мне, мы теперь свободные люди можем свободно ехать, куда угодно! Замечательно! Но почему же не ездите? По тем же материалам, пассажирские грузоперевозки железнодорожным транспортом международного и междугородного сообщения в 2001 году снизились вдвое по сравнению с 1990-м, а авиатранспортом — чуть ли не в четыре раза (Глазьев С. и др. Белая книга. Экономические реформы в России 1991—2002 гг. М., ЭКСМО, «Алгоритм», 2004).

Да, заслуги профессора Кудрова и его коллег перед Россией трудно недооценить. Даже малограмотному суду. Профессионалы!

Причем это «профессионалы» такого толка, что реальной экономики они либо не видят, либо не понимают, либо не видят потому, что не понимают. Вот профессор пишет: *«...По мнению А. Паршева, Россия вовсе не богата сырьем и добывать его экономически невыгодно («В России не так уж много сырьевых месторождений, пригодных для разработки в условиях мирового рынка». — с. 62). Напрасно некоторые российские академики-экономисты говорят об огромной природной ренте и необходимости ее налогового изъятия в пользу всего общества. Но и сырьевым придатком Запада России суждено быть не более чем 5—10 лет».*

Оказывается, по мнению академиков и примкнувшего к ним профессора Кудрова, нет ничего выгоднее, чем покупать в России землю и платить за нее ренту российскому режиму. Я не знаю, как это вежливо назвать, давайте назовем это академическими мечтаниями. Профессор Кудров

эти мечтания излагает так безапелляционно, как будто кроме читателей «Вопросов экономики» в реальной жизни России осталось еще много кретингов.

Многие ли напрочь забыли, как экономическая звезда Л. Пияшева в многотиражной тогда «Литературной газете» мечтала, что если цены отпустить, то цены на продукты поднимутся всего-ничего, и морковка будет стоить не более 40 коп. Ее на страницах «Литературки» отталкивал академик П. Бунич, который мечтал, что если цены отпустить, то производство свинины возрастет вдвое («Литературная газета» № 22, 1990, с. 10.). Гайдар цены отпустил. Где морковка за 40 коп., где свинина? В 1998 г. очень немногие экономисты (в том числе, кстати, и Паршев) предупреждали, что к концу лета пирамида ГКО рухнет и рубль обесценится, но экраны забили академические мечтатели, которые убеждали, как и Кудров в этой рецензии, что *«нет оснований для паники»*. А результат?

Теперь Кудров убеждает, что надо вкладывать деньги в природные ресурсы — в землю России — и тогда неслыханно разбогатеешь сам, а правительство разбогатеет на ренте, которую ты будешь ему платить. В Москве земля очень дорогая, но почему-то у владельцев земли под заводом АЗЛК не было денег заплатить не только ренту, но даже за электроэнергию. Кстати, сообщение о том, что производство автомобилей «Москвич» полностью прекращено, пришло в одном блоке новостей с сообщением, что правление концерна «Лукойл» приняло решение вложить 300 млн. долларов в развитие добычи нефти... (в Татарии? в Сибири? на Дальнем Востоке?)... в Перу! (То есть российские инвесторы делают то, о чем предупреждает в своей книге Паршев.) Там, в Перу, оказывается, добывать нефть в три раза дешевле. Ну, какой бы академик мог подумать!

Не надо считать, что я для примера специально выбрал какого-то исключительного в своем умственном развитии профессора. Нет, другие еще круче. Вот доктор экономиче-

ских наук, профессор из Института мировой экономики и международных отношений все той же Российской академии наук Ю.В. Шишков. (Какая же у нас страна богатая, сколько в ней контор с «профессионалами» сидит на шее бюджета!) Он по поводу Паршева отписался так:

«Как-то неловко объяснять столь самоуверенному орacula, что он несет явную чушь. Прежде всего, относительно того, что из-за особо холодного климата Россия имеет самые большие в мире затраты энергии для обогрева жилых, производственных помещений и оборудования, а значит, повышенные издержки производства, которые делают российскую продукцию неконкурентоспособной. По данным Всемирного банка, в 1995 г. энергопотребление на душу населения России составило 4079 кг в пересчете на нефтяной эквивалент. Если даже отбросить богатые дешевой нефтью страны Персидского залива, то впереди нас по этому показателю в 1995 г. были 14 стран, в том числе США (7905 кг), Канада (7879 кг), Сингапур (7162 кг), Швеция (5736 кг), Финляндия (5613 кг), Норвегия (5436 кг), и даже Германия (4156 кг) и Франция (4150 кг).

Паршеву и в голову не приходит, что уровень энергопотребления определяется не столько температурными условиями, сколько уровнем технико-экономического развития страны. В тропическом Сингапуре потребление энергии в 1,7 раза выше, чем у нас, а в США, расположенных в несравненно более комфортной климатической зоне, чем Россия, — почти вдвое. И большинство этих стран вынуждено импортировать энергоносители по мировым ценам, которые ощутимо выше наших внутренних цен. Так кто же в худшем положении с точки зрения конкурентоспособности в паршевском ее понимании (соотношение выручка/издержки)?», — ехидно вопрошает Шишков («Мировая экономика и международные отношения», № 12, 2001).

Что можно ответить профессору, блестяще, с цифрами в руках доказавшему, что в США и Сингапуре затраты энер-

гии «на обогрев жилищ, производственных помещений и оборудования» вдвое выше, чем в Сибири? И что Россия вывозит нефть, принадлежащую нашим детям и внукам, только потому, что бедные американцы во Флориде «вынуждены» ее покупать по любой цене, иначе, видно, вымерзнут как мамонты. О чем можно дискутировать с профессионалом, не видящим разницы между затратами энергии на производство единицы продукции и расходом ее на комфорт в данной стране в расчете на одного человека?

Как-то довольно давно мой знакомый милиционер, опустив в стакан медицинский градусник, доказывал мне, что градусы на бутылочной наклейке и градусы на термометре это одно и то же. Бедняга так и ушел на пенсию младшим лейтенантом, а Шишков, смотри-ка, уже профессор! Да, совсем без мозгов в милиции карьеру сделать трудно, это тебе не наука...

Могут сказать — стоит ли обращать на этих «экономистов» внимание? Мало ли у нас «профессионалов», присосавшихся к бюджетной титке? Российская академия наук чмокает из нее еще и не в числе первых.

Да если бы они только сосали, но ведь они еще и вдалбливают свою глупость в головы тех, кто сменит нас!

Все понимают, что есть пропаганда, есть пиар — есть ложь, направленная на оболванивание избирателя. Но ведь хотелось бы, чтобы хоть в университетах говорили правду. Предположим, что избирателю надо говорить, что $2 \times 2 = 8\frac{1}{2}$, пусть так, но при этом хотелось бы, чтобы на математических факультетах все же учили, что $2 \times 2 = 4$. Иначе, какой смысл посылать детей учиться — оболванят их и у телевизора «за бесплатно». А какую правду могут сказать студентам профессор Кудров с коллегами? Что будет с молодым человеком в реальном бизнесе, если он заучит то, что знает профессор Шишков?

Предположим, ученику Кудрова или Шишкова не повезет и он не сможет устроиться в команды Грефа или Ил-

ларионова. И ему придется поступить в реальный крупный банк, владеющий контрольными пакетами акций многих предприятий. Положим, у банка просят кредит два предприятия, одно из которых, как у Сталина, ежегодно удваивает объем продаж, и предприятие, которое, как у Сакса, ежегодно снижает объем продаж вдвое. И наш умник полезет советовать руководству банка дать кредит второму предприятию, потому что им руководит «настоящий рыночник», а первый, дескать, не настоящий. Как руководители банка посмотрят на дурака, который не способен оценить эффективность предприятий по результатам? Затем полезет советовать снять с должности директора, который по карточкам продает своим сотрудникам товары по себестоимости. Посоветует заключить договор с Минюстом на работу на отступающих предприятиях банка эсков, поскольку при Сталине, дескать, все успехи достигались рабским трудом заключенных. Посоветует покупать месторождение сырья в Сибири, а не на побережье Африки, поскольку в Сибири затраты энергии в 1,7 раза ниже, чем в Сингапуре. В общем, будет выдавать начальству все то, чему его обучили «профессионалы». Что сделают реальные бизнесмены с таким профессионалом-экономистом? Правильно: определяют на почетную должность сторожа автостоянки у банка. А куда еще деть такого отморозка?

Надеюсь, прочитав этот раздел, вы поймете, что именно имел в виду Генри Форд, когда писал: *«Я никогда не беру на службу чистокровного специалиста. Если бы я хотел убить своих конкурентов нечестными средствами, я бы предоставил им полчища специалистов. Получив массу хороших советов, мои конкуренты не могли бы приступить к работе».*

Так не лучше ли пойти путем Генри Форда (который не тратил ни 5 лет жизни, ни деньги на обучение в университете у подобных профессоров) и сразу после школы поступить на фирму в обучение к реальным экономистам? Сорос в 1949-1951 гг. посещал Лондонскую школу экономики,

но увлекался там философией. Лекции по экономике в этой школе читал не профессор Кудров, а будущий Нобелевский лауреат Джон Мид, но и о его лекциях Сорос впоследствии сказал, что *«не много почерпнул из этого курса»* (Слейтер Р. Сорос. Жизнь, деятельность и деловые секреты величайшего в мире инвестора. Харьков, Фолио, 1996. С. 59)

Но, как вы поняли, подавляющая масса нынешних «экономистов» смотрит на Сталина, образно скажем, отца многодетной семьи, глазами импотентов, понимающих, что у них не только детей никогда не будет, но и не знающих, как их сделать.

А мы в этой книге рассмотрим, как Сталин пользовался одним из основных инструментов хозяйствования — деньгами, как и с их помощью, в том числе, он достиг таких никем не виданных успехов в экономике, которые до сих пор не мыслимы ни для одной страны.

Глава 2

ЗОЛОТОЙ РУБЛЬ БЕЗ ЗОЛОТА

А для познания сути сегодняшнего состояния экономики России, сути и роли денег в ней, по сравнению со сталинским СССР, я возьму нам в провожатые не какого-нибудь академика, а действительно специалиста, знавшего, что такое деньги и как ими пользоваться.

После Великой Отечественной войны возникла необходимость упорядочить рынок Советского Союза и его денежную систему. В связи с этим, к 8 октября 1946 г. министр финансов СССР А.Г. Зверев подготовил председателю Совмина СССР И.В. Сталину доклад под грифом «Совершенно секретно», в котором подробнейшим образом дал историю денег в СССР к тому времени. Эта история уникальна уже тем, что написана компетентнейшим специалистом своему еще более компетентному руководителю, т.е. абсолютно точно и не содержит никакого пропагандистского приукрашивания. Правда, из-за этого остается за кадром целый ряд моментов, которые были понятны Сталину и Звереву, но могут быть не знакомы обычному нынешнему читателю. Поэтому я своими комментариями, постараюсь восполнить эти пробелы. Итак.

Зверев: Денежная система, существовавшая в России до Первой мировой войны 1914—1917 гг., была создана в 1897 году в результате так называемой реформы Витте. Эта реформа была продиктована нуждами быстро растущего капиталистического хозяйства России. В создании твердой золотой ва-

люты были заинтересованы также иностранные банки и монополии, экспортировавшие в Россию свои капиталы (Англия, Франция, Германия, Бельгия и др.).

Реформе предшествовали в течение ряда лет меры по укреплению бюджета и накоплению большого по тому времени золотого запаса, составившего к моменту реформы свыше одного миллиарда рублей.

Накопление такого золотого запаса было достигнуто путем форсирования экспорта хлеба за счет снижения внутреннего потребления населения, при крайнем усилении налогового пресса, подрывавшего крестьянское хозяйство.

Реформой была проведена девальвация, т.е. снижение на одну треть золотого содержания рубля (10 прежних рублей были приравнены к 15 новым рублям). Реформой был установлен обмен кредитных билетов на золотую монету по новому курсу.

В результате денежной реформы Витте, в России утвердилась классическая форма золотой валюты с обращением золотых монет, которые правительство стремилось внедрять в обращение. В качестве денежной единицы был принят рубль, содержащий 17,424 доли¹ чистого золота.

Несмотря на большой золотой запас, валютное и финансовое положение царской России было весьма непрочным. Об этом свидетельствовали огромная внешняя задолженность и слабость государственного бюджета, на что неоднократно указывал Ленин. (Здесь и далее цитируется по: «Источник», № 5, 2001, с. 21—55.)

Я уже писал, что, по исследованиям профессора Хьюстонского университета Пола Грегори, при царе средний русский был не только беднее американца и немца, но с каждым годом становился все беднее и беднее.

¹ Доля — старая русская единица массы, равна 1/96 золотника, или 44,4349 мг.

А между тем, у более подготовленного читателя цифры Хьюстонского университета могут вызвать недоумение. Дело в том, что часто можно встретить несколько иной подход к оценке ситуации, хотя и без ее объяснения. Скажем Н.Н. Яковлев в книге «1 августа 1914 г.», изданной еще в 1974 г., когда царскую Россию не принято было хвалить, сообщает:

«По общим экономическим показателям Россия отстала от передовых промышленных стран. Но в то же время российская буржуазия доказала свою оборотистость, умение налаживать производства, когда непосредственно затрагивались ее интересы. Примерно на протяжении тридцати лет до начала Первой мировой войны (с 1885 г.) Россия занимала первое место в мире по темпам экономического роста. Если в период 1885—1913 гг. промышленное производство в Англии увеличивалось в год на 2,11%, в Германии — на 4,5, в США — на 5,2, то в России — на 5,72%».

Становится непонятно: как так? Тридцать лет подряд России увеличивала свое производство быстрее всех, т.е. как будто бы догоняла самые передовые страны, а разница в среднедушевом доходе русского и американца с немцем все время возрастала. Как так может быть?

Да просто тогда было не намного лучше, чем сегодня. Тогдашнему последнему царю-придурку навесили лапшу на уши, что России «нужны западные инвестиции», что она должна снять защитные барьеры и «войти в мировой рынок», что «рубль должен быть конвертируемый» и т.д. Николай II согласился со своими уродами-советниками, и в Россию хлынул иностранный капитал. Он действительно строил предприятия по добыче и переработке российского сырья, и объемы производства в России росли быстрее, чем в других странах. Но большая часть этого прироста тут же вывозилась за рубеж в виде процентов за кредиты и дивидендов с западных капиталов, для чего и требовался конвертируемый золотой рубль.

С 1888 по 1908 год Россия имела положительный торговый баланс с остальными странами в сумме 6,6 миллиарда золотых рублей, т.е. ежегодно на 330 миллионов золотых рублей вывозилось больше, чем ввозилось. По тем временам сумма в 6,6 миллиарда рублей в 1,6 раза превышала стоимость всех российских промышленных предприятий и оборотных средств на них в 1913 году. Иными словами, построив два предприятия в России, Запад на деньги России строил три предприятия у себя. (Заграничных предприятий России за рубежом было всего лишь на несколько сот миллионов рублей в виде железных дорог в Китае и на севере Ирана.) Такие тогда были «западные инвестиции». Сегодня они во сто крат хуже.

Поэтому-то среднедушевой доход ограбляемой таким способом царской России рос медленнее, чем среднедушевой доход тех стран, которые своими кредитами и «инвестициями» Россию грабили. Производил-то русский все больше и больше, а получал все меньше и меньше.

Дадим немного конкретики. А. Коний пишет: *«Очень хорошо, на фактическом материале показана экономика до-революционной России, например, в учебнике Э. Лесгафта «Отечественноеведение», изданном в 1913 году. Вот что там говорится о сельском хозяйстве. В 1910-1913 годах в России годовой сбор зерна составил 5 млрд. пудов (82 млн. тонн). Урожайность составляла всего 8 центнеров с гектара. Несмотря на низкие сборы, Россия вывозила ежегодно за границу до 10 млн. т зерна. Но потребляемого хлеба приходилось в России 345 кг на человека в год, а в США — 992 кг, в Дании — 912 кг, Франции — 544, Германии — 432. Сахара же потреблялось в год на одного жителя в России только 6 кг, тогда как в Англии — 32, в США — 30, в Германии и Швейцарии — 16» («Советская Россия», 09.12.1995, с. 3.)*

Итак, имея сама очень небольшое по сравнению с другими странами производство, Россия, тем не менее, экспортировала и хлеб, и сахар. Из-за крайне сурового климата

(длинная и суровая зима, часто засушливое лето) и географических условий (плохие водные пути и большие расстояния) затраты на производство и сельхозпродукции, и промышленной продукции в России были выше, чем в других странах. И чтобы продавать что-то на экспорт, это что-то нужно было скупать в России по столь низкой цене, что рабочему и крестьянину почти ничего не оставалось. Так и делали, после сбора урожая купцы устанавливали низкие цены на зерно, но крестьянин вынужден был его продавать, поскольку обязан был заплатить налоги. Получалась довольно издевательская ситуация, к примеру, немцы, учтя это обстоятельство и то, что в России нет ввозных пошлин на зерно, покупали в Германии наше же зерно, ввозили его в Россию, здесь мололи и российским же гражданам и продавали. В 1913 г. они таким образом вернули в Россию 12 млн. пудов¹. Рыночная цена печеного хлеба внутри России была гораздо выше экспортной цены. Из пуда (килограмма) зерна получается больше пуда печеного хлеба плюс отруби, в 1913 г. в достаточно дешевой Москве пуд печеного хлеба стоил 2 рубля, а пуд вывезенного за границу зерна — 91 коп., т.е. немцам было на чем заработать (Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. С.Пб., «Блиц», 1995, с. 217—218).

Императорская статистика скудна в плане исследования уровня жизни 85% населения страны — крестьян — и оперирует в основном только общими цифрами. Со времени после отмены крепостного права (1861 г.) количество населения России более чем удвоилось (по переписи 1858 г. — 74 млн. человек, по расчетам 1914 г. — 178 млн. человек), но количество лошадей в России за это время сократилось на 33%. Это еще можно понять, поскольку в это время быстро развивалась железнодорожная сеть страны, но как понять, что одновременно количество крупного рогатого ско-

¹ Пуд — старая мера веса, равная 16,38 кг.

та сократилось на 29%, а мелкого — на 51%! («Отечественная история», № 2, 2002, с. 37). Ведь реально получается, что при крепостном праве крестьянин ел мяса в три раза больше, чем при пресловутой свободе и разгуле частного бизнеса. Мясо Россия не поставляла на экспорт из-за трудностей перевозки, мясо Россия импортировала как сегодня «ножки Буша» и английскую говядину от бешеных коровок (в 1913 г. — на 28 млн. рублей). Поэтому единственным удобным для экспорта товаром было зерно. Вот его и заставляли крестьян выращивать, для чего те запахивали луга, пастбища и сенокосы, снижая поголовье собственного скота. Князь Багратион, полковник Генштаба русской армии (надо думать, потомок героя 1812 года); в 1911 году писал: *«С каждым годом армия русская становится все более хворой и физически неспособной... Из трех парней трудно выбрать одного, вполне годного для службы... Около 40 процентов новобранцев почти в первый раз ели мясо по поступлении на военную службу».*

А по городским жителям статистика есть. Если при крепостном праве средний горожанин потреблял в день продовольствия энергетической емкостью 3353 ккал, то в 1900—1916 гг. уже 3040 ккал. Свободно конвертируемый рубль и алчность частных предпринимателей требовали своего...

Я 22 года проработал на металлургическом заводе. По сравнению с металлургами царских времен нам платили зарплату не полностью, так как государство за нас строило квартиры, отапливало их, оплачивало путевки в дома отдыха, платило врачам и за обучение. А при царе металлург обязан был за все это платить сам и очень немало. (Скажем, юный Сталин с отличием окончил духовное училище, но в семинарию его взяли с условием оплаты обучения (40 рублей в год), общежития и обедов (100 рублей в год), и, по некоторым данным, его отчислили из семинарии не столько ввиду его революционной деятельности, которую еще терпели, сколько из-за того, что ему нечем стало за обучение платить). Следовательно, доля зарплаты в себестоимо-

сти металла у царского металлурга должна была бы быть намного больше, чем доля зарплаты советского металлурга. У нас на заводе зарплата рабочих и служащих составляла 10—11% от себестоимости металла, а вот что получается с зарплатой царского металлурга.

При стоимости пуда конвертерной стали (южные заводы) в пределах 70 копеек, жалование рабочим и служащим у бессемеровских конвертеров составляло от 0,99 до 1,25 коп. на пуд, а у томасовских от 1,6 до 2,4 коп. То есть, от 1,4 до 3,4%. Это значит, что для того, чтобы уравнивать русскую сталь с ценой тех стран, где производить ее дешевле (а ее везде дешевле производить, нежели в России), из рабочих выжимали все соки, практически ничего им не платя. В конвертерном цехе в 1913 г. из 261 человека только три сменных старших мастера получали по 10 рублей за 12-часовую смену, а средний металлург за эту смену получал 1 руб. 68 коп. Это при том, что металлурги всегда были в числе высокооплачиваемых профессий (Справочник красного директора. Ленинград, Сев.-зап. Промбюро ВСХН, 1925, с. 193-217).

Сделав рубль свободно конвертируемым (вводя обязательный обмен его на золото) и войдя в мировой рынок (уравняв цены на товары на нем и у себя), царское правительство даже с ввозными пошлинами выжимало из народа все соки, фактически только во имя одной цели: чтобы российские бизнесмены и аристократы могли без проблем покупать на Западе предметы роскоши и прожигать жизнь в тамошних центрах развлечений.

Но продолжим чтение доклада.

Зверев: Вступив в 1914 году в Первую мировую войну и исчерпав в короткий срок все свои бюджетные резервы, царское правительство было вынуждено в начале войны специальным законом отменить размен кредитных билетов на золото и стало прибегать к выпуску бумажных денег в больших размерах для финансирования военных расходов.

В 1914—1915 гг. денежная масса в обращении увеличилась в два с лишним раза; однако состояние денежного обращения было все еще сравнительно благополучным. Некоторое расширение хозяйственного оборота в 1914—1915 гг. под влиянием военных заказов и закупок продовольствия для армии увеличивало потребность оборота в наличных деньгах, что задерживало падение ценности рубля. К тому же значительная часть выпускавшихся бумажных денег уходила в кубышки, а поэтому их влияние на цены сразу не проявилось. Доверие к бумажному рублю, укрепившееся за годы золотого обращения, не было еще подорвано. Но уже в 1916 году началось обесценение денег, что обуславливалось усиливающейся хозяйственной разрухой, сжатием объема товарооборота и одновременно резким возрастанием эмиссии. Денежная масса возросла с 2,4 млрд. рублей к началу войны и 5,7 млрд. рублей на 1 января 1916 года до 10,8 млрд. рублей на 1 марта 1917 года.

Понятно, что если часть людей уходит на фронт, то товаров производится меньше, а при имеющейся уже массе денег в стране цена на оставшиеся товары должна расти и рубль должен обесцениваться. Но у России были резервы, России в это время все союзники от США до Японии давали кредиты, т.е. поставляли в страну товары из-за границы. Тогда в связи с чем рубль так резко пошел вниз? В связи с чем потребовалось печатать и печатать новые объемы денежных знаков?

Зверев об этом не пишет, возможно, чтобы не загружать Сталина тем, что тому и так понятно. Начав доклад с описания финансов царской России, Зверев ставит перед собой очень скромную цель — дать численную базу, чтобы сравнить с ней свою собственную работу в годы Великой Отечественной войны. Но мы давайте посмотрим на эту численную базу несколько подробнее.

Обесценивание рубля в 1914—1917 гг. шло не столько из-за роста потребительского спроса на уменьшающееся количество товаров, сколько из-за того, что в цену товара все в большем и большем объеме закладывалась воровская составляющая — прибыль, которую «частные предприниматели» стремились ухватить у общества по случаю военного времени.

Отвлечемся на минуту. Имеет смысл попробовать присвоить полковнику Путину звание генералиссимуса, как у Сталина, или разжаловать его до звания капитана, как у Петра I, или даже до звания допризывника, как у Ленина. Потому что с полковниками (Ельцин, Путин) России как-то сильно не везет, поскольку и царь Николай II тоже был полковником.

Шла страшнейшая для России Первая мировая война, а в тылу воровал всяк, кто что мог. Ну, хоть бы повесил царь десяток воров другим для острастки! Но Николай II был «добрым». На фронтах потери достигали 200—300 тыс. человек в месяц из-за нехватки снарядов, а частный капитал взвинтил на них цены вдвое-втрое против казенных заводов. На казенном заводе 122-мм шрапнель стоила 15 руб., а частники требовали за нее 35. Начальник ГАУ генерал Маниковский пытался прижать грабителей, но его тут же вызвал царь.

«Николай II: На вас жалуются, что вы стесняете самодельность общества при снабжении армии.»

Маниковский: Ваше величество, они и без того наживаются на поставке на 300%, а бывали случаи, что получали даже более 1000% барыша.»

Николай II: Ну и пусть наживают, лишь бы не воровали.»

Маниковский: Ваше величество, но это хуже воровства, это открытый грабеж.»

Николай II: Все-таки не нужно раздражать общественное мнение.»

В конце 1943 г. Мариэтта Шагинян написала небольшой сборник очерков «Урал в обороне» и в нем сравнила цифры роста производительности труда на Урале в Первой и в начале Второй мировых войнах.

По начальному периоду Великой Отечественной войны она сообщает следующее. Если выработку на одного рабочего Урала в первом (мирном) полугодии 1941 г. принять за 100%, то во втором полугодии выработка увеличилась до 217,3%, а в первом полугодии 1942 г. — до 329% (Шагинян М. Урал в обороне. М., «Художественная литература», 1944). Но интересно даже не это, а то, что Шагинян нашла по этому поводу в архивах. Она пишет:

«Документов об участии Урала в первой германской войне сохранилось много. Это отчеты окружных горных инженеров, архивы частнозаводчиков и акционерных компаний, труды всевозможных съездов, обследования комиссий.

..До весны 1915 года, пока не началось наше отступление в Галиции, об Урале и оборонной промышленности никто особенно не задумывался. Отступление обнаружило острый недостаток у нас вооружения. А тогда требовались войскам главным образом «ширапнель», снаряды, колючая проволока. Нужно было срочно наладить на Урале производство этой стали и перевести заводы на военную продукцию.

Летом 1915 года едет на Урал комиссия генерала Михайловского, объезжает казенные заводы, заглядывает на частные, собирает совещания заводчиков. Для захудалой уральской промышленности обращение к ней государства, военные заказы — означало, прежде всего, невиданные барыши. Заводчики восторженно встрепенулись, и комиссия встретила с их стороны, как тогда писали в газетах, «достойный патриотизм». Началась лихорадочная подготовка заводов к выполнению миллионных государственных заказов. На Гумешках расширяется завод, в Ревде устраивается механическая мастерская, в Полевском переоборудуется прокатка, в Надеждинском строится снарядная, в Сосьвинском — прокатная. Та

же картина в Южно-Турском, Алапаевском, Невьянском, на Клитвенской даче. Выпуск кровельного железа и рельс резко сокращается; вместо них начинает выпускаться инструментальная сталь, увеличивается выпуск колючей проволоки. Заводчики закупают и ставят тысячи новых станков, производят миллионные затраты, перестраивают силовое хозяйство, воздвигают даже целые новые заводы.

Казалось бы, картина огромного технического расцвета на Урале. Но заглянем в финансовые отчеты».

Чтобы не злоупотреблять таблицами, я числовые данные дам строчкой. Итак, на Урале началась «патриотическая» возня, и что в итоге?

Если в 1913 г. руду добывали на 196 рудниках и добывали ее 49 225 тыс. пудов, то в 1916 г. ее добывали на 195 рудниках и добыли всего 31 356 тыс. пудов.

Если в 1913 г. чугуны плавил 32 домны, снимая в среднем с каждой по 642 тыс. пудов, и в сумме они выплавляли 20 565 тыс. пудов, то в 1916 г. осталась 31 домна, съем чугуна упал до 473 тыс. пудов и всего Урал дал 14 685 тыс. пудов чугуна.

Если в 1913 г. сталь плавил 16 мартеновских печей и дали ее 8222 тыс. пудов, то в 1916 г. мартенов стало 17, но они давали всего 7884 тыс. пудов стали.

Вы скажете, что все понятно — рабочие ушли на фронт, работать стало некому, производительность рудников и заводов упала. А как же, разбежались вам рабочие на фронт! Они ведь были «на броню», т.е. не призывались в армию, и по этому поводу началась запись всей дряни в пролетарии. (В Гражданской войне Урал дал Колчаку две дивизии, укомплектованных рабочими.) Если число рабочих на Урале в 1913 г. принять за 100%, то в 1916 г. численность рабочих уже была 152%! В результате в горной промышленности годовая выработка на одного рабочего упала с 6146 пудов до 4425, а в металлургическом производстве с 6037 до 4582 пудов.

Ну и как чувствовали себя «частные предприниматели» в таком производственном бардаке? А прекрасно! Шагинян продолжает:

«Сохранилось указание, как росла валовая прибыль пяти крупнейших акционерных обществ. Богословское общество, имевшее в 1913 году около 4 миллионов валовой прибыли, получило в 1916 году свыше 10,5 миллиона; Белорецкое общество, имевшее в 1913 году 860 тысяч рублей, в 1916 году — 2 миллиона 170 тысяч, — и т.д. В общем, за два года войны валовая их прибыль увеличилась в три раза. Чтобы скрыть «истинную прибыль», как уверяет «Вестник финансов», акционерные общества отчисляли в запасной, амортизационный и другие капиталы больше, чем полагается, и этим понижали сумму дивидендов, выдаваемых каждому акционеру на его акцию. Но и при такой «хитрости» барыши акционеров были громадны. Богословское общество роздало акционерам в 1916 году почти втрое больше, чем в 1913 году — около трех миллионов рублей барыша (24,1% на основной капитал). Симское общество в 1913 году не выплатило своим акционерам ни копейки, а уже в 1915 году выдало им 12,8% на основной капитал. Белорецкое общество до войны выдавало 5,7% дивиденда, то есть почти ту самую сумму, какую платили государственные банки за обыкновенные вклады, а в 1916 году стало платить 11,4%».

Ну, и что же при таких «патриотах»-бизнесменах надо было делать правительству России, кроме включения печатного станка и эмиссии денег?

Но вот для России случилась радость, и в феврале 1917 г. к власти пришли либералы. Вообще-то, мы по 1992 г. знаем, что случается с деньгами, когда к власти приходят либералы. Но, думаю, что если бы Милюкову, Гучкову или Керенскому кто-то сказал, что они как Гайдар, то они не стали бы дожидаться дуэльных процедур и сразу же схватились бы за канделябры от такого оскорбления.

Тем не менее...

Зверев: После Февральской революции, при буржуазном Временном правительстве, еще более усилился развал хозяйства и финансовый кризис. С марта по октябрь 1917 года денежная масса в обращении почти удвоилась и достигла к 1 ноября 1917 года 20,4 млрд. рублей, что в связи с резким уменьшением объема производства, сокращением товарной продукции и выбрасыванием денег из крестьянских кубышек вызвало сильное обесценение рубля. Цены росли ежемесячно на десятки процентов. Обесценение денег значительно обгоняло эмиссию, что характеризовало усиление инфляции, развал денежной системы и крайнее обострение финансового кризиса.

К моменту Октябрьской социалистической революции бумажный рубль по индексу стоил всего 10 доверенных копеек. Советская власть получила в наследство от капиталистической России совершенно расстроенную денежную систему.

В этом месте текста Сталин сделал пометку на полях: «10 коп. = 1 руб.». Он сам только что провел страну через страшнейшую войну, у него тоже обесценились деньги, и он в докладе отметил себе базу для сравнения обесценивания рубля в Первой и Второй мировых войнах.

Одиннадцать вопросов о деньгах

А мы давайте немного отвлечемся от доклада Зверева и поговорим о деньгах в принципе. Дело в том, что стандартное объяснение того, что такое деньги — эквивалент стоимости товара, — мало что дает к пониманию денег как инструмента, с помощью которого можно сделать свою страну богатой, а можно ее разорить, как разорили ее перестройщики в 1992 г. Поэтому давайте рассмотрим, что такое деньги, на упрощенных примерах.

Напомню, что экономика — это наука ведения хозяйства, экономист — это хозяин. Вот и представим себе та-

кого экономиста (возможно, коллективного), который является хозяином страны и в его власти увеличить в стране количество денег или уменьшить. Не имеет значения, каких именно денег — в виде золотой и серебряной монеты либо в виде разрисованных бумажек. Не имеет значения и то, как именно он их запускает в обращение — в виде повышения зарплаты (т.е. безвозвратно) или в виде кредитов. Главное, что количество денег в стране находится в его, хозяина (экономиста), власти.

Зададим себе *первый вопрос*: а зачем он вообще этим занимается, зачем нужны его стране деньги?

Да, было время, когда каждая семья или племя вели общее, так называемое натуральное хозяйство и съедали все, что сами и производили. Одевали на себя все, что сами и шили, а оружие имели только то, что умели себе сделать либо взять с боя в виде трофеев. При натуральном хозяйстве деньги не нужны, не нужен и рынок.

Но прогресс развития техники и технологии шел вперед, и люди стали специализироваться на производстве чего-то одного: либо сталь ковали, либо пшеницу сеяли, либо горшки обжигали. Было доказано, что 10 специалистов, разделив свой труд, производят в сумме в несколько раз больше товара, чем 10 человек в натуральном хозяйстве, каждый из которых и пахарь, и кузнец, и гончар. Стало понятно, что для того, чтобы становиться богаче, надо разделять труд.

Но вот тут возникла проблема у каждого производителя товара — нужно было обменять свой товар на тот, который нужен тебе. Как видим, появилось сначала новое явление — товар, т.е. то, что ты делаешь, но это не предназначено тебе, а предназначено только для обмена. И товар вызвал второе новое явление — рынок, т.е. место, где ты обмениваешь свой товар на нужный тебе.

Обмен товара — это главное условие его производства. И если обмен товаров затрудняется или прекращается, то снижается или прекращается их производство, даже если

к этому есть все необходимое: квалифицированные люди, машины, сырье, энергия. Поэтому без развития рынка невозможно развитие производства и, соответственно, народ данной страны не способен стать материально богаче.

Теперь о том, что такое рынок. Это не обязательно какое-то специальное огороженное место, рынок — это вообще место, где ты производишь реализацию товара: и базар, и вся страна, и другие страны, куда тебя с твоим товаром пускают. Везде, где ты способен обменять свой товар, — твой рынок. Сам по себе обмен товарами денег не требует и это надо понять и запомнить. Вот собрались в одном месте: крестьянин с зерном, которому нужны горшки, гончар с горшками, которому нужны топоры, и кузнец с топорами, которому нужно зерно. Какая проблема в том, чтобы они договорились и обменяли товар? Никакой! И никакие деньги не нужны.

Другое дело, когда эти трое находятся далеко друг от друга, не знают, кому из них что надо, и, даже встретившись по парам, не могут произвести обмен из-за ненужности твоего товара тому, чей товар нужен тебе. Такая ситуация называется «неразвитостью средств связи (коммуникаций)» и деньги — это следствие именно этой неразвитости. (Сегодня средства связи развиты настолько, что можно развивать любое производство товара и в одной стране, и во всем мире совершенно без денег. Но это отдельный вопрос.) А сейчас подчеркнем, деньги как эквивалент стоимости товара появились вследствие неразвитости средств связи на рынке данного производителя. Еще раз: деньги — это не цель хозяйствования, цель — товар, а деньги только временное вынужденное средство для обмена товара.

Подытожим: причиной всех причин является естественное желание любого производителя стать более обеспеченным (стать богаче). Это желание вызывает такую причинно-следственную цепочку:

- а) желание стать богаче требует:
- б) разделения труда, что в свою очередь требует:
- в) необходимость рынка, что в свою очередь вызывает:
- г) затруднения в связи партнеров по обмену товаров

и:

- д) появляются деньги.

Между прочим, дальнейшее развитие этой цепочки такое:

- е) совершенствование средств связи и, соответственно, связи между производителями товаров, что вызывает:
- ж) ликвидацию денег.

Но это, повторю, вопрос отдельный.

Итак, вернемся к тому, от кого начали, и к ответу на первый вопрос. Во главе страны хозяин, и он, как видите, в конечном итоге вводит в страну деньги для того, чтобы производители в его стране могли обменивать товар, и, следовательно, производить его.

Следующий вопрос — а как должны выглядеть деньги? А как уютно. Деньгами может быть честное слово партнеров, если оно у них имеется. Деньги ведь не участвуют в процессе производства, поэтому ни их вид, ни их качество не имеют значения. Это чтобы получить сталь, нужна руда, скажем, с 50% железа, и это обязательно, а сколько и чего содержится в деньгах не имеет ни малейшего значения. Главное — чтобы их принимали в обмен на товар. В отличие от собственно денег, золото, платина и серебро сами по себе являются компактным товаром, требующим большого труда по своему производству. Но к сути того, чем являются деньги, ни золото, ни платина, ни серебро не имеют отношения. Монеты и слитки — это дополнительный вес, который покупатель должен с собой носить, чтобы в конечном итоге выменять на деньги нужный себе товар.

Тогда *третий вопрос*. Если деньги — это только эквивалент стоимости товара, а не ценность сама по себе, то тогда у хозяина появляется возможность напечатать много денег и получить много товара. Так ли это? Черта с два! Речь

идет о хозяине, а не о придурке с печатным станком. Количество товара, которое можно произвести в данной фирме или в данной стране, определяется не деньгами, а развитием производительных сил — количеством работающих, их квалификацией и стимулами к работе, их организацией и развитием техники и технологии. Вот о чем болит голова у настоящего экономиста, а деньги, напомню, участвуют не в производстве товаров, а в их обмене. И для того, чтобы увеличить производство товаров, хозяин должен заниматься развитием производительных сил, а деньгами — в последнюю очередь. Еще и еще раз: деньги участвуют не в производстве товаров, а только в их обмене! Так не получится, чтобы во главе страны или фирмы поставить дурака, но с взятыми в кредит деньгами и чтобы все у него закрутилось само по себе и начался рост производства товаров. А ведь только они, а не деньги нужны гражданам его страны.

Тогда изменим *вопрос* — можно ли стимуляцией спроса на рынке (желания купить и деньгами для покупки) вызвать непрерывное увеличение производства товаров? Нет. Только до упора — до предела развития производительных сил на данном этапе. За этим пределом рост денежной массы в стране вызовет обесценивание денег (их как бы не станет вообще или станет очень мало), это вызовет ухудшение условий обмена товара, а без обмена нет и производства. Это известно очень с давних времен.

В начале XVIII века во Франции стало резко не хватать монеты. Были люди, способные произвести товар, были люди, желающие его купить, но денег — средства обмена товаров — было очень мало. Когда дело дошло до бунтов, то в 1717 г. шотландцу Джону Ло было разрешено основать банк и печатать банковские билеты. Не имея никакого обеспечения под билеты (т.е. не имея возможности обменять их на золото при возврате), Ло начал их печатать и раздавать в кредит. Во Франции начался экономический бум — производство товаров резко возросло, поскольку появилась воз-

возможность их обменивать. Никто и не собирался возвращать Ло его банковские билеты и требовать за них золото. С 1718 г. банк Ло стал Королевским, но легкость обогащения с помощью печатного станка затмила разум, и денег напечатали столько, что в 1720 г. доверие к ним упало, все бросились обменивать банковские билеты на монету или товары, стоимость банковских билетов рухнула, денег, как средства обмена товаров вновь не стало, и производство товаров снова резко снизилось.

Можно слышать расхожее мнение, что на рынке, дескать, все должны регулировать деньги или спрос, т.е. наличие людей с деньгами. Это убийственная для страны и мира глупость! На рынке должен властвовать ум хозяина (экономиста) страны! Если производительные силы страны готовы выдать дополнительный товар, нужно увеличить денежную массу в стране (выдачей льготных кредитов, повышением зарплат), если оборот денег ускоряется (уменьшается время нахождения их вне банков), то денежную массу необходимо сократить. Если необходимость потребовала резко увеличить денежную массу, то нужно либо смириться с тем, что стоимость новой массы денег сравняется со стоимостью старого количества товаров, т.е. деньги пропорционально обесценятся, либо нужно по прошествии этой необходимости принять специальные меры по уменьшению денежной массы, и тогда деньги вновь возрастут в цене. Не деньги, а голова экономиста (хозяина) — главное на рынке!

Пятый вопрос. А как хозяину данной страны контролировать денежную массу на рынке, если рынком является весь мир? В этом случае хозяин страны обязан выступать на внешнем рынке как единственный продавец и единственный покупатель — монопольно! Другого выхода нет.

Из-за климатических и географических особенностей затраты на производство одинаковых товаров в разных странах разные. Если ты в стране с худшими условиями и тебе открыть свой рынок, то производители из стран, в которых

производство товара дешевле, разорят твоих производителей, и ты станешь беднее, поскольку богатство страны определяется массой производимых в ней товаров. И только. А при монополии на внешнюю торговлю ты будешь богаче.

Пример. У тебя, хозяина страны, производитель выращивает яблоки с затратами 8 руб., а продает их за 10. Ты впустил к себе южноафриканских садоводов, а у них затраты 2 рубля. Они будут продавать свои яблоки за 8 рублей и разорят всех твоих производителей, и не только садоводов, но и всех обеспечивающих их — производителей сельхозтехники, удобрений, тары и т.д. Выход один — не впускать в страну конкурентов, а избыточные в стране яблоки скупить у своих садоводов за 10 рублей, вывезти их на мировой рынок и продать там за 2 рубля, на выручку купить 2 кг бананов, ввезти их в страну, продать по 6 руб., т.е. за 12 рублей, и на полученную прибыль (2 руб.) содержать своих коммерсантов-внешнеторговцев. С мирового рынка ты сможешь иметь в своей стране все, но для этого требуется, чтобы у тебя в стране не было безработных явных и скрытных — чтобы работали все, чтобы товаров было много. Были бы товары, а продать их с выгодой где угодно — это не проблема.

Напрашивается *шестой вопрос*: а почему нельзя допустить, чтобы каждый производитель сам свободно покупал и продавал на мировом рынке? Можно, но тогда хозяин страны (если он есть) должен установить контроль за всеми торгующими, что очень дорого и малоэффективно. Ведь цель хозяина страны — дать своему народу максимум товаров. Не то колбаса, что в магазине, а то колбаса, что в домашнем холодильнике.

А частный производитель заботы обо всем народе не имеет, он может продать яблоко на внешнем рынке не за 2, а за 1 рубль, и ему при определенных условиях это будет выгодно, может купить бананы не по 1, а по 2 рубля и продать их не по 6, а по 12 рублей. И такой торговлей частник

может во имя личной выгоды снизить количество товаров у народа своей страны. И, между прочим, вызвать этим обесценивание национальных денег, что опять-таки затруднит обмен товаров и приостановку их производства.

При декларированном отсутствии монополии на внешнюю торговлю она все равно есть, но только осуществляется эта монополия полками и дивизиями налоговых и таможенных инспекторов. Если в данной стране не способны загрузить людей производительным трудом, то тогда, конечно, можно дать им кормиться в бесчисленных посреднических фирмешках и в налоговой полиции. Настоящий экономист (настоящий хозяин), обслуживающий весь народ, не станет ослаблять производительные силы страны и, соответственно, уменьшать производство товаров путем перевода людей из производства в бессмысленные коммерческие и контрольные структуры. А плохой хозяин будет. Особенно тот, которому главное — получить от частных бизнесменов деньги для победы на выборах, но и то даже плохой хозяин делать это будет только до определенного предела.

Седьмой вопрос: а почему же тогда весь мир кричит о свободной торговле как о высшем достижении экономики? Паук, поймав муху в паутину, сначала вводит в нее реагент, который растворяет у мухи внутренности, а затем отсасывает их. Вот таким реагентом для пауков, желающих разорить твою промышленность и захватить твой рынок, является болтовня о свободной торговле. Сами такие страны, болтая о свободе, действуют едино, монопольно.

Скажем, недавно США пошლიной выкинули со своего рынка импортеров стали. А как же свободная торговля и конкуренция? И мы об этой акции США узнали только потому, что она задела европейских сталелитейщиков. А вот, скажем, о японской монополии, в связи с которой на японском рынке нет никого, кроме японцев, пресса даже и не пишет — надоело. Надо не продажным писакам внимать, а трезво рассчитывать свою (своего народа) выгоду. Но для этого, опять-таки, во главе народа должен быть хозяин.

Восьмой вопрос. В предыдущих ответах мы рассматривали не собственно деньги, а то, для чего они предназначаются, — обмен товаров. Но деньги и сами по себе являются товаром, причем необычайно выгодным для того, кто их эмиссирует (печатает). Дело в том, что банки, торгуя деньгами (давая их в кредит), берут только часть стоимости этого товара в виде процентов, скажем, 10%. Но тот, кто печатает деньги, давая их в кредит, берет кроме процентов и всю стоимость денег в виде других реальных товаров. Производство 100-долларовой купюры стоит всего 3 цента, давая ее в кредит для обеспечения мирового товарооборота, США сразу же имеют 3 300 000% прибыли только от запуска в обращение самой купюры, а затем 30 000% в год от оборота этой купюры в качестве заемных средств.

Поэтому США, обеспечивающие мировой рынок деньгами, как никто, заинтересованы в мировой торговле и отсутствии монополии на внешнюю торговлю у кого-либо, поскольку страны с монополией на внешнюю торговлю ведут на мировом рынке товарообмен либо при помощи своих денег, либо вообще без них и поэтому в долларах не нуждаются.

Без этого трудно понять, к примеру, почему после терактов 11 сентября США назначили в «ось зла» Ирак, Кубу и КНДР. Ведь эти страны никогда и никаких терактов против США не совершали. Но зато это страны с монополией на внешнюю торговлю и их правительства мешают продавать на рынках своих стран самый выгодный товар из США — доллары.

А ведь благодаря этому своему товару в США практически сворачивается производство реальных товаров: машин, техники, приборов, тканей и т.д. Металлургия США дошла до такого низкого уровня, что даже такое ценнейшее для нее сырье, как металлолом от разборки развалин небоскребов, был продан в Китай. США сегодня — это даже не столько мировой банкир, сколько мировой паразит.

Как видите, эмиссия денег — это очень выгодный бизнес, поэтому ни один хозяин (экономист) никогда не отдаст его в чужие руки, т.е. никогда не впустит в свою страну чужие деньги для осуществления с их помощью оборота своих товаров.

Девятый вопрос: значит ли это, что обмен валют в стране должен быть строжайше запрещен? А при чем здесь обмен? Зачем его запрещать? Нельзя допускать, чтобы расчеты внутри страны (оборот товаров) производились в иностранной валюте, поскольку это ведет к обесцениванию своей валюты (денег, как таковых, своих и чужих на рынке становится больше, чем товаров). Надо на вопрос свободы конвертируемости валют смотреть в принципе.

Вот человек заработал 10 рублей, и под них на рынке есть товар, который данный человек, по идее, и купит за эти деньги. А вот приехал иностранец, который тоже хочет купить этот товар. Так почему не произвести между ними обмен валют? Наш товар-то все равно будет куплен, и производство товаров у нас не уменьшится. А то, что наш человек поедет за границу и что-то там купит, так это его право — ведь он у нас в стране предназначенный ему товар уступил иностранцу, почему же ему не компенсировать потерю импортным товаром? Он купит не выгодно? Ну так это его проблемы, поскольку он покупает для себя.

Мне скажут, что воры и спекулянты будут переводить в валюту неправомерно нажитые деньги и т.д. Но так воровство и спекуляция и без перевода денег в валюту являются преступлением, и надо с ним бороться. Главное, чтобы этот валютный обмен происходил под контролем хозяина страны и по его курсу, а не по курсу, который устанавливают между собой валютные спекулянты на бирже легальной или черной.

Тут вот в чем дело. Вот мы выше рассматривали пример внешней торговли, по которому государство у себя на рынке покупает яблоко за 10 рублей, продает его на внеш-

нем рынке за 2 рубля, покупает на вырученные 2 рубля 2 кг бананов и продает их в своей стране по 6 рублей, т.е. за 12 рублей в сумме. Такой обмен яблок на бананы выгоден и с прибылью. Предположим, что государство установило курс 1 рубль = 1 доллар. Но ведь внутри страны по отношению к цене банана этот курс равен уже 1:6. Отсюда, если иностранец может продать доллар, минуя контроль хозяина страны, то он вполне может получить за него не 1, а 4 рубля по, так сказать, «банановому курсу». И тут два варианта. По первому он вывезет эти рубли за границу и там купит наши же яблоки за наши же, теперь уже его рубли по 2 руб. за кг. Получится, что мы заплатили за них внутри страны 20 рублей, а за рубежом вынуждены продать за 4, ничего не получив взамен, кроме наших же 4 рублей. Это капитальный убыток. По второму варианту иностранец не вывезет эти 4 рубля за границу, но тогда его доллар будет добавлением к денежной массе в стране, да еще и таким, которое покупатели расценивают в 4 раза дороже номинала. Это приведет к обесцениванию собственных денег и по этой причине, и потому, что товара на доллар иностранец вывезет в 4 раза больше, чем ввез реальных денег. Хозяин страны не сможет пополнить бюджет (общие расходы народа) за счет самой прибыльной операции — за счет печатного станка, за счет эмиссии.

Я привожу пример для России — для страны с очень затратным производством, но и страны с прекрасным климатом и путями сообщений иностранная валюта гробит точно так же, поскольку деньги, они и в Африке деньги. Возьмем, к примеру, Аргентину, которую бесконтрольная конвертация грабила точно так же, как и Россию. Потребовалось дойти до ручки — до голодных бунтов в стране с изобилием продовольствия, — чтобы правительство начало устанавливать контроль за обменом доллара на песо.

В бесконтрольной конвертации своей валюты или в обмене ее на золото есть и еще один минус. Это вывоз денег

из страны в виде валюты или золота. А вывоз денег снижает спрос на товары своей промышленности и, соответственно, вызывает торможение производства товаров. Скажем, какой-нибудь Нобель или Ротшильд разрабатывают месторождение нефти в царской России. Для того времени это, в принципе, допустимо. Но если бы рубль не менялся на золото, а через золото — на любую валюту, то Нобель и Ротшильд свою прибыль тоже должны были бы потратить в России и этим вызвали бы в ней дополнительный рост производства. Но в связи с конвертируемостью рубля эти люди вывозили свою прибыль за границу и тратили ее там, развивая промышленность, скажем, во Франции за русский счет.

Поэтому любое заботящееся о своем народе правительство, будь оно коммунистическим или монархическим (скажем, Александр II был категорическим противником золотого рубля), не даст никому бесконтрольно влиять на деньги страны — на то, что развивает свое товарное производство, что делает людей богаче. Исключением является правительства, которые сами разворовывают свою страну и которым для этого не нужен контроль, зато нужен беспрепятственный вывоз из страны украденного.

Кроме того, в свободной конвертации валюты во всех странах, напомним, заинтересованы те, чья валюта является основой мировой торговли и кто наживается на ее эмиссии: раньше Великобритания и США, сегодня только США. Чем в большем количестве стран местная валюта меняется на доллар, тем больше долларов требуется, тем богаче США.

Десятый вопрос: не может ли уменьшение количества денег в стране снизить цены на товары? Нет, ни в коем случае, поскольку время не идет вспять, а производство товаров — это процесс во времени. То есть ты сначала покупаешь сырье (положим, в кредит), а затем производишь товар. Если на рынке снижается количество денег и твой товар из-за этого не берут, то ты не сможешь снизить на него цену, так как не расплатишься за уже купленное сырье. Остает-

ся одно — снижать производство по имеющимся на рынке деньгам и даже больше, поскольку снижение производства ведет к росту условно постоянных расходов в себестоимости продукции, а их рост вызывает рост цены. В некоторых случаях (об этом я уже написал) добавление денежной массы на рынок при готовых производительных силах вызовет снижение цены, пропорционально росту производства товаров.

Одиннадцатый вопрос: если рост денежной массы в стране вызывает обесценивание денег, то почему хозяин страны идет на эмиссию — на включение печатного станка? Дело в том, что эмиссия ведет к перераспределению производимых товаров, она, если хотите, скрытый налог на производителей. Упрощенный пример. У нас 10 человек, которые производят по 10 единиц товара стоимостью 10 рублей каждая — всего на 1000 рублей. За производство этих товаров каждый получил по 100 рублей, на которые купил 10 единиц нужных себе товаров других производителей. Справедливый обмен товаров произошел, для чего потребовалось, предположим, 1000 рублей денежной массы. Но вот правительство печатает и пускает в оборот купюр еще на 1000 рублей, объем денег на рынке увеличился вдвое, стоимость единицы товара выросла вдвое (стоимость денег упала вдвое), и теперь каждый производитель на свои 100 рублей сможет купить лишь по 5 единиц товара, или 50 из 100 произведенных. А остальные 50 единиц купит тот, для кого произведена эмиссия. Скажем, во время войны — для дополнительных солдат в армии. Это единственное справедливое предназначение эмиссии. Поскольку, кроме армии, эту эмиссию могут расхватать, как я уже писал, жадные до наживы предприниматели, воры-интенданты, бесполезные чиновники и другие всевозможные хищники. Причем, этим негодьям и не нужна победа в войне — чем дольше она длится, тем сильнее они наживаются. В этом случае хозяин (экономист) страны должен применить давно известную в эконо-

мике систему — систему беспощадных казней мерзавцев в назидание другим.

Давайте подытожим разобранные принципы.

1. Чтобы народ жил богаче материально, нужно увеличивать производство товаров, а чтобы их увеличить, нужно разделить труд и специализировать производителей.

2. При разделении труда затрудняется связь между товаропроизводителями и обмен товарами между ними, для осуществления этого обмена вводится универсальный стоимостной эквивалент товаров — деньги.

3. Денег на рынке данной страны должно быть столько, чтобы не затруднять обмен максимально возможного (или необходимого) количества товаров — количества, на производство которого способны производительные силы страны.

4. Уменьшение денег против требуемого количества вызывает падение производства и рост цен, а не контролируемое увеличение массы денег вызывает обесценивание денег, обесценивание накоплений и сбережений. В связи с этим колебания денежной массы в любом направлении вызывают убытки у каждого гражданина.

5. Эмиссия денег дело очень выгодное, кроме этого, она перераспределяет товары в стране, поэтому заниматься ею в данной стране должны только те, кто отвечает за всех — Правительство данного государства. Частным лицам влияние на денежную массу любым путем должно быть строго запрещено.

6. Конвертация своих денег в валюту других стран должна происходить только под контролем государства и по его курсу, бесконтрольная (свободная) конвертация подрывает собственную валюту, собственную внешнюю торговлю и ведет к уменьшению собственного товарного производства.

7. Внешняя торговля должна вестись всеми производителями и покупателями вместе, монопольно, т.е. под контролем государства.

8. На рынке (рынках) данной страны должны властвовать не деньги (спрос), а мозги экономиста (хозяина), управляющего страной.

А теперь вернемся к вышеизложенному тексту доклада Зверева. Если после этих рассуждений задать вопрос, почему за три года Первой мировой войны стоимость рубля упала в десять раз, то можно назвать две чисто финансовые причины:

— потому, что царь разрешил конвертацию рубля и этим до войны развивал промышленность не России, а других стран, в результате собственная промышленность оказалась неспособной выдержать войну;

— потому, что жестокими казнями не обеспечил эмиссии денег и дал их разворовать негодьям.

Теперь мы подходим к советскому периоду истории финансов России.

Были времена и хуже...

Зверев: Еще VI съезд партии (август 1917 года) в резолюции об экономическом положении выдвинул ряд мер, необходимых для борьбы с финансовым крахом: немедленное прекращение дальнейшего выпуска бумажных денег, отказ от уплаты государственных долгов, как внешних, так и внутренних, преобразование всей налоговой системы путем введения подоходно-поимущественного налога, налога на прирост имуществ, высоких косвенных налогов на предметы роскоши и др.

После Октябрьской социалистической революции Советская власть приступила к осуществлению этих мероприятий. В начале 1918 года Ленин выдвигал как одну из важнейших задач экономической политики — отказ от эмиссии бумажных денег. По предложению Ленина Совнарком принимал меры к сокращению государственных расходов. При Совнаркоме был создан «Особый Комитет по сокращению государственных

ных расходов» (декрет СНК от 20 февраля 1918 года), в задачи которого входило внедрение финансовой дисциплины в работу всего советского аппарата. Однако трудности этого периода не дали возможности ликвидировать дефицит бюджета и отказаться от эмиссии. С ноября 1917 года по апрель 1918 года было выпущено в обращение 18,7 млрд. рублей.

В период кратковременной «брестской передышки»¹ весной 1918 года, разрабатывая план приступа к социалистическому строительству, Ленин уделяет много внимания финансам и денежному обращению.

По его указанию Наркомфин разработал тезисы по вопросам оздоровления и укрепления денежной системы. В связи с докладом наркомфина во ВЦИКе 18 апреля 1918 года Ленин подчеркнул необходимость организации финансового аппарата для проведения в жизнь плана оздоровления финансов и укрепления денежной системы. Комиссия, образованная ВЦИКом для рассмотрения основных положений финансовой политики, занималась вопросами денежной реформы.

Ленин требовал, чтобы оздоровление валюты и укрепление финансовой системы было осуществлено как можно скорее: «...не надо забывать, — писал Ленин, — что всякие радикальные реформы наши обречены на неудачу, если мы не будем иметь успеха в финансовой политике. От этой последней задачи зависит успех задуманного нами огромного дела социалистического преобразования общества». Для укрепления денежной системы Ленин считал необходимым отказаться от эмиссии бумажных денег и стабилизировать валюту: «подходящий налог должен быть взимаем со всех без исключения, ибо хозяйничанье при помощи типографского станка, как это практиковалось до настоящего времени, может лишь быть оправдано, как временная мера» (Собр. соч. Т. XXIII, с. 18—19).

¹ Попытка заключить мир с немцами, которая была сорвана в июле 1918 г.

На первом съезде финотделов в мае 1918 года Ленин изложил проект денежной реформы, который был направлен на оздоровление денежного обращения и подрыв экономической власти буржуазии.

«Мы назначим самый краткий срок, — говорил Ленин, — в течение которого каждый должен сделать декларацию о количестве имеющихся у него денег и получить взамен новые. Если сумма эта окажется небольшой, он получит рубль за рубль. Если же она превысит норму — он получит лишь часть. Мера эта несомненно встретит сильнейшее противодействие не только со стороны буржуазии, но и со стороны нашего крестьянства, разбогатевшего на войне и зарывшего в землю бутылки, наполненные бумажными деньгами» (т. XXIII, с. 20—21).

Готовясь к проведению денежной реформы, советское правительство стремилось сдержать эмиссию и приостановить рост цен. В условиях крайне тяжелой общехозяйственной обстановки ежемесячные размеры новой эмиссии не только не увеличились, но даже несколько сократились по сравнению с предыдущими месяцами.

Ввиду начавшейся гражданской войны и иностранной военной интервенции, ленинский план укрепления денежного обращения не был осуществлен.

Расходы на оборону резко возросли, доходы же бюджета не могли быть значительно увеличены в связи с усилившейся хозяйственной разрухой. Дефицит бюджета, несмотря на введение чрезвычайного революционного налога, резко возрастал. По бюджетной росписи 1920 года дефицит составлял свыше одного триллиона рублей, или 87% всех расходов бюджета. Единственным источником покрытия дефицита бюджета была эмиссия денежных знаков — совзнаков.

Количество денег в обращении с середины 1918 года до начала 1921 года выросло почти в тридцать раз — с 43,7 млрд. рублей на 1 июля 1918 года до 1,2 триллиона рублей на 1 января 1921 года.

Общая сумма материальных ценностей, получаемых государством посредством эмиссии, несмотря на ее огромный рост, не увеличивалась, а сокращалась. Доходы бюджета от эмиссии в пересчете на довоенные рубли по индексу цен составляли: в 1918 году 536 млн. рублей, в 1919 году — 225 млн. рублей, а в 1920 году только 122 млн. рублей. Резкое сокращение реального дохода от эмиссии происходило вследствие чрезвычайно быстрого обесценения денег. Так, в январе 1920 года денежная масса в обращении увеличилась на 15,7%, а цены возросли на 27%, в феврале при увеличении денежной массы на 12,6% цены увеличились на 23%; в марте денежная масса возросла на 16,2%, а цены на 25%.

Чрезвычайно высокие темпы обесценения денег были связаны не только с эмиссией, но и с сокращением объема производства и товарной массы, с процессом натурализации хозяйства и обмена (продразверстка, пайковое снабжение, бесплатность товаров и услуг), а также с ускорением обращения денег, вызываемым «бегством от денег», обычным в условиях острой инфляции. В связи с резким обесценением денег, в рыночном обороте отдельные товары становятся средством обмена, заменившим в ряде случаев деньги. Такими товарами в некоторых районах являлись — соль, хлеб и т. д.

Это еще больше ухудшало состояние денежного обращения и снижало роль финансовой системы.

К этому тексту следует добавить несколько замечаний.

Имеет смысл подчеркнуть причины, ведущие к обесцениванию денежной единицы, поскольку в докладе Зверева они указаны не все.

Первая причина понятна — эмиссия денежных знаков.

Вторая тоже указана — разруха, уменьшение производства товаров.

Третья причина — бартер, т.е. обмен товарами, минуя деньги.

Четвертая причина, которую Зверев, видимо, просто упустил, — отсутствие даже символического обеспечения денежных знаков большевиков, поскольку почти всю гражданскую войну золотой запас был у белых и они его щедро тратили на нужды своей армии. Рубль большевиков не вызывал доверия из-за отсутствия золота. Психология в финансовой политике имеет очень большое значение. Как мы видели выше, эмиссия денег царским правительством во время войны первое время не приводила к обесцениванию рубля — деньги просто копили, веря в крепость рубля.

О пятой причине Зверев, видимо, счел необходимым просто промолчать — это романтические попытки большевиков вообще обойтись без денег и распределять товар бесплатно. Сам по себе этот случай специфический, тем не менее, надо понимать, что любой обмен товаров без денег ведет к обесцениванию последних.

Как бы то ни было, но инфляция приняла ужасные размеры, и остановить ее не было возможности: армию, пенсионеров, госаппарат кормить и содержать было надо, а доходов от налогов практически не было. Но долго так продолжаться не могло, и действительно — как только окончилась гражданская война, большевики тут же взялись за дело.

В дополнение к сказанному хочу обратить ваше внимание на то, как именно Ленин хотел провести реформу денег сразу же после революции — непропорциональным обменом: труженникам рубль за рубль, а у спекулянтов деньги изъять. Именно так провел денежную реформу Сталин в 1947 г., но об этом разговор впереди. Украденную прямо или посредством спекуляции собственность большевики священной не считали.

Зверев: С переходом к мирному хозяйственному строительству со всей остротой встала задача оздоровления денежного обращения.

Говоря об основных задачах нэпа, Ленин указывал, что необходимо организовать торговлю и овладеть ею, урегулировать «теперешнее плохое денежное обращение».

После X съезда партии ЦК назначил комиссию для разработки необходимых финансовых мероприятий. В составленном Лениным «Наказе СТО» в мае 1921 года указывалось на необходимость создания правильно действующей денежной системы, что может быть достигнуто только на основе правильных взаимоотношений промышленности и земледелия.

Одним из важнейших условий оздоровления денежного обращения явилась организация Госбанка в октябре 1921 года. Госбанк должен был стать не только основным кредитным органом, но также центром организации денежных оборотов и регулирования денежного обращения.

С переходом к нэпу денежные отношения стали быстро развиваться не только в частном обороте, но и в обобщественном хозяйстве. Значение денег в народном хозяйстве возросло. Была восстановлена платность товаров и услуг. Большая часть государственных предприятий была переведена на хозрасчет, что означало прекращение их бесплатного государственного снабжения сырьем и материалами, а также сокращение бюджетного финансирования. Ограничивается, а в дальнейшем ликвидируется карточная система распределения продуктов среди рабочих и служащих; денежная зарплата постепенно вытесняет натуральную зарплату, хотя последняя в течение всего 1922 года сохраняла еще важное значение в бюджете рабочего.

В декабре 1921 года товарищ Сталин указал, что «...без приведения в порядок денежного обращения и улучшения курса рубля наши хозяйственные операции как внутренние, так и внешние будут хромать на обе ноги» («Правда» 18 декабря 1921 года).

XI съезд партии принял развернутую программу финансовой политики, на основе которой правительство проводило борьбу за увеличение товарооборота, за экономию в расходах

и расширение доходов бюджета. Перевод на хозрасчет большинства промышленных предприятий и организаций способствовал росту производства и товарооборота, сократил объем государственных расходов и в то же время расширил источники доходов для государственного бюджета. В 1922—1923 годах организуются местные бюджеты, проводится жесткая экономия в области расходов на административный аппарат и других расходов. Вводится система налогового обложения: акцизы, промысловый налог, подоходно-поимущественный налог и другие общегосударственные и местные налоги и сборы. В 1922 году выпускается первый краткосрочный хлебный заем на 10 млн. пудов хлеба. Облигации этого займа продавались за деньги, а погашение производилось по желанию держателей облигаций — либо деньгами, либо хлебом после реализации урожая. Так как облигации принимались в уплату натурального налога, то крестьянство охотно приобретало облигации этого займа.

В беседе с товарищем Сталиным (происходившей во время болезни Ленина) Владимир Ильич указывал: «Улучшение промышленности и финансов должно притти вслед за урожаем. Дело теперь в том, чтобы освободить государство от ненужных расходов, сократив наши учреждения и предприятия и улучшив их качественно. В этом деле нужна особая твердость и тогда вылезем, навверняка вылезем» (Сталин И. О Ленине. 1939. С. 11).

В целях постепенной реорганизации денежного обращения, а также для упрощения и облегчения счета и счетоводства, декретами от 3 ноября 1921 года и от 24 октября 1922 года проводятся две деноминации денежных знаков. По первой деноминации один рубль вновь выпущенных денежных знаков (дензнаки образца 1922 года) приравнивался к 10 тыс. руб. денежных знаков прошлых выпусков, а по второй деноминации (дензнаки образца 1923 года) к 1 млн. рублей денежных знаков всех выпусков до 1922 года или 100

рублям образца 1922 года. Ленин считал деноминации важным шагом на пути стабилизации рубля.

В связи с продолжавшейся эмиссией для покрытия бюджетного дефицита стабилизация совзнака не могла быть достигнута. Денежная масса выросла в период с 1 июля 1921 года до 1 января 1922 года в 850 раз и достигла около двух квадриллионов рублей. Рост хозяйственного оборота способствовал тому, что обесценение денег шло медленнее, чем рост эмиссии. Рубль за этот период обесценился в 260 раз. Одной из существенных причин эмиссии и обесценения денег был неурожай и голод 1921 года. Для создания устойчивой валюты требовалось значительное расширение производства и товарооборота и проведение коренной денежной реформы.

К концу 1922 года проблема стабилизации валюты становится особенно острой, так как продолжавшееся обесценение денег создавало серьезные препятствия на пути восстановления хозяйства.

Выступая на IV конгрессе Коминтерна в ноябре 1922 года, Ленин вскрыл значение устойчивой валюты для дальнейшего развития советского хозяйства. «Удастся нам на продолжительный срок, — говорил Ленин, — а впоследствии навсегда стабилизировать рубль — значит мы выиграли. Тогда... мы сможем наше хозяйство поставить на твердую почву и на твердой почве дальше развивать».

Обесценение совзнаков мешало правильной постановке учета на производстве, организации хозрасчета, затрудняло регулирование рынка и борьбу с частником. Ряд обследований показал, что многие тресты, ведя учет производства в совзнаках, не знали фактической себестоимости продукции и поэтому в значительной мере работали вслепую. Обесценение совзнаков тормозило рост товарности крестьянского хозяйства, развитие товарооборота между городом и деревней.

Хочу обратить внимание, что большевики знали, зачем им твердый рубль, и этим отличались от сегодняшних «финансовых экспертов», рассуждающих о курсе рубля черт знает из каких соображений. Так, к примеру, на ОРТ Леонтьев в своей передаче с умным видом рассуждал, что России требуется, чтобы рубль все время обесценивался, так как это «лучше для экспорта». Это действительно так, но Леонтьеву следовало бы все же эту мысль выразить по-русски: Западу с его твердой валютой легче скупать российское сырье, если рубль обесценивается. Леонтьев очень боится за прибыли Запада и этим отличается от большевиков, которые болели за Россию, поэтому они и делали все, чтобы стабилизировать рубль. Поскольку без твердой денежной единицы невозможно ни внутренняя торговля, ни производство.

Скажем, крестьянин вывез муку на базар и продал, но теперь он обязан что-либо купить немедленно, поскольку завтра рубли у него за пазухой станут уже вдвое дешевле. При обесценивающейся валюте любое убыточное предприятие по отчетам всегда прибыльно, поскольку выручка в цифрах всегда выше затрат, да вот только на эту выручку не купишь и половины того сырья, которое покупал, чтобы произвести тот товар, за который получил обесценивающиеся деньги.

Как видите, в условиях обесценивания денежных знаков большевики делали то, что естественно напрашивалось и что категорически не стали делать либералы СНГ в 90-х годах в таких же условиях. Большевики пытались организовать товарооборот при помощи облигаций хлебного займа, т.е. пытались найти деньгам обеспечение помимо золота, но неурожай 1921 г. не дал осуществить этот план. Между прочим, в 90-х годах либералам ничего не стоило найти рублю основу и остановить инфляцию, взяв за основу электроэнергию, которой в то время производилось еще достаточно. То есть, если бы либералы выпустили облигации или купоны для оплаты за электроэнергию, то эта валю-

та была бы прочнее доллара, ее бы все брали, поскольку за электроэнергию расплачиваются все. Но в 90-х годах речь шла не о возобновлении товарного производства и товарооборота, а о прекращении их...

Зверев: Необходимость в устойчивой валюте обуславливалась и тем, что золото и иностранная валюта, проникая в хозяйственный оборот, сужали сферу обращения советских денег.

В этих условиях, в целях придания устойчивости денежным расчетам, приходилось использовать условные измерители (довоенный рубль, золотой рубль, товарный рубль). Курс совзнака в таких измерителях устанавливался на основе учета изменений индекса цен, покупной цены Госбанка на золото и других показателей.

Однако использование указанных измерителей не могло заменить устойчивые деньги, которые были необходимы для развития хозяйства. В то же время наличие крупного бюджетного дефицита и необходимость эмиссии совзнаков для покрытия бюджетных расходов не давали возможности стабилизировать совзнак и сделать его устойчивой валютой.

Необходимо было, не ожидая полного оздоровления государственного бюджета и прекращения эмиссии совзнаков для покрытия бюджетного дефицита, создать наряду с падающим совзнаком твердую советскую валюту. Такой валютой могла быть только банковская валюта — кредитные деньги, не связанные с бюджетом и выпускаемые для обслуживания товарооборота через механизм банковского краткосрочного кредитования. Условия для эмиссии такой валюты в течение 1922 года были созданы. Рост производства, укрепление хозяйственных связей между хозяйственными организациями и развитие на этой базе кредитных отношений в хозяйстве создали к концу 1922 года условия для практического осуществления эмиссии кредитных билетов.

Билеты Госбанка должны были стать устойчивой валютой, в противовес обесценивавшемуся совзнаку и подлежали

внедрению не только в крупно-оптовый оборот, но и в розничную торговлю.

С лета 1922 года, по указанию Правительства, Госбанк стал готовиться к выпуску банкнот. Постановлением СНК СССР от 11 октября 1922 года Госбанку было предоставлено право эмиссии новых денег — банковских билетов крупных купюр (один, два, три, пять, десять, двадцать пять червонцев) для коммерческих операций. В качестве денежной единицы был принят червонец, приравненный к 1 зол. 78,24 доли чистого золота, т. е. к прежней десятирублевой золотой монете.

Было установлено, что банковские билеты обеспечивают не менее чем на 25% драгоценными металлами и устойчивой иностранной валютой по курсу ее на золото, а в остальной части — легко реализуемыми товарами, краткосрочными векселями и иными краткосрочными обязательствами. Эмиссия банковских билетов для выдачи краткосрочных ссуд казначейству разрешалась только в том случае, если эти ссуды обеспечены драгоценными металлами не менее чем на 50%. Банковские билеты должны были приниматься по их нарицательной цене в уплату государственных налогов и сборов в тех случаях, когда по закону платежи выражены в золоте.

В условиях 1921—1922 гг. проблема оздоровления денежного обращения ставилась как проблема создания твердой советской валюты на золотой основе, но без золотого обращения. В написанном Лениным «Наказе по хозяйственной работе», принятом 9-м съездом Советов РСФСР в декабре 1921 года, прямо указывалось, что наша политика должна быть направлена на «...восстановление правильного денежного обращения на основе золотой валюты» (т. XXVII, с. 142).

XI съезд партии в резолюции о финансовой политике указывал: «Для данного момента необходимо, нисколько не ставя задачи немедленного возвращения к золотому обращению, твердо установить, что наша экономическая финансовая политика решительно ориентируется на восстановление золотого обеспечения денег, — необходимого посколь-

ку золото твердо остается мировыми деньгами и поскольку это значение золота на мировом рынке находит свое неизбежное выражение и в отношениях на внутреннем рынке...» Установление золотого обеспечения банковских билетов облегчало их внедрение как устойчивой валюты во внутреннее обращение и открывало возможности в случае целесообразности для выхода советской валюты на мировой денежный рынок.

К лету 1923 года червонец прочно внедрился в оборот в качестве твердой валюты. Количество банковских билетов в обращении возросло с 3,5 млн. руб. на 1 января 1923 года до 237 млн. руб. на 1 января 1924 года, а их удельный вес во всей денежной массе, исчисленной в червонных рублях, поднялся с 3% до 75%.

Наряду с эмиссией червонцев в октябре 1923 года были выпущены так называемые транспортные сертификаты купюрой в 5 рублей, которые принимались в платежи железными дорогами наравне с червонцем. Фактически сертификаты принимались в платежи не только железными дорогами; они вошли в хозяйственный оборот в качестве мелкой купюры червонца.

Быстрое внедрение банковских билетов в хозяйственный оборот и вытеснение ими совзнака, а также золота и иностранной валюты было обеспечено тем, что по закону все советские хозяйственные организации, а также финансовые органы были обязаны принимать в платежи червонцы как твердую валюту. Госбанк, выдавая своим клиентам — хозорганам червонцы, сам принимал их по всем платежам. Как правило, Госбанк требовал, чтобы кредиты, выданные червонцами, обязательно погашались также червонцами. Спрос на червонец как устойчивую валюту стал предъявлять и частный капитал, нуждавшийся в банковских билетах для расчетов с советскими хозяйственными организациями и кредитными учреждениями, а также использовавший банковские билеты как средство накопления.

Подчеркнем следующее. Купюра с названием «червонец» теоретически должна была обмениваться на золотую монету в 10 рублей весом в 1 золотник 78,24 доли, или в 7,74 г. Такие монеты (точная весовая копия царских монет) на всякий случай были отчеканены, но в обращение они так никогда и не поступили. Была введена золотая валюта без реального золотого обращения. На купюрах бумажных червонцев надпись радовала владельца: *«Банковский билет подлежит размену на золото»*, — однако тут же сообщалось: *«Начало размена устанавливается особым правительственным актом»*.

Тем не менее, червонец всеми рассматривался как золотой и, более того, как вы увидите ниже, и стоит стал дороже золотой монеты. За счет чего?

Первое. Его не печатали в безумном количестве, а строго под контролем: сколько в казначействе находится золота, иностранной валюты, ликвидного товара, а также обязательств вскоре внести в казначейство золото и валюту — столько бумажек с названием «червонец» и печатали. Скупил Госбанк у населения дополнительное количество золотых монет царской чеканки — может отпечатать в два раза больше бумажек. И все.

Второе. Госпредприятия в своей массе превалировали над частником, и они рассматривали эти бумажки исключительно как золото. Поэтому и у населения не было необходимости смотреть на бумажные червонцы по-другому.

Третье. Торгуя этой бумагой на валютных биржах Запада, СССР отпускал за нее товары как за золото, поэтому и Запад относился к червонцу соответственно.

Но обратите внимание на остроумие большевиков. Червонец не заменил совзнак полностью — не хватало обеспечения, — и тот, ничем не обеспеченный (поскольку все активы шли на обеспечение червонца), продолжал хождение. Почему? Да потому, что червонец был очень большой суммой, его можно было использовать фактически только для

очень больших и оптовых покупок. А в розничной торговле требовались мелкие деньги. И благодаря этому казначейство получало возможность совзнак печатать, компенсируя эмиссией нехватку налоговых поступлений в бюджет. И люди все равно их брали — а куда денешься? Поскольку промышленность по плану и с помощью червонца неуклонно развивалась, то было ясно, что вскоре наступит момент, когда легко ликвидный товар в своей стоимости сравняется с денежной массой и эмиссия прекратится.

Вот ведь как хорошо, когда деньгами страны занимается настоящее правительство, а не убудки с валютной биржи! В блокаде, без цента внешних займов (вспомните, сколько лет в 90-х годах все вопили, что России для поддержания курса рубля требуются кредиты МВФ) СССР уверенно основывал самую прочную валюту в мире, во всяком случае, рубль таковым был с 1947 г. по перестройку.

Зверев: Параллельное обращение двух валют — падающего совзнака и устойчивого червонца не устранило ряда серьезных отрицательных явлений в денежном обращении.

Обесценение совзнаков после выпуска червонцев происходило особенно быстрыми темпами, в связи с сужением сферы их оборота. Если на 1 января 1923 года в обращении находилось совзнаков на сумму 2 млрд. рублей, то на 1 декабря того же года их количество выросло до 98,8 млрд. рублей (в дензнаках образца 1923 г.). Реальная ценность совзнака резко падала: ценность всей массы совзнаков в обращении, составлявшая в январе 1923 года около 114 млн. руб. в червонном исчислении, упала к концу года до 60 млн. руб. В результате накануне завершения денежной реформы весь крупный платежный оборот обслуживался червонцем, а совзнак превратился в мелкокупюрное средство обращения.

Падающий совзнак оставался еще основной валютой в деревне, так как проникновению червонца в деревенский оборот препятствовала его высокая купюрность. При низ-

кой товарности, а следовательно, при низком уровне денежных доходов крестьянского хозяйства червонец не был доступен для широких масс трудового крестьянства. К тому же в деревне отсутствовали те средства предохранения денежных доходов от обесценения совзнаков, которые могли быть применены в городах, как например, исчисление заработной платы в товарных рублях, а затем по курсу червонца и прием государственными сберегательными кассами от населения совзнаков на вклады в червонном исчислении, т. е. по курсу совзнака в червонцах. Таким образом, тяжесть эмиссионного налога и трудности, порождаемые падающей валютой, ложились в основном на крестьянство.

Рост товарности сельского хозяйства, рост денежного хозяйства деревни задерживался. Создавалась угроза смычке города и деревни.

Необходимость единой твердой валюты как одного из факторов укрепления смычки города и деревни и развития сельского хозяйства была подчеркнута в обращении ЦК партии «О денежной реформе»: «При медленности торгового и денежного оборота в деревне крестьянство или должно было нести крупные потери, если прибегало к пользованию совзнаками, или встречало хозяйственные затруднения, если пыталось обходиться без них. Твердые деньги несут крестьянству освобождение от эмиссионного налога. Твердые деньги войдут в мелкий деревенский оборот, они облегчат развитие торговли в деревне, они построят торговлю на более здоровых началах. Твердые деньги открывают крестьянству возможности сбережений для улучшения своего хозяйства».

Сохранение падающей валюты отрицательно отражалось и на положении рабочего класса. Заработная плата в значительной части выдавалась совзнаками, а не червонцами.

Для этого периода характерны резкие скачки многочисленных курсов (совзнаков на червонцы, червонцев на золото и т.п.) и колебания курсов одних и тех же валют на различных рынках. Деятельность государственных, промышленных

и торговых предприятий в этих условиях принимала ненормальный характер. Курсовая разница давала в день 3—5% прибыли или убытка, в зависимости от того, удавалось ли превратить своевременно данному предприятию поступления в совзнаках в червонцы. Параллельное обращение устойчивой и падающей валюты создавало почву для спекуляции на «черной бирже».

Параллельное обращение при нарастающем обесценении совзнака обострило хозяйственные трудности осени 1923 года («кризис сбыта»). «Кризис сбыта» со всей силой показал острую необходимость завершения денежной реформы и создания единой устойчивой валюты.

В первой половине 1923 года завершение денежной реформы предполагалось осуществить путем резкого сокращения, а затем прекращения эмиссии совзнаков, что дало бы возможность стабилизировать совзнак.

В этих целях 7 июля 1923 года ВЦИК вынес постановление об ограничении ежемесячной эмиссии совзнаков с 1 августа 1923 года суммой в 15 млн. рублей в червонном исчислении по официальному курсу. Это мероприятие предпринималось «в интересах выполнения первостепенной задачи скорейшего упорядочения государственного финансового хозяйства и обеспечения устойчивого характера денежного обращения».

Такое сокращение выпуска совзнаков не было осуществлено вследствие продолжающегося бюджетного дефицита. Эмиссия совзнаков составляла в червонном исчислении: в августе 1923 года 29,3 млн. руб., в сентябре 42,6 млн. руб., в октябре 71,1 млн. руб., в ноябре 47,7 млн. руб. и в декабре 54,6 млн. руб., т. е. была в несколько раз выше установленного предела.

Рост цен значительно обгонял темпы эмиссии. В ноябре 1923 года цены возросли на 110%, в декабре — на 136%, в январе 1924 года — на 199% и в феврале — на 280%. Такое обесценение денег требовало для обеспечения эмиссионных

доходов государственного бюджета выпуска бумажных денег все нарастающими темпами.

Резкое обесценение привело к фактическому аннулированию всей массы выпущенных в обращение совзнаков. Количество совзнаков в обращении на 1 апреля 1924 года достигло 762 квадриллионов рублей (без учета деноминаций), а их реальная стоимость составляла лишь 15,2 млн. руб. в червонном исчислении.

Обесценение совзнаков значительно расширило емкость денежного обращения для новой устойчивой валюты и вместе с тем освободило государство от обязательства компенсации товарными ценностями владельцев совзнаков.

Червонец внес известное единство в систему хозяйственного учета и контроля и создал условия для расширения кредита, игравшего важную роль в восстановительном процессе. Введение червонца позволило усилить финансовую дисциплину в хозяйстве, наладить финансовое хозяйство промышленности. Банкнотная эмиссия Госбанка становится важным источником расширения краткосрочного кредита и формирования оборотных средств промышленных предприятий.

Однако отсутствие в хозяйстве единой твердой валюты препятствовало нормальному развитию хозяйственного оборота и экономических связей города и деревни и порождало трудности в разрешении задач хозяйственного строительства. Параллельное обращение было временной и переходной системой денежного обращения до того, как были подготовлены условия завершения денежной реформы.

Хочу обратить внимание на откровенность разговора министра финансов с главой правительства, откровенность, которую можно было бы воспринять как цинизм. Ведь что значат слова «обесценение совзнаков... освободило государство от обязательства компенсации товарными ценностями владельцев совзнаков»? Это значит, что лавинообразное обесценивание рубля было не совсем бесконтрольным.

Что происходило. Государство, собирая налоги, строило заводы, но ведь путь до готового товара ох как далек! Нужно построить рудник, построить шахту, построить коксовую батарею, построить дому, построить мартен, построить слябинг, построить листопрокатный стан, построить штамповое производство, чтобы, в конце концов, получилась кастрюля, которую можно предложить крестьянину в обмен на хлеб. А за что купить все это оборудование на внешнем рынке? Да в основном за хлеб. А что кушать строителям и обучающимся рабочим? Да тот же хлеб. Хлеб у крестьян надо было брать, а дать ему было пока нечего. Поэтому брали, ничего взамен не давая. Брали всеми доступными способами: и налогами, и обложениями, и удержанием цены на хлеб на низком уровне, и вот таким способом, какой назвал Зверев, — умышленно обесценивали совзнак такими темпами, что, продав сегодня хлеб, завтра крестьянин на обесценивающуюся выручку ничего не мог купить.

А с кого было еще брать? Российская интеллигенция изначально никогда и ничего своему государству не давала, а с рабочего и рады бы взять, да у него товара еще нет.

Удержание червонца

Зверев: Значительные успехи восстановления промышленности, транспорта и сельского хозяйства и развитие товарооборота в течение 1922—1924 гг. создавали необходимые экономические предпосылки для завершения денежной реформы.

В области финансов и денежного обращения благоприятные условия для завершения денежной реформы заключались в следующем: неуклонно сокращался бюджетный дефицит; червонец прочно внедрился в обращение как твердая валюта; был достигнут активный торговый и платежный баланс и возрастали золотой и инвалютный запасы Госбанка.

Эти благоприятные экономические и финансовые предпосылки сами по себе еще не гарантировали успеха денежной реформы. Необходимо было преодолеть ряд серьезных трудностей, чтобы добиться ее успешного завершения.

Во-первых, к моменту проведения реформы (февраль — март 1924 года), хотя и был сильно сокращен, но еще не был полностью ликвидирован бюджетный дефицит, что создавало известную угрозу устойчивости денег, в особенности на первых порах, в период замены падающей валюты устойчивой.

Во-вторых, не были еще преодолены последствия «кризиса сбыта». Цены на сельскохозяйственную продукцию возросли сильнее, чем снизились цены на промтовары, и общий уровень цен товаров с октября 1923 года и вплоть до реформы непрерывно возрастал. В то же время между оптовыми и розничными ценами к началу 1924 года был большой разрыв. Снижение цен на промтовары не доводилось полностью до потребителя, развивалась спекуляция, которую создавал частный капитал, сопротивлявшийся проводимой Советской властью политике снижения цен.

В-третьих, курс червонца к моменту денежной реформы не был вполне прочным. Золотая десятирублевая монета по курсу червонца стоила на московском рынке на 1 февраля 1924 года 14 руб. 10 коп., а на местах этот курс был еще выше.

В-четвертых, реформа проводилась без каких бы то ни было иностранных займов, в условиях финансовой блокады. Так как в этот период червонец котировался на некоторых иностранных биржах (Константинополь, Милан, Стокгольм и др.), существовала опасность большой утечки золота, в связи с давлением иностранных финансовых кругов на курс советской валюты за границей. Чтобы избежать расходования большого количества золота для поддержания курса советского рубля за границей, необходимо было усилить экспорт и ограничить импорт товаров, что не могло не сказаться на состоянии внутреннего рынка.

Наконец, в-пятых, проведение денежной реформы осложнялось недоверием населения, в особенности крестьянства, к бумажным деньгам. Это недоверие возникло в результате большого обесценения денег в период империалистической и гражданской войны и в первые годы нэпа.

Частный капитал занимал резко враждебную позицию по отношению к проводимой Советской властью денежной реформе, так как был заинтересован в сохранении падающей валюты, при которой нэпман выигрывал на спекулятивном росте цен и на обесценении своей задолженности государственным организациям и банкам. Падающая валюта была выгодна также и кулакам, которые наживались на спекуляции хлебом и на ростовщических операциях.

Чтобы добиться успешного проведения денежной реформы, необходимо было сломить сопротивление нэпманской буржуазии и кулачества, которые являлись в тот момент серьезной экономической силой.

В борьбе за осуществление плана денежной реформы пришлось преодолеть сопротивление враждебных пролетариату сил, имевших в тот период свою агентуру в партии, в лице троцкистов. Троцкисты, подписавшие «заявление сорока шести», пророчили провал денежной реформы и требовали отказа от политики ее проведения.

Засевшие в Институте экономических исследований Наркомфина буржуазные экономисты также предсказывали крах реформы, мотивируя это невозможностью надлежащего сокращения бюджетных расходов и изыскания в короткий срок других источников покрытия дефицита. Они настойчиво пропагандировали восстановление золотого обращения при содействии иностранного капитала. На практике это означало бы зависимость нашего денежного обращения от мирового денежного рынка и нашей экономики от иностранного капитала.

Опираясь на командные экономические высоты и располагая к тому времени значительными экономическими ре-

сурсами, советское государство сумело преодолеть трудности, стоявшие на пути проведения денежной реформы.

Маневрируя товарными массами, государство добилось не только стабилизации, но и снижения уровня товарных цен. Монополия внешней торговли обеспечивала успех мероприятий по линии торгового и платежного баланса, в частности, использование конъюнктуры иностранных валютных рынков для укрепления советской валюты. Государственная кредитная система с централизованным руководством и разветвленной сетью филиалов, а также государственное управление фондовыми биржами давали возможность обеспечить проведение системы мероприятий для поддержания единого для всей страны устойчивого курса червонца.

В борьбе за успешное проведение денежной реформы советское государство опиралось на поддержку рабочего класса и крестьянства. Советы рабочих и крестьянских депутатов, партийные и профессиональные организации представляли собою важнейший и надежный рычаг осуществления необходимых для успеха реформы финансово-экономических мероприятий. При проведении контроля над розничными ценами, являвшегося весьма важным условием успеха реформы, эти массовые организации трудящихся сыграли решающую роль.

Полагаю, что эта часть истории внедрения червонца не нуждается в комментариях, и мне хотелось обратить внимание только на то, что частники и нэпманы яростно требовали настоящего золота, требовали для того, для чего сегодня рубль свободно-конвертируемый, — чтобы вывезти золото за рубеж и за ним удрать туда же. Их попытки девальвировать червонец закупкой золотых монет по 14—15 рублей (т.е. себе в убыток) ни к чему не привели — дальше этого предела червонец даже на черном рынке не опустился. Государство четко контролировало выпуск червонцев и от начала продажи своих золотых монет удержалось.

Я бы хотел обратить внимание и на слова «маневрируя товарными массами...». Они означают, что правительство держало крестьян под жестким ценовым прессом, не давая ему нигде поднять цены на хлеб, не давая хапнуть (заработать). Я хочу, чтобы вы обратили внимание: уже в 1924 г. правительство умело удерживать цены на хлеб на желательном уровне, как вы увидите ниже, даже экспорт зерна прекращали, если требовалось удержать на низком уровне внутренние цены на базарах СССР.

Конец совзнака, воцарение твердого рубля

Зверев: XIII партийная конференция в январе 1924 года подтвердила правильность финансовой политики Центрального Комитета партии, направленной на скорейшее проведение денежной реформы, и указала, что «...червонное обращение в настоящее время является одной из существеннейших опор для дальнейшего развития хозяйства... Дальнейшая политика партии должна заключаться в охрании устойчивости червонца и завершении денежной реформы. Интересы широких масс требуют завершения денежной реформы, т. е. замены падающего совзнака твердой валютой. Завершение денежной реформы должно стать одной из основных задач Советской власти на предстоящий период».

Руководствуясь решениями XIII партконференции, Советское правительство перешло в начале 1924 года к осуществлению мероприятий по завершению денежной реформы.

Завершение денежной реформы в основном сводилось к выпуску государственных казначейских билетов, прекращению выпуска и изъятию из обращения ранее выпущенных совзнаков путем выкупа их по твердому курсу.

Эти мероприятия проводились в такой последовательности:

В начале 1924 года на основе декрета ЦИК и СНК СССР от 5 февраля 1924 года выпускаются в обращение государст-

венные казначейские билеты достоинством в один, три и пять рублей. В декрете указывалось, что новые денежные знаки в отличие от совзнаков должны выпускаться в обращение соразмерно с потребностями товарооборота. Новым денежным знакам была присвоена сила законного платежного средства; при этом по всем платежам, исчисленным в золоте или в червонцах, казначейские билеты должны приниматься по их нарицательной стоимости.

Одновременно по декрету ЦИК и СНК СССР от 22 февраля 1924 года выпускается в обращение высокопробная серебряная монета достоинством в 1 рубль и 50 копеек, а также разменная серебряная и медная монета.

С 15 февраля прекращается печатание и выпуск в обращение совзнаков. Имевшиеся в центре и на местах запасы совзнаков подлежали уничтожению.

Наконец, с 10 марта 1924 года, после того как казначейский билет вошел в оборот, начинается изъятие из обращения советских знаков путем выкупа их по твердому курсу: 1 рубль казначейскими билетами приравнивается к 50 тысячам рублей денежными знаками 1923 года (в денежных знаках старых образцов 50 миллиардов рублей).

Обязательный прием совзнаков государственными, кооперативными и частными учреждениями, предприятиями и лицами по указанному курсу был первоначально установлен по 10 апреля 1924 года, а Наркомфин и Госбанк должны были принимать совзнаки в платежи и в обмен на твердую валюту по 30 апреля 1924 года. Эти сроки затем были передвинуты на месяц, а для Якутии на два месяца. Для иностранных держателей предельный срок был установлен — 30 июня 1924 года.

Новая казначейская валюта быстро внедрялась в оборот и обращалась наравне с банковскими билетами (червонцами) по нарицательной стоимости. За короткий период — февраль — июнь 1924 года в обращение было выпущено казначейских билетов и разменной монеты на 182,9 млн. рублей.

Из этой суммы было истрачено на выкуп совзнаков 22,0 млн. рублей. Из остальной суммы 55,2 млн. рублей использовано на покрытие бюджетных расходов, а 105,7 млн. рублей были переданы Госбанку как фонд размена банкнот.

Устойчивость казначейской валюты обеспечивалась потребностями оборота в твердых денежных знаках мелких купюр и поддерживалась беспрепятственным обменом казначейских билетов на червонец по твердому курсу при обязательности их приема по всем платежам.

Установленный государством паритет казначейских билетов и червонца по закону был обязателен для всех государственных и кооперативных предприятий и хозорганов как при договорах и расчетах друг с другом, так и при сделках с частными предпринимателями и торговцами. Равным образом этот паритет имел обязательную силу и в платежных отношениях между государственными, финансовыми и кредитными органами, с одной стороны, и населением — с другой. Это обстоятельство при господствующей роли социалистического сектора в хозяйственном обороте содействовало закреплению за казначейскими билетами позиций, уже завоеванных червонцем.

Для завершения денежной реформы потребовалось провести ряд серьезных политических и хозяйственных мероприятий.

В марте 1924 года в обращении о денежной реформе Центральный Комитет партии указывал, что «успех денежной реформы — победа в бою с рыночной стихией за твердую советскую валюту — не может быть обеспечен одними лишь финансовыми мероприятиями, равно как и значение реформы выходит далеко за пределы финансовой политики. И победа в борьбе за твердую валюту будет достигнута вне всяких сомнений сплоченным выступлением партии, широким развертыванием инициативы партийных масс, направленной к единой цели».

Важнейшим хозяйственным мероприятием, обеспечившим успешное завершение денежной реформы, было расширение государственной и кооперативной розничной торговли и последовательное проведение политики снижения цен.

Для расширения товарооборота временно приостанавливается экспорт хлеба; расширяется торговля продовольственными товарами; понижаются цены на хлопок, ткани, резину и другие промтовары и вводится публикация цен розничной торговли. В целях поддержания устойчивых цен на хлеб расширяется продажа хлеба через государственную и кооперативную торговлю по твердым ценам.

Специфическим методом советской денежной реформы было регулирование цен для поддержания устойчивости рубля; для этого, в частности, широко использовалось маневрирование товарными массами. Были использованы все принадлежащие государству и кооперации товарные запасы. Товары перебрасывались на те рынки, где ощущался в них недостаток, и таким путем подрывалась спекуляция на повышении цен и достигалось снижение цен на рынке. В этих же целях были разбронированы некоторые предназначенные к экспорту товарные фонды, в частности хлебные.

Маневрирование товарными массами на рынке (хлеб, сахар, мануфактура и другие товары), наряду с прямым воздействием на государственную промышленность и торговлю по линии расширения сбыта и снижения цен, очень быстро дало положительные результаты. Уже в конце марта 1924 года частнокапиталистические элементы во многих пунктах были вынуждены понижать цены.

Частник побуждался к снижению цен и другими методами. Оптовые государственные торговые организации, предоставляя кредит частнику, требовали продажи товаров с фиксированной предельной накидкой, а в случае невыполнения этого условия прекращали отпуск товаров. Через кредитную систему оказывалось воздействие не только на частную розничную торговлю, но также и на мелкую частнокапиталисти-

ческую промышленность и кустарные предприятия. Используя зависимость частного по линии ссуд, учета и переучета векселей, Госбанк добивался подчинения частного требованиям государства в области цен. В период реформы Госбанк на ряде участков провел значительное сокращение кредитования частного, используя высвободившиеся средства для усиления кредитования государственной промышленности, торговли и кооперации. Кредитование частного за период с 1 октября 1923 года по 1 октября 1924 года было сокращено более чем вдвое. В борьбе за подчинение частного капитала советской политике цен был использован также и налоговый рычаг.

Попытка частнокапиталистических элементов сорвать реформу провалилась: не только оптовые, но и розничные цены на товары были снижены и в дальнейшем стабилизированы. Индекс розничных цен статистики труда ВЦСПС с 211,2 в марте 1924 года снизился до 197,1 — в декабре 1924 года (цены 1913 года = 100).

Успешному завершению денежной реформы благоприятствовала ликвидация бюджетного дефицита. В 1923/24 хозяйственном году по плану намечалась эмиссия для покрытия бюджетного дефицита в сумме 180 млн. червонных рублей. Фактически доходы от эмиссии за этот период были сведены к 126 млн. руб. С 1 июля 1924 года прекращается эмиссия казначейских билетов для покрытия бюджетного дефицита.

Существенное значение имели и другие финансовые мероприятия: создается фонд червонцев для беспрепятственного обмена казначейских билетов; кооперация и государственная торговля обеспечиваются твердой валютой путем досрочного обмена советских знаков; повышается процент по пассивным операциям Государственного банка и по вкладам в сберегательных кассах. Для успешного завершения денежной реформы имело значение также и поддержание курса новой советской валюты по отношению к золоту и инвалюте. Накопление необходимых для этой цели золотых запасов достига-

лось путем активного торгового баланса и увеличения добычи золота. В III квартале 1922/23 хозяйственного года сальдо торгового баланса было еще пассивным, но уже в четвертом квартале этого года было достигнуто превышение вывоза над ввозом. С конца 1923 года и в течение всего 1924 года поддерживалась активность торгового баланса. Экспорт за 1924 год составил в ценах 1913 года 337 млн. рублей, импорт — 260 млн. рублей, положительное сальдо — 77 млн. довоенных золотых рублей.

Известное психологическое значение для населения имел выпуск разменной монеты и в особенности высокопробного серебра (полтинники и рубли). В сочетании с указанными выше основными факторами и это сыграло положительную роль.

Успешное завершение денежной реформы в 1924 году привело к созданию единой устойчивой советской валюты. Без помощи извне, на основе преимуществ советской системы и особыми методами было ликвидировано расстройство денежной системы, продолжавшееся около 10 лет.

После выпуска в обращение казначейских билетов и разменной монеты, до изъятия совзнаков, в обращении находилось пять видов денежных знаков: червонцы, казначейские билеты, разменная монета, транспортные сертификаты, совзнаки.

В этих условиях сохранялась почва для спекуляции. Совзнаки, до фиксации твердого выкупного курса, имели непрерывно колеблющийся курс на все виды твердой валюты. В период проведения денежной реформы, колебания курса совзнаков были особенно велики. Так, на 1 февраля 1924 года курс червонца на валютном рынке Москвы составлял в совзнаках 1923 года 88,8 тыс. рублей, а через месяц, на 1 марта 1924 года, он поднялся до 328 тыс. рублей, т. е. на 271%. В феврале 1924 года совзнаки обесценивались ежедневно, в среднем на 5,8%.

С объявлением твердого выкупного курса совзнаков спекуляция на совзнаках прекратилась, и можно было бы ликвидировать валютную спекуляцию, несмотря на наличие в обращении разных видов денег, если бы Наркомфин в период проведения реформы справился с регулированием покупательного состава денежной массы.

Между тем, недостаточная организационно-техническая подготовленность Наркомфина к реформе и допущенные им грубые ошибки в регулировании состава денежной массы при проведении реформы породили разменный кризис, который нанес серьезный вред денежному обращению.

Наркомфин и Госбанк имели вполне достаточный срок для подготовки к последнему этапу денежной реформы. Однако к моменту реформы не было заготовлено достаточного количества казначейских билетов и разменной монеты. Но и те казначейские билеты и разменная монета, которыми располагал Наркомфин, выпускались в обращение небольшими суммами. В результате такой практики при обмене крупных купюр денег (червонцев) на казначейские билеты, в связи с голодом на разменные деньги, стала взиматься надбавка (лаж), которая временами достигала 20—30%. Тем самым практика Наркомфина срывала одно из требований, выдвинутых в постановлении ЦК партии «О финансово-экономических мероприятиях в связи с проведением денежной реформы», — вести борьбу со всевозможными попытками спекулянтов создавать разменные лажи.

Не удовлетворяя спрос платежного оборота на казначейские билеты, Наркомфин не учел изменений, которые произошли в денежном обращении после ликвидации падающей валюты. Уже один факт замещения быстро падающей валюты твердой валютой, которой присуща более медленная оборачиваемость, означал серьезное расширение потребности обращения в новых денежных знаках. Между тем, удельный вес денежных знаков купюрами до 5 рублей в общей денежной массе в период реформы не только не увеличился по срав-

нению с их удельным весом до реформы, но, наоборот, значительно снизился.

Так, в момент наивысшей быстроты оборота совзнаков удельный вес купюр, реальная ценность которых по курсу червонца была ниже 5 рублей, составлял 17—18%. Между тем на 1 марта 1924 года удельный вес казначейских билетов всех купюр и разменной монеты составлял только 9,7%, на 1 апреля — 12,4%, на 1 мая — 16,6%, и лишь к 1 июня 1924 года восстанавливается дореформенный удельный вес мелких купюр.

Разменный кризис вызвал массовое появление денежных суррогатов. Он затруднял также выполнение одной из центральных задач реформы — развертывание товарооборота и снижение цен.

Разменный кризис принимал острую форму не только на периферии. Большой недостаток в деньгах мелких купюр ощущался и в Москве, где существовал лаж при обмене крупных знаков на мелкие. Даже некоторые центральные учреждения выпускали разного рода денежные суррогаты.

Во второй половине 1924 года разменный кризис начал постепенно ослабевать по мере насыщения каналов денежного обращения средними и мелкими купюрами. К концу 1924 года удельный вес купюр до 5 рублей составил 28—30%, что было близко к необходимой в то время для оборота норме.

В апреле 1925 года XIV партийная конференция отметила, что успех денежной реформы... «открывает новую страницу в области хозяйственного строительства СССР, создавая прочную базу для дальнейшего экономического прогресса». В том же году III съезд Советов констатировал, что... «не только без иностранной помощи, а наоборот, в условиях финансовой блокады» «...реформа денежного обращения Союза удалась полностью». Реформа, указывается дальше в решениях III съезда Советов, «...является основой дальнейшего ускоренного и более уверенного подъема во всех отраслях народного и государственного хозяйства».

Директивы Ленина и Сталина по оздоровлению денежного обращения были выполнены. Денежная реформа оздоровляла все хозяйственные отношения, повысила роль денег как стимула роста производительности труда, увеличения производства, снижения себестоимости на государственных предприятиях, создала одну из важнейших предпосылок для роста сбережений, усилила контроль над частником и регулирование рынка, укрепила позиции социалистических элементов в их борьбе с капиталистическими элементами.

Реформа имела большое значение для развития сельского хозяйства и для укрепления экономического союза рабочего класса и крестьянства. Прекратились потери крестьян от обесценения денег, улучшились условия рыночной реализации сельскохозяйственной продукции; резко сократились «ножницы цен» промышленных и сельскохозяйственных товаров.

Все это способствовало подъему крестьянского хозяйства, увеличению сырьевой и продовольственной базы для промышленности и расширению рынка сбыта для промышленной продукции.

Трудовое крестьянство получило дешевые товары и обеспеченный сбыт своих продуктов в твердой валюте. Вместе с тем крестьянство получило возможность освободиться от ростовщической кабалы и пользоваться через систему кредитной кооперации государственным кредитом в твердой валюте по низкому проценту.

В результате перехода к твердой валюте и снижения цен повысилась и получила устойчивость реальная заработная плата рабочих и служащих, а это явилось фактором роста производительности труда, роста социалистического производства и накопления.

1924/25 год — первый, после денежной реформы, хозяйственный год — был годом максимального за весь восстановительный период подъема промышленности. В этом году продукция планируемой промышленности выросла на 57%

по сравнению с 1923/24 годом. Этот подъем промышленности в 1924/25 году можно поставить в прямую связь с оздоровлением финансовых и хозяйственных условий деятельности промышленности — по линии сбыта, расчетов, банковского кредитования, финансирования.

Устойчивая валюта создала твердые основы снижения себестоимости, укрепления хозрасчета, контроля и планирования в промышленности. Во второй половине 1924 года себестоимость промышленной продукции была снижена почти на 20%. По производительности труда промышленность уже в 1925 году достигла довоенного уровня, реальная зарплата после реформы возросла и достигла довоенного уровня в 1924/25 году.

Роль частного в оптовом и розничном товарообороте после реформы резко упала, позиции же социалистических элементов (госторговли и кооперации) в такой же мере расширились и укрепились. Удельный вес частного капитала в розничном товарообороте с 75,3% до реформы упал до 54,9% в период реформы и 42,4% в первом году после реформы. Соответственно возросла роль государственной торговли и кооперации. В результате реформы нэпманская буржуазия лишилась спекулятивных прибылей и потеряла ряд позиций в хозяйстве.

Денежная реформа доказала возможность успешного хозяйственного развития СССР без иностранных займов, она продемонстрировала преимущества советской системы хозяйства над капиталистической и, в частности, преимущества в области финансов и денежного обращения. Денежная реформа уничтожила валютную стену между городом и деревней и создала прочный валютный мост между ними, укрепила экономический союз рабочего класса и крестьянства.

Исключительно высокие темпы подъема хозяйства и расширения товарооборота в 1924 и 1925 гг., вместе с восстановлением нормальной скорости обращения денег, обусловили значительный рост потребности хозяйства в день-

гах, что обеспечивалось эмиссией банковских и казначейских билетов.

Денежная масса с момента окончания реформы до конца 1925 года возросла почти в четыре раза. Такой значительный рост денежной массы в обращении не нанес ни малейшего ущерба ценности денег — валютный курс и покупательная сила денег даже несколько повысились по сравнению с их уровнем в начале реформы.

Оптовый индекс цен промтоваров Госплана на 1 февраля 1924 года составлял 2,269 (цены 1913 года = 1), а на 1 декабря 1925 года 1,952. Общий индекс цен на те же даты составил 1,865 и 1,682. Стабилизировались и розничные цены. Вольный рыночный курс золотой десятирублевой монеты в червонцах равнялся в Москве к 1 февраля 1924 г. 14 руб. 10 коп., а на 1 декабря 1925 года 9 руб. 60 коп. Курс доллара в Москве составлял: на 1 февраля 1924 года — 2 руб. 39 коп. и на 1 декабря 1925 года — 2 руб. 20 коп.

Эмиссия была использована в качестве ресурса краткосрочного кредитования народного хозяйства. На базе эмиссии денег и аккумуляции в банках денежных накоплений и кассовых резервов быстро росло кредитование народного хозяйства, что в свою очередь было одним из важнейших факторов ускорения темпов развития хозяйства.

С 1 октября 1923 года по 1 октября 1925 года балансы банков, вклады и текущие счета и учетно-ссудные операции выросли в 5 раз, что было связано с общим развитием хозяйства, развертыванием товарооборота, усилением позиций государственных и кооперативных организаций в их борьбе на рынке с частным капиталом.

Денежная реформа была проведена в СССР после Первой мировой войны значительно раньше, чем в капиталистических государствах (Германия, Франция и др.). Советская власть стремилась возможно скорее избавить народ от тягот расстроеного войной денежного обращения и падающей валюты.

Методы проведения советской денежной реформы основывались на преимуществах социалистической экономической системы, обеспечивающей сосредоточение в руках государства больших товарных масс, плановое регулирование цен, монополию внешней торговли, централизацию всего кредитного дела и возможность проведения жесткого режима экономии, при одновременном значительном расширении объема производства и торговли.

Тем самым в трудных условиях восстановления хозяйства — без помощи иностранных капиталов, без значительного хлебного экспорта, как это имело место накануне и во время проведения денежной реформы 1897 года — был обеспечен успех установления стабильной советской валюты.

Крепкая советская валюта способствовала укреплению социалистического хозяйства и усилила позиции СССР перед капиталистическим миром.

Еще раз обратим внимание на следующее. Всего за три года сложнейшей работы с финансами большевики безо всяких займов и кредитов сумели настолько стабилизировать рубль, что их бумажка с надписью «1 червонец» стоила дороже золотой монеты такого же номинала — дороже золота!

Глава 3

РАЗВИВАЮЩИЙ РУБЛЬ

На плечах крестьян

Обращение твердой валюты успокоило производителей, и начался резкий рост производства товаров, что потребовало роста массы денег. И теперь СССР, а не американцы со своим долларом или англичане с фунтом, начал получать чистую прибыль от эмиссии — от работы печатного станка. Эти деньги шли на зарплату строителям, возводившим заводы и электростанции, на эти деньги закупались товары для экспорта и на выручку от их продажи закупались за границей станки и оборудование для заводов и фабрик.

Но в конечном итоге все строительство шло за счет «ножниц цен» — за счет того, что цены на товары промышленности были очень высоки, а на товары сельского хозяйства — очень низки. Если говорить открытым текстом, то большевики не давали крестьянам (а это 80% населения СССР) справедливую цену за продукты, а промышленные товары продавали им очень дорого. Вы видите, что Зверев приводит индекс цен только по промышленным товарам — они были в 1,7 раз выше, чем при царе. Но Зверев молчит о ценах на продовольствие, а они, судя по всему, были раза в полтора ниже, чем при царе.

Правда, для тех же 80% населения цена на продовольствие не имела особого значения — оно у них было свое, а вот высокие цены на промтовары заставляли донашивать

уже ношеное-переношеное. Надо отдать должное большевикам — они мало что скрывали от народа. На апрельском 1929 г. пленуме ЦК ВКП(б) И.В. Сталин говорил: *«Кроме обычных налогов, прямых и косвенных, которые платит крестьянство государству, оно дает еще некий сверхналог в виде переплат на промтовары и в виде недополучек по личи цен на сельскохозяйственные продукты...»*

Можем ли мы сейчас уничтожить этот сверхналог? К сожалению, не можем. Мы должны его уничтожить при первой возможности в ближайшие годы. Но мы его сейчас не можем уничтожить... Это есть «нечто вроде дани» за нашу отсталость. Этот сверхналог нужен для того, чтобы двинуть вперед развитие индустрии и покончить с нашей отсталостью...»

Посилен ли этот добавочный налог для крестьянства? Да, посилен. Почему? ...У крестьянина есть свое личное хозяйство, доходы от которого дают ему возможность платить добавочный налог, чего нельзя сказать о рабочем, у которого нет личного хозяйства и который, несмотря на это, отдает все свои силы на дело индустриализации» (Куняев С. Поэзия. Судьба. Россия. М., «Наш современник», 2002, с. 16—17).

Итак, за счет крестьян в СССР ввозились станки для строительства станков для производства товаров народного потребления — строились заводы тяжелой промышленности. В этот период товаров на рынке не было и единственным путем выжить было тугое затягивание поясов. И терпение.

Но вот оборудование в СССР было ввезено, нужно было его устанавливать и запускать. Но где взять рабочих? Основная масса граждан СССР — это крестьяне, более того, с очень низкой производительностью труда. К началу 30-х годов товарность сельского хозяйства СССР упала до 37%, т.е. двое крестьян едва могли прокормить одного горожанина. И вызвано это было, между прочим, и тем, что революция ликвидировала помещичью собственность на землю, а за счет

этого резко увеличилось число крестьянских хозяйств: с 16 млн. в 1913 г., до 25 млн. в 1929 г. Как возьмешь рабочих из деревни, если там едва себя кормят?

Нужно было увеличить производительность труда в сельском хозяйстве, и развитие техники уже позволяло это сделать — можно уже было начинать механизацию сельского хозяйства. Но кому технику дать?

Крестьянский двор трактор купить не сможет.

Крестьяне могут организовать кооператив, сбросить деньгами и купить трактор, скажем, на 10 дворов. Дневная производительность их труда резко возрастет, но годовая останется та же. Ведь от земли крестьянин все равно не сможет уйти, следовательно, промышленности от кооперации сельского хозяйства нет никакого толку: притока рабочих рук в город все равно не будет.

Идеологически неприемлемый выход — вернуть землю помещикам — был неприемлем не только по идейным, но и по государственным соображениям. Да, помещик, забрав у крестьян землю и купив трактора, оставил бы у себя только одного крестьянина из 5, а остальных выгнал бы в город. А куда их здесь, в городе, деть? Ведь рабочие должны поступать на предприятия в строго необходимом количестве — в таком, которое требуют уже построенные предприятия. А они от помещика повалят валом — ведь помещику плевать на то, построены в городах заводы или еще нет.

У нас разные говорухины блеют, что, дескать, если бы не было революции, то Россия была бы богатой и счастливой. Черта с два! Даже если бы не было Первой мировой войны, то уже году к 1925-му в России был бы такой бунт, что Гражданская война показалась бы всем детской забавой. Ведь Генри Форд уже в 1922 г. начал выпускать свои трактора «Фордзон» с темпом более миллиона штук в год и по такой «смешной» цене, что их в России покупали бы не только помещики, но и средней руки кулаки. Из деревни в города России ринулась бы такая масса голодных безработных,

что она снесла бы и царскую власть, и помещиков с капиталистами еще чище, чем это сделали большевики. Ведь царь работал без плана — он не развивал экономику России осмысленно, для него ход научно-технического прогресса был бы абсолютно неожиданным.

А посмотрите, как осмысленно действовали большевики! Они сначала развили промышленность в городах, т.е. создали рабочие места, а уж потом начали повышать производительность труда в сельском хозяйстве, заполняя рабочие места в городе высвободившимися крестьянами.

И посмотрите, как осмысленно развивал индустрию Сталин в непрерывной борьбе с оппозицией. Да, можно было купить, как это делается сегодня, заводы по производству пива и ткацкие станки — то, что и хотела оппозиция. Но таким путем, создавать рабочие места можно было только до исчерпания золотовалютных резервов. А Сталин поднимал тяжелую промышленность — промышленность производства средств производства — и этим путем мог создать в СССР неограниченное количество рабочих мест.

Ведь понимаете, принцип экономики очень прост: если исключен грабеж другими странами, то в той стране люди богаче живут, в которой больше работают (как по времени, так и по творчеству, и по процентному отношению к общему числу населения). А как сделать Россию богатой, если 80% населения заняты в своем основном производстве едва 4 месяца в году? Ведь в 1925 г. рабочая загрузка крестьян составляла всего 92 дня! Это при том, что на заводах рабочие работали 270—290 дней в год.

Поэтому единственным экономическим путем для СССР был путь коллективизации сельского хозяйства, причем, с опорой на колхозы. Крестьяне сдавали землю, инвентарь, тягловый и часть продуктивного скота в общее пользование и начинали вместе работать. При этом производительность труда резко возрастала как за счет разделения труда, так и за счет обработки земли машинами, которые предос-

тавляло государство. Однако рост производительности труда в сельском хозяйстве не приводил к вспышке безработицы. Поскольку как бы мало крестьянин ни работал, но он в колхозе был при деле: чтобы тогда быть членом колхоза, надо было заработать в нем всего лишь не менее 60 трудодней в год (Платонов О. Тайная история России. XX век. Эпоха Сталина. М., «Московитянин», 1996), даже в 1947 г. эта норма была всего лишь 100 для женщины и 150 трудодней для мужчины («Отечественная история», № 2, 2002, с. 97).

На совещании колхозников в 1934 г. Сталин акцентировал внимание на недопустимость исключения из колхоза по решению председателя или даже правления колхоза. Это допустимо делать только решением общего собрания всех колхозников. *«Что значит человека выгнать из колхоза? — спрашивал он. — А это значит — обречь его на голодное существование или толкнуть его на воровство, он должен стать бандитом. Это дело не легкое, исключить из колхоза, это не то, что исключить из партии, это гораздо хуже. Это не то, чтобы исключить из Общества старых большевиков, это гораздо хуже, потому что у тебя отнимают источник существования, ты опозорен, во-первых, и, во-вторых, обречен на голодное существование».*

Плюс к трудодням колхозник имел доходы от приусадебного хозяйства, и Сталин заботился, чтобы земли под это у колхозника было больше, чем у единоличника, да плюс обязательная корова. Люди переходили из деревни в город не в очереди на биржи труда, а только тогда, когда в городе для них появлялось рабочее место. В течение жизни одного поколения половина населения страны перешла из села в город без малейших экономических эксцессов!

Теоретические философы марксистского прихода любят утверждать, что этот успех был предопределен тем, что Сталин-де вел страну социалистическим путем. Не хочется их особо разочаровывать, но Сталин вел СССР путем хозяина, путем истинного экономиста.

Но верну слово А.Г. Звереву, благо он уже подошел к вопросу о том, как обеспечивалась деньгами коллективизация страны.

Развитие Сталиным рынка СССР

Зверев: В течение 17 лет, прошедших со времени денежной реформы 1922—1924 гг., до начала Великой Отечественной войны выпуск в обращение как банковских билетов, так и казначейских знаков происходил на основе кредитных операций Госбанка. Деньги выпускались в обращение в соответствии с потребностями хозяйственного оборота. В этот период, благодаря окончательной победе социалистического строя, окрепла плановая советская система кредита и денежного обращения и сформировались методы планового регулирования денежного обращения на основе сосредоточения в руках государства громадного количества товарных масс, пускаемых в товарооборот по устойчивым ценам.

Развертывание социалистической индустриализации, а в дальнейшем и социалистической реконструкции сельского хозяйства вызвали ряд новых явлений в товарообороте и состоянии денежного обращения. Изменился масштаб цен, уровень заработной платы и других денежных доходов населения, изменилась покупательная сила рубля. Эти изменения в основном произошли на протяжении 1929—1935 гг.

Рост городов в связи с индустриализацией страны, быстрое увеличение числа промышленных рабочих, а также необходимость обеспечения хлебом крестьянского населения районов технических культур обусловили значительное увеличение спроса на хлеб и другие продукты питания, а также на сельскохозяйственное сырье. В условиях преобладания мелкотоварного хозяйства, отличающегося низкой товарностью, и сильнейшего сопротивления кулачества государственным заготовкам хлеба этот повышенный спрос не мог не вызвать значительного роста рыночных цен, что создавало серьезную угрозу покупательной силе рубля и реальной заработной плате.

Рабочие и служащие в 1928—1929 гг. еще покупали на частном рынке до 25% нужных им продуктов. Между тем рыночные цены продуктов резко возрастали: за один только 1928/29 год они увеличились почти на 50%.

До тех пор пока социалистический сектор сельского хозяйства еще не мог удовлетворить потребность в продуктах потребления, нужно было принять меры к сохранению реальной заработной платы и обеспечению рабочих хлебом по низким ценам за счет государственных запасов. Такой мерой явилось введение в 1929 году карточной системы.

Это была вынужденная мера, без которой нельзя было разрешить очередные задачи социалистического строительства. Ограждая рубль от обесценивания, карточная система в то же время ограничивала роль и значение денег.

Нормированное снабжение не полностью обеспечивало потребности городского населения в продуктах питания. Использование ресурсов рынка было еще относительно высоким, между тем как рыночные цены продолжали быстро расти.

В этих условиях для укрепления рубля необходимо было обеспечить дальнейшее развертывание советской торговли и вытеснение капиталистических элементов из сферы товарооборота.

В 1931 году частник, на долю которого еще в 1929 году приходилось 13,5% розничного товарооборота, был полностью вытеснен. Одновременно широко развертывается контрактация товарной продукции сельского хозяйства — новая форма товарооборота между городом и деревней.

Особой формой советской торговли, призванной улучшить дело снабжения трудящихся и воздействовать на рыночные цены в сторону их снижения, явилась государственная коммерческая торговля по повышенным ценам.

Широкое развитие коммерческая торговля получает начиная с 1933 года. Наряду с колхозной торговлей коммерческая торговля явилась важным средством поддержания поку-

пательной силы рубля. Снижение цен в коммерческой торговле, которое проводилось в планомерном порядке, приводило к общему снижению цен колхозного рынка. Так, к марту 1934 года рыночные цены снизились по сравнению с тем же месяцем 1933 года более чем на 45%. Все же цены колхозного рынка и коммерческой торговли были значительно выше цен закрытой торговли.

К концу 1934 года в земледелии утвердилось крупное механизированное производство. Колхозы и совхозы заняли господствующее положение в сельском хозяйстве. Были достигнуты серьезные успехи в их организационно-хозяйственном укреплении. На этой основе государство получило в свое распоряжение как за счет государственных поставок, так и путем закупок по повышенным ценам достаточно большое количество хлеба для того, чтобы полностью обеспечить снабжение населения без карточек в открытой советской торговле по единым ценам.

Между тем, в товарообороте сложились два существенных различия уровня цен — высокий в коммерческой и колхозной торговле и низкий в закрытой торговой сети.

При отмене карточной системы единые цены необходимо было установить на таком уровне, который отвечал бы новым соотношениям между покупательским спросом и реальными возможностями его удовлетворения.

Покупательский спрос населения к этому времени значительно вырос. Численность рабочих и служащих с 1928 по 1934 г. увеличилась вдвое и превысила 23 млн. человек. Резко возросла среднегодовая заработная плата: с 703 рублей в 1928 году до 1791 рубля в 1934 году, т. е. почти в два с половиною раза. В результате с 1928 года по 1934 год фонд заработной платы вырос более чем в пять раз и достиг в 1934 году 41,6 млрд. рублей против 8,2 млрд. рублей в 1928 году. Вместе с тем выросли денежные доходы колхозников от обобщественного хозяйства и от колхозной торговли.

При таком положении можно было отменить карточную систему, установив новые единые цены приблизительно на среднем уровне между высокими коммерческими ценами и слишком низкими нормированными ценами.

Ноябрьский пленум ЦК ВКП(б) в 1934 году принял решение «Об отмене карточной системы по хлебу и некоторым другим продуктам», которым предусматривалось установление с 1 января 1935 года единых розничных цен. Одновременно предусматривалось повышение заработной платы рабочих и служащих, а также заготовительных цен на сельскохозяйственное сырье, за сдачу которого раньше отпускался хлеб по пониженным ценам.

Рост товарных ресурсов в руках государства позволил в 1935 году провести значительное снижение цен на продовольственные и промышленные товары в государственной и кооперативной розничной торговле, что серьезно повысило покупательную силу рубля и реальную заработную плату. Снижение цен в государственной и кооперативной торговле быстро сказалось на уровне рыночных цен, которые снизились по сравнению с 1933 годом более чем наполовину.

Уровень единых цен на предметы потребления, установившийся после отмены карточной системы, был (с учетом произведенного снижения) выше цен, существовавших до ее введения, примерно в 8—10 раз. Цены на хлеб увеличились в 11 раз, на мясо в 13 раз, на масло в 8 раз.

Росту цен противостояли быстрое повышение заработной платы, резкое возрастание затрат государства на бесплатную медицинскую помощь, обучение и другие социально-культурные мероприятия, а также улучшение бытового обслуживания при сохранении почти без изменений ставок квартирной платы, стоимости коммунальных и других услуг.

Среднегодовая заработная плата возросла в 1937 году до 3047 рублей, или более чем в четыре раза против 1928 года; в дальнейшем заработная плата продолжала увеличиваться.

Расходы государственного бюджета на бесплатную медицинскую помощь, обучение и другие социально-культурные мероприятия в 1937 году увеличились по сравнению с 1928 годом в 14 раз, не считая затрат хозяйственных и других организаций за счет их собственных средств.

С отменой карточной системы и установлением единых цен складывается новая покупательная сила рубля.

Отмена карточной системы способствовала повышению роли рубля в хозяйстве. Усиливается значение денег как важного рычага стимулирования хозрасчета, роста производительности труда и мобилизации ресурсов для социалистического строительства. Особо следует отметить положительную роль денег в хозяйственном укреплении колхозов, денежные доходы которых росли из года в год.

Установление единых цен на повышенном уровне и увеличение товарных фондов для населения обусловили рост потребности оборота в деньгах.

Динамика денежной массы и государственного розничного товарооборота с 1929 по 1939 г. видна из следующих данных:

Годы	Государственный розничный товарооборот		Денежная масса на конец года	
	в млрд. руб.	в % к предш. году	в млрд. руб.	в % к предш. году
1929 год	15,1	—	2,9	—
1930 год	18,9	125	4,4	152
1931 год	27,5	146	5,7	130
1932 год	40,3	147	8,4	147
1933 год	49,3	122	6,9	82
1934 год	61,8	125	7,7	112
1935 год	81,7	132	9,7	126
1936 год	106,8	131	11,3	116
1937 год	125,9	118	13,6	120
1938 год	140,0	111	17,2	126
1939 год	165,8	118	22,2	129

Рост денежной массы в основном следовал за ростом хозяйственного оборота за исключением 1930 и в известной мере 1938 и 1939 гг.

Значительная эмиссия в 1930 году связана главным образом с извращениями в практике кредитной реформы, развившимися в автоматическом покрытии Госбанком срывов в работе предприятий и хозяйственных организаций. В дальнейшем на основе ликвидации извращений практики проведения кредитной реформы и развертывания товарооборота, в частности коммерческой торговли, состояние денежного обращения улучшается. В 1938 и 1939 гг. рост денежной массы снова опережает рост товарооборота, что привело к образованию некоторого излишка денег в обращении.

Трудно сказать почему, но в этой части доклада Зверева отсутствует откровенность и, по сути, нарушена логика.

Несколько слов об авторе доклада. Арсений Григорьевич Зверев, из крестьян, родился 19.02.1900 г., в 1919 г. вступил в ВКП(б) и Красную Армию, после Гражданской войны служил в партийных органах. Московский финансовый институт закончил только в 1933 г., а в Наркомфин ушел с поста 1-го секретаря Молотовского райкома Москвы в 1937 г. Возможно даже, он, не занимая высоких постов в финансовых органах на тот момент, не совсем понимал, что происходило в период с 1929 по 1935 г. в денежной сфере, а возможно наоборот — понимал, что происходило, но также понимал и то, что на это не следует акцентировать внимание даже в личном докладе Сталину. И Сталин, по-видимому, оценил эту краткость, не сделав ни одного замечания в этой части. Ведь что ни говори, но ВКП(б) — это в первую очередь партия пролетариата, а в период с 1929 по 1935 г. **рост благосостояния граждан был начат с крестьян и, в какой-то степени, в ущерб рабочим.** Возможно, это и вызвало не полную откровенность Зверева при молчаливом принятии ее Сталиным.

Посмотрите на нестыковки в докладе. Уже к 1925 г. большевики без проблем научились давить цены на рынке ма-

невром товарными массами. А к 1929 г., когда они уже практически изжили своего конкурента — нэпмана (частного торговца), когда уже само собой существенно увеличилось число коллективных хозяйств, с которыми правительству было легче договориться, большевики вдруг оказались неспособными удержать цены на продовольствие и они как-то сами собой вдруг выросли? Почему? Почему большевики не сбили цены на хлеб, а ни с того ни с сего ввели карточки? В 1926 г. был страшный неурожай и голод в 1927 г., но карточки не вводились, а 1928 и 1929 гг. были урожайными, но вдруг потребовалась защита малоимущих. Почему?

Давайте сначала скажем пару слов о карточках.

Рассмотрим на упрощенном примере, что это значит. Положим, что у нас в стране живет 1000 человек, которым для полного счастья нужно 3000 кг зерна, т.е. по 3 кг на человека. Из этих 3 кг на собственно хлеб идет 0,5 кг, а оставшиеся 2,5 кг скормят скоту и получают 0,3 кг мяса. Если страна эти 3000 кг производит, то хлеб и мясо могут продаваться свободно — никто из жителей больше, чем ему надо, просто не купит.

Но, к примеру, во время войны производство падает уже в силу того, что мужчины уходят на фронт. Положим, что производство упало с 3000 до 1000 кг. Если зерно оставить в свободной продаже, то из 1000 человек 300 наиболее обеспеченных скупят все, остальные 700 умрут. Если поднять цену настолько, чтобы эти 300 не могли купить более чем по 1 кг, то у остальных все равно не хватит денег, чтобы купить даже этот 1 кг.

И тогда любое государство на 500 кг вводит карточки и по ним продает эти 500 кг по дешевой цене, чтобы всем 1000 человек безусловно досталось по 0,5 кг, а как государство поступает с оставшимися 500 кг, рассмотрим позже.

Итак, в 1929 г. нет никакой войны, идет бурный рост экономики, но вдруг поднимаются цены на хлеб. Зверев объясняет это так, что увеличился, дескать, спрос на хлеб из-за того, что масса людей перешла в город. А в деревне они

что — хлеб не ели? Это же не объяснение: раз не было резкого роста населения, то не должен был повыситься и спрос. Значит, речь идет о том, что большевики с 1929 г., накануне коллективизации, стали осмысленно поднимать цены на продовольствие. И поскольку они поставили себе цель поднять эти цены в 10 раз, т.е. сделать их на порядок выше тех, по которым капиталисты скупали хлеб у крестьян при царе, то большевики и ввели карточки, чтобы от этого рывка горожане особо не пострадали.

Далее. Государство получало от крестьян зерно по очень низким ценам в виде налогов и этим зерном сбивало цены на рынках, так сказать, крестьянским же салом их же и по сусалам. Но оставшуюся часть зерна крестьян продавали нэпманам и спекулянтам по договорным ценам, а часть — самостоятельно на рынках. И большевики вдруг начали бороться с нэпманами и спекулянтами очень оригинальным способом — они как бы сказали: «На кой черт нам спекулянты, когда мы сами спекулянты?» Правительство, как вы прочли у Зверева, ввело контрактацию. То есть, теперь госорганы на условиях спекулянтов заключало договора с единоличными крестьянами и колхозами. Правда, если единоличнику давали за хлеб цену нэпмана, то колхозам платили гораздо дороже. А закупленное таким образом продовольствие продавалось в коммерческих магазинах по рыночным ценам. Хотя Зверев и пишет, что коммерческие магазины сбивали цены на рынках, но на самом деле (как мы видим по результатам) это не так — коммерческие магазины удерживали на рынках высокие цены.

На ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) 1934 г. Сталин пояснил: *«А с чем считался рынок (крестьяне, которые вывозят хлеб) — с пайковой ценой? Конечно, нет. (Пайковые цены сначала были 12, затем 25, в конце 50 коп. за кг, а в коммерческих магазинах — 2 рубля за кг. — Ю.М.) Они ориентировались на рынок, на коммерческую цену — немного выше коммерческой, немного ниже, но цена на хлеб вращалась во круг коммерческой цены».*

Что означает с финансовой (денежной) точки зрения такое повышение цен на хлеб? Это означает, что кому бы государство ни платило деньги — рабочему, врачу, офицеру или работнику санатория, — они покупали на эти деньги продовольствие у крестьян (колхозников) и в конечном итоге та масса этих денег, которая шла на село — крестьянам, особенно колхозникам, — возросла на порядок — почти в десять раз!

Чтобы в городе могли покупать дорогие продукты, росла зарплата промышленных рабочих, вслед за ней и цены на промышленные товары, но не очень сильно. Скажем, в 1913 г. шерстяной мужской костюм стоил 40 рублей, а в конце 40-х годов — 75 рублей.

Однако поднять цены на продовольствие в 10 раз мало, ведь нужно, чтобы у покупателей появились и деньги, чтобы по этим десятикратным ценам купить продовольствие. И, как вы видите из доклада Зверева, в 1930 г. случились непонятные *«извращения в практике кредитной реформы»*: как-то сам собой включился печатный станок и напечатал за один год денег на 1,5 млрд. рублей, хотя до этого, с 1922 г., их было напечатано всего 2,9 млрд. Я не верю, чтобы при Сталине могли сами собой происходить такие чудеса. К примеру, 1 сентября 1930 г. он пишет записку В.М. Молотову (выделено Сталиным):

«Вячеслав! Обрати внимание (пока что) на две вещи.

1) Поляки наверняка создают (если уже не создали) блок балтийских (Эстония, Латвия, Финляндия) государств, имея в виду войну с СССР. Я думаю, что пока они не создадут этот блок, они воевать с СССР не станут, — стало быть, как только обеспечат блок, — начнут воевать (повод найдут). Чтобы обеспечить наш отпор и поляко-румынам, и балтийцам, надо создать себе условия, необходимые для развертывания (в случае войны) не менее 150—160 пехотных дивизий, т.е. дивизий на 40—50 (по крайней мере) больше, чем при нынешней нашей установке. Это значит, что ны-

нешний мирный состав нашей армии с 640 тысяч придется довести до 700 тысяч. Без этой «реформы» нет возможности гарантировать (в случае блока поляков с балтийцами) оборону Ленинграда и Правобережной Украины. Это не подлежит, по моему, никакому сомнению. И наоборот, при этой «реформе» мы наверняка обеспечиваем победоносную оборону СССР. Но для «реформы» потребуются немаленькие суммы денег (большее количество «выстрелов», большее количество техники, дополнительное количество командного состава, дополнительные расходы на вещевое и продовольственное снабжение). Откуда взять деньги? Нужно, по моему, увеличить (елико возможно) производство водки. Нужно отбросить ложный стыд и прямо, открыто пойти на максимальное увеличение производства водки на предмет обеспечения действительной и серьезной обороны страны. Стало быть, надо учесть это дело сейчас же, отложив соответствующее сырье для производства водки и формально закрепить его в госбюджете 30/31 года. Имей в виду, что серьезное развитие гражданской авиации тоже потребует уйму денег, для чего опять же придется апеллировать к водке. Жму руку. И. Сталин» (Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925—1936 гг. Сборник документов. М., «Россия молодая», 1995, с. 209—210).

Обратите внимание: в преддверии предполагавшейся войны с Малой Антантой, Сталину сам Бог велел, казалось бы, включить печатный станок, но Сталин этого не сделал — он сначала нашел товар (водку), а уж под него предложил печатать деньги. Но увеличение затрат на армию на 10—20% никак не могло увеличить денежную массу в один год сразу на 50%! Вывод: деньги в 1930 г. были выброшены специально и именно с тем, чтобы вызвать рост цен на продовольствие и, соответственно, рост доходов у крестьян. И этому были две причины.

Во-первых. Хотя Сталин и был марксистом, но марксистом он был творческим, т.е. плевал на Маркса, когда это требовалось для блага СССР. А в данном случае появилась воз-

возможность улучшить жизнь народа, в составе которого было (1938 г.) 56 млн. горожан и 115 млн. крестьян. С кого начать? Сталин поступил не как марксист, а как государственный деятель — он начал с крестьян, и они это оценили. Какой бы вой ни несся со страниц различных мемуаров и воспоминаний о тяжелой жизни крестьян в ту пору, о «голодоморе», о коллективизации и т.д., но во время последовавшей войны с немцами крестьяне были, пожалуй, единственным сословием СССР, которое Советскую власть не предало. При наступлении немцев крестьянство безропотно сдавало лошадей отступающей армии, отгоняло на восток сельхозтехнику, скот, уходило само. Нигде не было никаких бунтов или восстаний против Советской власти, как ни старались немцы их вызвать. И именно крестьяне составили и основную массу партизан. А вот прародители Советской власти, ивановские ткачи, подняли бунт, когда в 1941 г. начали вывозить оборудование ткацких фабрик на восток, и тамошний пролетариат нагло заявлял, что ему все равно на кого работать — на немцев или на Советскую власть («Исторический архив», № 2, 1994, с. 111—136).

Во-вторых. Надо понять, как Сталин развивал промышленность в СССР. Давайте повторим.

Промышленность не может работать без покупателя. Созданный ею товар должен быть куплен, иначе промышленность не в состоянии произвести следующий. Чем больше покупают товаров, тем быстрее развивается, растет промышленность. Если покупатели берут только половину продукции, произведенной станком, нет смысла, а главное, денег покупать второй. Но если покупатели с этого станка забирают всю произведенную продукцию и еще хотят и могут купить, то тогда есть смысл покупать второй станок, и есть деньги на него — тогда промышленность растет и развивается.

Еще раз. Обратите особое внимание! Чтобы промышленность развивалась и давала все больше и больше товаров, ей нужен покупатель!

Если кто-либо хочет развить свою промышленность, ему нужны не инвестиции, не займы, не надо ходить по миру с протянутой рукой, а нужно позаботиться о покупателях для своих товаров. Сталин это понимал и рассматривал несколько путей поиска покупателей для промышленности СССР — путей развития промышленности СССР.

Например, прусский путь, предусматривающий аннексию какой-либо страны, создание препятствий для развития ее промышленности, и за счет ее рынка — ее покупателей развитие собственной промышленности.

Или английский путь. Это путь захвата колоний и использования их рынка для развития промышленности метрополии.

Разумеется, эти пути не подходили Советскому Союзу, и Сталин выбрал американский путь развития промышленности: путь развития собственного рынка, то есть путь создания покупателей, прежде всего, внутри собственной страны.

Вспомним, как Генри Форд, основатель автомобильной индустрии США, создавал себе покупателей. Он взял и стал платить рабочим своих заводов невиданную по тем временам зарплату — 5 долларов в день — и этим спровоцировал профсоюзы и в других отраслях американской промышленности на требования по повышению зарплаты. Когда его разъяренные коллеги-капиталисты выплеснули на него свое негодование, он вполне резонно возразил им: «А кто будет покупать мои автомобили?»

Обратите внимание — чтобы увеличить производство чего-либо, нужно сначала дать деньги покупателю. Создав средний класс, класс людей, для которых покупка автомобиля стала обычным делом, США развили свою автомобильную промышленность.

А у Сталина, начиная с 30-х годов, начали вводиться в строй тысячи заводов и фабрик. Они были готовы давать продукцию, но кому? Где покупатели? Вот Сталин и произвел эмиссию, вбросил деньги на рынок СССР и создал по-

купателей. Если вы обратили внимание, то эмиссией были покрыты долги госпредприятий. Ведь первыми вступали заводы тяжелой промышленности, производящие средства производства — станки, оборудование и т.д. А какое оборудование может купить предприятие, если оно в долгах? Вот долги всем предприятиям и ликвидировали — покупайте!

Если в первой пятилетке (1928-1932 гг.) среднегодовой импорт составлял 4,1 млрд. золотых рублей, и в этом числе 60,3% шли на закупку машин и сырья для них, то во второй пятилетке (1933-1937 гг.) импорт упал до 1,2 млрд., а доля машин и сырья в нем до 27,3%. Если в 1928 г. в составе всего промышленного оборудования 43% было импортным, то в 1938 г. импортное оборудование составляло уже всего 0,94% (Малая советская энциклопедия. Т. 10. М., «Советская энциклопедия», 1940, с. 226).

По отношению к хлебу или мясу рубль резко обесценился, в 1913 г. килограмм белого хлеба стоил в Москве 13 коп. (*Рид Дж.* 10 дней, которые потрясли мир. М., Госполитиздат, 1957, с. 254), а в 1940 г. — 90 коп., но вся штука в том, что по отношению к золоту рубль как был, так и остался — 9,60 за золотую монету в 10 рублей. Объяснялось это тем, что начиная с 1933 г. СССР всегда имел актив во внешней торговле — продавал немного больше, чем покупал, и курс рубля на валютных биржах мира был прочен.

Не надо забывать, что если в 1913 г. основная масса рабочих в Петербурге зарабатывала около 600 рублей в год, жалованье у армейского поручика было 720 рублей в год, то в 1937 г. среднегодовая зарплата в СССР стала свыше 3000 руб. Водка стоила 6 рублей за бутылку, сахар — 4,50 за килограмм, шерстяной мужской костюм, напомним — 75 рублей. Командир роты получал 725 рублей в месяц, студент 3-го курса Воронежского ветеринарного института — 170 рублей в месяц. В 1937 г. средний колхозник СССР, кроме денег, получал на трудодни натуроплатой 17 центнеров зерна. Посмотрите на фото бабушек и дедушек предвоенной

поры: как они выглядят и во что одеты. И все это при бесплатном лечении, бесплатном обучении, практически бесплатных отдыхе и жилье.

Итак, Сталин сформировал в СССР рынок для промышленности СССР, и результат не заставил себя ждать. Если сделать сравнение в сопоставимых ценах (1928 г.), то уровень промышленного производства 1913 г. — 11,0 млрд. рублей — СССР достиг уже в 1927 г., а в следующем, 1928-м, перекрыл его — 16,8 млрд. рублей. Но дальше произошел никем не виданный и до сих пор никем не перекрытый рывок: в 1938 г. промышленное производство составило 100,4 млрд. рублей! По объему производимой товарной продукции СССР вышел с пятого места в мире и четвертого в Европе на второе место в мире и первое в Европе. Он стал производить 13,7% мировой промышленной продукции. США производили 41,9%; Германия — 11,6%; Англия — 9,3%; Франция — 5,7%.

Возникает вопрос — а мог ли царь повторить этот подвиг, могла ли царская Россия пройти путем СССР? Нет, и дело здесь не в социализме, как в таковом, а в том, что при большевиках во главе страны стали люди безусловно преданные народу, и именно это сделало их выдающимися хозяевами, т.е. выдающимися экономистами. Давайте еще раз посмотрим на этапы, которыми Сталин развил экономику.

1. Жесточайшим «затягиванием поясов» народа собрал в 1924—1928 гг. деньги на закупку оборудования для промышленности.

2. Резко поднял цены на продовольствие и остальные товары по отношению к золоту в 1929—1933 гг.

3. Произвел в эти же годы эмиссию денег, чтобы рынок СССР стал ненасытным.

И промышленность СССР бросилась его насыщать со скоростью, недоступной промышленности других стран.

В этой схеме любой стране доступны этапы 1 и 3. Но царскому правительству был недоступен 2-й этап. Поскольку Россия была в составе мирового рынка и не вводила монополию на внешнюю торговлю (чего ни капиталисты, ни ари-

стократия не дали бы царю сделать), то цены на основную ее продукцию — продукцию сельского хозяйства — были на уровне мировых, и их невозможно было поднять. А из-за длительной и суровой зимы и из-за огромных расстояний России эти цены покрывали затраты только при нищенских заработках работников и не давали доходов — денег основной массе населения — крестьянам. Из-за этого невозможно было поднять заработки и рабочим, поскольку из-за тех же высоких затрат на производство (что никак не может объяснить нашим экономическим идиотам А.П. Паршев) доля зарплаты в цене продукции должна была быть очень низкой, иначе нищий крестьянин эту продукцию своей промышленности купить просто не смог бы.

Это тупик. Если рынок России является частью мирового, то на самом рынке России исчезают покупатели — люди с деньгами, — им неоткуда взяться.

Для ограждения рынка есть два экономических способа.

Можно огородить рынок пошлинами. То есть, если у тебя на рынке яблоко стоит 10 рублей, а на мировом рынке яблоко стоит 2 рубля, то введи пошлину в 9 рублей, и пусть на твоём рынке любители импортных яблочек покупают их по 11 рублей. Называется это защитой своего производителя. Но это только защита — оборона, а обороной не выигрываются войны, в том числе и торговые.

Если ты введешь пошлины, то их введут и другие страны против твоих товаров, поскольку, прости, но что посеешь, то и пожнешь. Далее, у тебя на рынке всегда найдутся любители попробовать импортное яблочко, и, купив его за 11 рублей, они яблок отечественного производителя купят на 11 рублей меньше. Из суммы пошлины ты можешь компенсировать своему производителю убыток от уменьшения производства, но что толку — товара-то он произвел меньше и, следовательно, вся страна на это уменьшение стала беднее.

А вот то, как руководил экономикой Сталин, — это наступление, это экспансия на мировой рынок. При монопо-

лии внешней торговли государство у своего производителя покупает товар за 10 рублей, продает его на мировом рынке за 2, покупает там же 2 кг бананов по 1 рублю и продает их на своем рынке по 6 рублей за килограмм — в сумме за 12, торгуя с прибылью.

Что получается. Если твой производитель насытил свой рынок, то ему нет необходимости снижать производство или даже темпы роста, поскольку ты, государство, вывозишь лишний товар на мировой рынок и начинаешь захват мирового рынка. На мировом рынке можно продать любой товар, но для такой страны, как Россия, — страны с очень затратными условиями производства — важно, чтобы это была торговля в два конца: экспорт и импорт одновременно. И без конкуренции своих производителей и покупателей друг с другом, т.е. удобнее всего, когда коммерсантом на внешнем рынке выступает само государство.

Сталин именно так развивал промышленность, именно так создал и обустроил для нее рынок СССР. Ни у кого не было сомнений, что прошло бы еще лет 10 и товары «Сделано в СССР» стали бы главенствовать во всем мире.

Но нашим конкурентам на Западе это не нравилось, и они сдаваться не собирались. И началась война. И не торговая война, а настоящая — с самой сильной армией мира и, по сути, со всей Европой.

Прежде чем закончить эту тему, хочу сказать пару слов о с детства перепуганных, которых у нас полно в «науке» и в политике. Эти «профессионалы» вопят, что если Россия вдруг поссорится с Западом, то Запад ее удушит блокадой. Посмотрите, идиоты, на наших предков! Они были в сотни раз в более тяжелой блокаде, но устояли и после этого рванули вперед так, что этому пресловутому Западу небо с овчинку казалось!

Глава 4

ЗАЕМНЫЙ РУБЛЬ

Кредиты и внешнеэкономическая деятельность

Даже сегодня, если посмотреть ТВ и почитать желтую прессу, то создается впечатление, что нет ничего желаннее для режимов СНГ, чем западный кредит, а уж с десятков лет назад вся «демократия» только этими кредитами и бредила. Мысль ухватить на халяву деньги была главной для мерзавцев в правительствах и отводила на задний план абсолютно все составляющие элементы кредита: когда он берется и за чем; под какие условия; что он представляет собой в экономическом плане; когда и чем он выгоден и кому выгоден.

Это интересные вопросы, и я хотел бы их рассмотреть на примере кредита, который брало наше государство в 1939 г. у фашистской Германии. В момент перестройки про этот кредит «забыли» и стали вспоминать только последовавшие за ним торговые соглашения с Германией, причем так, как будто Гитлер обманул Сталина и тот накануне войны по дурости снабжал Германию стратегическим сырьем. Правда, сегодня, когда уже довольно многим стало понятно, что сотворили со страной подонки-демократы, о Сталине стараются вспоминать реже: не вспоминают уже и о торговле между СССР и Германией накануне войны. Давайте вспомним об этом кредите и об основах кредитования вообще.

Кредит — долг, и с экономической точки зрения он целесообразен только в крайне вынужденных обстоятельст-

вах, поскольку возвращать его надо с процентами. Такие обстоятельства возникают только тогда, когда резко и срочно не хватает той продукции, что производит страна, когда немедленно нужно к рабочим рукам собственных рабочих подключить рабочие руки рабочих из других стран. А это случается только во время войны и после нее, когда часть своих рабочих находится в армии и когда часть их погибла в войне и восстановить хозяйство надо быстро. Кредит — это задействование в своей экономике рабочих рук из других стран.

Других случаев взятия долгосрочных кредитов нет, а если их все же берут, то тех, кто их берет, надо расстреливать, поскольку они разбазаривают на проценты достояние страны и ее народа. Для всех остальных случаев существует международная торговля, в которой используют обычные краткосрочные кредиты — берут в долг на покупки нужных товаров до подхода выручки за свои товары.

Сейчас поют дифирамбы международной торговле, и мы уже сказали, кто заказывает эти дифирамбы — международное банковское сообщество и США, они на ней наживаются. Но вообще-то, идеальный случай экономики страны — это автаркия, когда страна производит сама все, что потребляет. Идеальный потому, что только в этом случае она ни от кого не зависит, а это значит, что никто не в состоянии заставить эту страну продать продукты труда своих граждан дешевле, чем их цена. Если страна зависит от международной торговли, то тогда ограбить любую страну достаточно просто.

Пример — СССР. Как только он стал проводить политику «включения в мировой рынок», ему немедленно опустили цены на все экспортные ресурсы: нефть, лес, руды, металлы и т.д. То есть начали обворовывать граждан СССР, их детей и будущие поколения.

Поэтому так отчаянно боролся за целостность Британской империи У. Черчилль — Британская империя была ав-

таркией. Поэтому так неистово боролся за «жизненное пространство» Гитлер — это была борьба за автаркию. А после 1917 г. Запад создал в СССР автаркию автоматически — блокировав СССР от внешнего мира.

Маленькие страны создать автаркию не способны — у них не хватит всех ресурсов. Не возможно, к примеру, обеспечить себя своей сталью, если на территории страны нет залежей железной, марганцевой и хромовой руды. (Сегодня воистину подвиг творит Северная Корея, удерживая что-то подобное автаркии на очень маленьком клочке Земли.)

Но для достаточно больших по территории стран, автаркия — наиболее разумный способ защиты своего народа от международного ограбления.

Однако полностью замкнуться в себе и большие страны не в состоянии. Во-первых, не хватит людей, чтобы все отрасли техники и технологии поддерживать на достаточно высоком уровне. Что-то в других странах будет все равно лучше, и это лучшее имеет смысл, а иногда жизненно необходимо покупать в обмен на то, что покупают у тебя. Во-вторых, нет стран, которые бы расположились по меридиану от полюса до полюса и имели территории земли со всем разнообразием климатов. Следовательно, всегда будет что-то, что в твоей стране просто не возможно или совершенно невыгодно выращивать, и тогда это нужно покупать за рубежом.

Главный принцип государственной внешней торговли (торговли, защищающей граждан своей страны от разорения) — никогда не покупать за границей то, что производится в достаточном количестве в своей стране. Того, кто закупает, к примеру, куриные окорочка в США в условиях, когда свои птицефабрики остановлены, нужно пустить на корм отечественным курам. Это единственный путь получить хоть какой-то толк от подобных «экономистов».

Вот, собственно, и все, что по этому поводу достаточно знать: кредит — это задействование рабочих рук в дру-

гих странах в помощь собственным рабочим и берется он только в жизненно важных случаях; за рубежом покупается только то, чего сам сделать не можешь или пока не можешь, и только то, что крайне необходимо.

С момента, когда большевики пришли к власти, они оказались в изоляции: их пытались задушить, и прежде всего экономически. В тот момент, после мировой и Гражданской войны, СССР страшно нуждался в кредитах. Но ему их не давали, своих же товаров для экспорта было очень мало и ввиду разрухи, и ввиду экономической отсталости России. Первый такой товар — золото запасов империи.

К примеру, в ужасной послевоенной разрухе (1914—1920) изнашивается паровозный парк России, а это означало, что если и был в России хлеб, то доставить его к голодающим было нечем. Срочно нужно было получить паровозы. Рядом Швеция — не воевала, не разрушена. Могла дать кредит и на этот кредит построить 1000 паровозов? Могла, но не дала. Паровозы построила, но взяла за них 125 т золота.

Но и с золотом следовало вести себя осторожно, ведь если выбросить его на рынок в больших количествах, то оно обесценится. (Молотов вспоминал, что к середине 50-х СССР накопил такой запас золота и платины, что даже сведения о нем были строгой государственной тайной: узнай об этом количестве на Западе, и цены на золото и платину резко бы упали.)

В помощь золоту выступили различного рода ювелирные и художественные ценности. Сейчас глуповатая часть православных голосит об «ограбленных» большевиками церквях. Эти люди не задумываются о том, что, возможно, они и на свет появились только потому, что большевики на эти ценности закупили хлеб для их предков и не дали предкам умереть.

К 30-м годам положение стабилизировалось, в СССР появились кое-какие, в основном сырьевые, товары, но различного рода ограничения на торговлю с нами продолжа-

ли существовать. Скажем, в начале 30-х годов нашим военным вздумалось купить танк у американского изобретателя Кристи. Этот танк сами американцы для своей армии не купили — он им был не нужен. Но и нам его Кристи продать не мог — с танка сняли башню и оружие, и мы купили корпус танка как трактор.

С приходом к власти в Германии в 1933 г. Гитлера с его стремлением обеспечить немцев жизненным пространством за счет России, для СССР отпала Германия как торговый партнер, поставлявший технику и технологию мирового уровня, но не прибавилось новых партнеров на Западе. Запад стремился задуть коммунизм руками фашистов и практически исключил СССР из участия в мировом политическом процессе. Скажем, СССР был союзником Чехословакии и Франции, но на Мюнхенский договор, в котором Англия и Франция, предав Чехословакию, отдали ее Гитлеру, СССР даже не позвали.

Когда события стали развиваться стремительно даже для Гитлера и ему потребовалась война с Польшей, настал кратковременный момент в истории, когда Гитлеру стало выгодно улучшить отношения с СССР.

Причем Сталин понимал, что все это временно, но действовать было некуда. Англия, Франция и Польша отказывались заключить с СССР действенное военное соглашение. Они собирались втянуть его в войну с Германией, а сами из нее выйти. К сентябрю 1939 г. жертвой агрессии началась Польша, но последняя не только категорически отказывалась заключить с СССР военный союз, но отказывалась, даже в случае нападения на нее немцев, пропустить по узким коридорам на своей территории войска Красной Армии для боевого соприкосновения с немцами. Смешно сказать, но, имитируя переговоры с СССР, англо-французская делегация высказала мысль, что СССР в случае войны мог бы воевать с немцами без сухопутных войск, одной авиацией. Но поляки, узнав об этом, отказались предоста-

вить свои аэродромы для наших (в случае войны — союзных Польше) самолетов.

Что оставалось делать советскому правительству? Только одно — попытаться извлечь из этой ситуации максимум пользы для будущей войны. И СССР эту пользу извлек.

Когда немцы 15 августа 1939 г. обратились к СССР с предложением заключить пакт о ненападении, т.е. заключить договор, который Гитлер уже имел и с Англией, и с Францией, глава советского правительства В.М. Молотов ответил (выделено мною):

«До последнего времени Советское правительство, учитывая официальные заявления отдельных представителей германского правительства, имевшие нередко недружелюбный и даже враждебный характер в отношении СССР, исходило из того, что германское правительство ищет повода для столкновений с СССР, готовится к этим столкновениям и обосновывает нередко необходимость роста своих вооружений неизбежностью таких столкновений. Мы уже не говорим о том, что германское правительство, используя так называемый антикоминтерновский пакт, стремилось создать и создавало единый фронт ряда государств против СССР, с особой настойчивостью привлекая к этому Японию...

...Если, однако, теперь германское правительство делает поворот от старой политики в сторону серьезного улучшения политических отношений с СССР, то Советское правительство может только приветствовать такой поворот и готово, со своей стороны, перестроить свою политику в духе ее серьезного улучшения в отношении Германии...

*...Правительство СССР считает, что первым шагом к такому улучшению отношений между СССР и Германией могло бы быть заключение **торгово-кредитного** соглашения.*

Правительство СССР считает, что вторым шагом через короткий срок могло бы быть заключение пакта о нена-

падении или подтверждение пакта о нейтралитете 1926 г. с одновременным принятием специального протокола о заинтересованности договаривающихся сторон в тех или иных вопросах внешней политики, с тем чтобы последний представлял органическую часть пакта» (Год кризиса. Документы и материалы 1938—1939. Т. II, М., Политиздат, 1990, с. 272—273).

Обратите внимание — участие Советского Союза в войне пока не предполагается, а Германия ее вот-вот начнет. Это Германии, посылающей своих рабочих в армию, срочно требуется кредит — участие рабочих рук других стран в укреплении своей обороноспособности. И было бы логично, если бы Германия просила у СССР кредит, а не наоборот. А здесь Молотов даже не просит, не унижается, не называет Гитлера «другом Адиком», он просто требует выдать кредит СССР, он требует, чтобы немецкие рабочие участвовали в укреплении обороноспособности СССР, он прямо указывает, что без этого *«первого шага»* он вторым заниматься не будет.

Молотов знает, с кем Гитлер собирается воевать, и знает, что под игом Польши находятся миллионы украинцев и белорусов, поэтому указывает, что второй шаг должен сопровождаться *«специальным протоколом»*, не имеющим прямого отношения к германо-советскому пакту о ненападении. Но к теме кредита это, правда, не относится.

Через два дня немцы кредит СССР предоставляют.

Финансовая сторона вопроса

Интересные для нас места кредитного соглашения между СССР и Германией звучат так:

«1. Правительство Союза Советских Социалистических Республик сделает распоряжение, чтобы торговое представительство СССР в Германии или же импортные организации СССР передали германским фирмам добавочные заказы на сумму в 200 млн. германских марок.

2. Предмет добавочных заказов составляют исключительно поставки для инвестиционных целей, т.е. преимущественно: устройство фабрик и заводов, установки, оборудование, машины и станки всякого рода, аппаратостроение, оборудование для нефтяной промышленности, оборудование для химической промышленности, изделия электротехнической промышленности, суда, средства передвижения и транспорта, измерительные приборы, оборудование лабораторий.

3. Сюда относятся также обычные запасные части для этих поставок. Далее сюда включаются договоры о технической помощи и о пуске в ход установок, поскольку эти договоры заключены в связи с заказами, выдаваемыми на основании настоящего соглашения...

Германское правительство сообщает, что *die Deutsche Golddiskontbank* (Германский Золотой Учетный Банк «ДЕГО») обязался перед ним принять на себя финансирование добавочных заказов в сумме 200 млн. германских марок на нижеследующих условиях:

1. Торговое представительство СССР в Германии депонирует у «ДЕГО» векселя. Векселя имеют средний срок в 7 лет и выставляются по каждому заказу отдельно со следующим распределением:

30% суммы заказа — сроком на 6,5 лет,

40% суммы заказа — сроком на 7 лет,

30% суммы заказа — сроком на 7,5 лет.

Векселя выставляются импортными организациями СССР и акцептуются торговым представительством СССР. Векселя выписываются в германских марках и подлежат оплате в Берлине.

2. На основании указанных векселей «ДЕГО» предоставляет торговому представительству и импортным организациям СССР кредит, который будет использован для производства платежей германским фирмам наличными в германских марках. «ДЕГО» не будет требовать от германских фирм-поставщиков никакой ответственности за этот кредит.

3 Проценты по векселям составляют 5% годовых. Торговое представительство уплачивает таковые «ДЕГО» каждые 3 месяца...».

Итак, кредит на 200 млн. марок, который выдается СССР в течение двух лет (120 млн. в первый год) сроком на 7 лет (векселя должны быть оплачены не через 7 лет, а в течение 7 лет).

К этому кредитному соглашению тоже есть «конфиденциальный протокол», по которому германское правительство за счет немецких налогоплательщиков обязалось возвращать СССР 0,5% годовых, уплаченных нами «ДЕГО», т.е. этот кредит фактически был дан под 4,5%.

Одновременно было заключено и прямое торговое соглашение (мы продаем товары немцам, а немцы нам), по которому немцы поставляли нам в течение двух лет еще оборудования и материалов на 120 млн. марок. Итого за 2 года немецкие рабочие должны были изготовить для СССР средств укрепления его обороны на общую сумму 320 млн. марок, в первый год — на 180 млн.

В ответ за 2 года СССР должен был поставить товаров на 180 млн. марок, по 90 млн. в год, из которых 60 млн. — в оплату товаров по торговому соглашению и 30 млн. — в оплату процентов по кредиту и частичное погашение самого кредита.

По финансовой части это пока все. Более интересна товарная часть.

Прошу прощения у тех, кому подробности не очень интересны, но они очень важны, поскольку сегодня, похоже, масса граждан просто не догадывается, на что еще можно потратить кредит, кроме тампаксов, сникерсов и куриных окорочков. Поскольку и по кредитному соглашению, и по торговому часть наименований товаров, закупаемых СССР в Германии, совпадает, то я в скобках буду давать сумму закупок в млн. марок. Итак, *«список отдельных видов оборудования, подлежащих поставке германскими фирмами»:*

«1. Токарные станки для обточки колесных полускатов. Специальные машины для железных дорог. Тяжелые карусельные станки диаметром от 2500 мм. Токарные станки с высотой центров 455 мм и выше, строгальные станки шириной строгания в 2000 мм и выше, кромкострогальные станки, расточные станки с диаметром сверления свыше 100 мм, шлифовальные станки весом свыше 10 тыс. кг, расточные станки с диаметром шпинделя от 155 мм, токарно-лобовые станки с диаметром планшайбы от 1500 мм, протяжные станки весом от 5000 кг, долбежные станки с ходом от 300 мм, станки глубокого сверления с диаметром сверления свыше 100 мм, большие радиально-сверильные станки с диаметром шпинделя свыше 80 мм.

Прутковые автоматы с диаметром прутка свыше 60 мм. Полуавтоматы. Многорезцовые станки. Многошпиндельные автоматы с диаметром прутка свыше 60 мм. Зуборезные станки для шестерен диаметром свыше 1500 мм. Большие гидравлические прессы, фрикционные прессы, кривошипные прессы, разрывные машины, окантовочные прессы, ковочные молоты свыше 5 т.

Машинное оборудование: вальцы, ножницы, гибочные машины, машины для плетения проволоки, отрезные станки и др. (167,0).

2. Краны: мостовые, кузнечные, поворотные, плавучие (5,0).

3. Прокатные станы: проволочные, листовые и для тонкого листового железа (5,0).

4. Компрессоры: воздушные, водородные, газовые и др. (5,1).

5. Установки Линде, различное специальное оборудование для сернокислотных, пороховых и других химических фабрик.

Установки системы Фишера для получения жидкого горючего из угля, генераторы Винклера и колонки высокого давления для азота (23,5).

ПРИМЕЧАНИЕ: Поставка установки системы Фишера для получения жидкого горючего из угля, генераторов Винк-

лера и колонок высокого давления для азота начинается в середине 1942 г.

6. Различное электрооборудование: взрывобезопасные моторы, масляные выключатели, трансформаторы (3,3).

7. Оборудование для угольной промышленности: пневматические бурильные молоты, погрузочные машины, транспортеры (0,5).

8. Буксиры мощностью от 100 до 200 л.с., плавучие судоремонтные мастерские, 20 рыболовных траулеров (3,0).

9. Турбины с генераторами от 2,5 до 12 тыс. кВт и дизельные моторы мощностью от 600 до 1200 л.с. (2,0).

10. Локомотивы от 350 до 750 л.с. (2,8).

11. Контрольные и измерительные приборы (4,1).

12. Оптические приборы (2,3).

13. Некоторые предметы вооружения (58,4).

14. Дюралюминиевые листы (1,5).

15. Металлы и металлоизделия: нежелезные полуфабрикаты из тяжелого и легкого металла, тонкие листы, стальная проволока, холоднокатаная лента, тонкостенные трубы, латунная лента, качественные стали (14,5).

16. Химические товары, красители и химические полуфабрикаты (4,9).

17. Разные изделия, как-то: печатные машины, двигатели внутреннего сгорания, машины для испытания материалов, арматура, пневматические машины и насосы, заготовочные и строительные машины, бумажные машины, бумагообрабатывающие машины, машины для пищевой промышленности, текстильные машины, машины для обувной и кожевенной промышленности, электроды, запасные части, измерительные приборы и пр. (16,6).

Итого на 320 млн. рейхсмарок».

В подавляющем числе закупаемых товаров стоимость собственно сырья (железа, меди, алюминия и т.д.) — мизерна. Основная стоимость — это труд инженеров, техников и рабочих, причем, очень высококвалифицированных.

Подавляющее число товаров несерийное и делается исключительно на заказ. В СССР такое уникальное и высокоточное оборудование называлось «именниковым». Оно имело длительный цикл изготовления, и его практически невозможно было использовать нигде, кроме тех предприятий, для кого оно предназначено. В СССР в то время отсутствовали возможности его изготовления.

Практически все, кроме, пожалуй, последних двух пунктов, это либо то, из чего делается оружие, либо то, на чем делается оружие, либо просто оружие.

А теперь о том, что должен был поставить в Германию Советский Союз в течение двух лет (в скобках стоимость в млн. марок):

«Кормовые хлеба (22,00); жмыхи (8,40); льняное масло (0,60); лес (74,00); платина (2,00); марганцевая руда (3,80); бензин (2,10); газойль (2,10); смазочные масла (5,30); бензол (1,00); парафин (0,65); пакля (3,75); турбоотходы (1,25); хлопко-сырец (12,30); хлопковые отходы (2,50); тряпье для прядения (0,70); лен (1,35); конский волос (1,70); обработанный конский волос (0,30); пиролюзит (1,50); фосфаты (половина в концентратах) (13,00); асбест (1,00); химические и фармацевтические продукты и лекарственные травы (1,60); смолы (0,70); рыбий пузырь (Hausenblasen) (0,12); пух и перо (2,48); щетина (3,60); сырая пушнина (5,60); шкуры для пушно-меховых изделий (3,10); меха (0,90); тополевое и осино-вое дерево для производства спичек (1,50). Итого на 180,00 млн. марок».

Обсудим и этот список.

Что бросается в глаза сразу — СССР поставлял сырье в издевательски первоначальном его виде. Исключая нефтепродукты и масла, ничто не прошло даже первого передела. Что из земли выкопали или что с курицы упало, перед тем как курицу, ощипав, отправить в суп, то и отправили немцам. Ни одной пары немецких рабочих рук немцам не сэкономили.

Вот, скажем, марганец. В то время в СССР два завода (Запорожский и Зестафонский) перерабатывали марганцевую руду в ферромарганец, причем в количествах больших, чем это требовалось черной металлургии СССР. Поскольку именно в это время Берия создал такие запасы ферросплавов (и ферромарганца в том числе), что, когда с началом войны Запорожский завод эвакуировали в Новокузнецк, Зестафонский — в Актюбинск, а Никопольский марганец попал в руки немцев, производство стали в СССР не прекратилось. Пока на новых местах заводы отстраивались, а в Казахстане строились марганцевые рудники, металлургия СССР работала на стратегических запасах, созданных под руководством Берия.

Казалось бы, СССР мог поставить немцам не марганцевую руду и пиролюзит (богатую руду), а ферромарганец, ведь он дороже. Но нет, дали немцам самим задействовать рабочих и электроэнергию, самим выплавлять ферромарганец.

Второе. Для поставки этих товаров не требуется квалифицированная рабочая сила. Более того, и даже неквалифицированная рабочая сила не всегда отвлекается от работы на СССР. Скажем, более трети поставок — лес. А его в те годы заготавливали зимой крестьяне, которые не имели в этот сезон вообще никакой работы.

Третье. Свойство сырья в отличие от машин и механизмов в том, что цена труда в сырье, как правило, существенно меньше рыночной цены сырья, особенно в хорошую рыночную конъюнктуру военного времени. Скажем, добыть марганцевую руду стоит рубль, а ее цена 10 руб. Рубль — твой труд, а 9 руб. — подарок от Бога этой стране. То есть, ситуация с этим договором такова: немцам для того, чтобы поставить в СССР товаров на 1000 марок требовалось, допустим, 5 высококвалифицированных рабочих, а Советскому Союзу — один, и то неквалифицированный.

В дальнейшем были заключены с Германией еще торговые договора, и в них наши коммерсанты еще более, скажем так, осмелели. Немцам поставлялась под видом железной руды руда с таким низким содержанием железа, которую сами мы пустить в доменные печи не могли. Немцы вынуждены были ее обогащать. Они пытались поскандалить по этому поводу, но Сталин их укротил (Документы внешней политики. 1940 — 22 июня 1941. Т. XXIII, М., «Международные отношения», 1995, с. 7—11). Далее, мы просто закупали сырье на Дальнем Востоке и перепродавали его немцам.

Уместен вопрос — но ведь немцы из этого сырья делали оружие, которое использовали против нас?

Конечно, делали. Но, во-первых, мы гораздо больше делали оружия на поставленном немцами оборудовании, во-вторых, часть нашего же сырья немцы, переработав, пускали на выполнение заказов нам, в-третьих, своими заказами мы мешали им делать оружие для себя. А что касается сырья, то ведь мы были всего лишь нейтралами по отношению к немцам, а у них были и союзники, и очень дружественные страны, которые поставляли им свое сырье и без нас, и в больших количествах. Уйди мы с немецкого рынка, его бы заполнили Франция, Италия, Румыния, Венгрия, Болгария, Финляндия, Испания, Литва, Латвия, Эстония, а мы бы сами остались невооруженными и не готовыми к той войне, в которой нам предстояло выстоять.

Ведь всю войну с 1941 г. немцы получали нефть из Румынии и Венгрии, высококачественную железную руду и подшипники из Швеции. Мы им уже ничего не продавали, а у них до 1945 г. практически всего хватало.

Финансовый итог

К сожалению, у меня нет цифр фактического выполнения немцами наших заказов, а это в данном деле очень важно.

Когда покупается что-то выпускающееся серийно, скажем, двигатели, дюралюминий, мелкие станки, оружие и т.д., то оплачивают их по получении. Но когда покупается «именниковое» оборудование, которое изготавливается очень долго, то обычно дают аванс и оплачивают этапы изготовления. Если этого не делать, то тогда фирма-исполнитель вынуждена будет сама взять кредит и добавить в цену проценты по нему. В данном случае это было невыгодно, и я уверен, что наши внешнеторговые организации авансировали наши заказы, поэтому формальный баланс по поставкам, т.е. стоимость товаров, пересекших границу с обеих сторон, не в нашу пользу.

К примеру, предположим, по какому-то крупному оборудованию, стоящему 10 млн. марок, мы своими поставками проавансировали 9 млн. к началу войны, но оно еще не было полностью готово и, естественно, не было поставлено. Баланс по поставкам получается 9 млн. к 0 млн. не в нашу пользу, но по фактически выполненным работам он 9 к 9. А учитывая, что достаточно много советских дипломатов и внешнеторговых работников к описываемому времени закончили свою карьеру стенкой или лагерями, вряд ли приходится сомневаться в дисциплине внешнеторговцев в Германии, т.е. в том, что баланс по заказам неукоснительно поддерживался.

Можно сказать, что это оборудование все же осталось в Германии. Да, но и немцам его использовать было очень трудно. Вспоминает бывший нарком авиационной промышленности А.И. Шахурин: *«На одном из заводов у нас был мощный пресс, с помощью которого изготавливались специальные трубы. Пресс в свое время мы закупили у немецкой фирмы «Гидравлик». И вот лопнул цилиндр, весивший почти 90 т. Такие цилиндры у себя мы тогда не делали. Заказали новый цилиндр немцам... К началу войны он так и не поступил. Готовый к отправке цилиндр пролежал у них без дела всю войну. После войны мы его нашли. Немцам он оказался не-*

нужным. И пришлось наш треснувший цилиндр много раз сваривать, заваривать. Обошлись, конечно» (Шахурин А. Крылья победы. М., Политиздат, 1990, с. 108—109).

Поскольку позднее (11 февраля 1940 г. и 10 января 1941 г.) мы заключили с немцами еще два торговых соглашения, то я дам баланс поставок и по кредиту, и по всем этим соглашениям вместе.

СССР на 22 июня 1941 г. поставил в Германию сырья на сумму 637,9 млн. марок, а Германия в СССР поставила оборудования на общую сумму 409,1 млн. марок, в том числе на 81,5 млн. военных заказов.

Однако и в этом балансе не все просто. Посмотрите на этот документ, который наверняка в Литве стараются забыть:

СЕКРЕТНЫЙ ПРОТОКОЛ

По уполномочию Правительства Союза ССР Председатель СНК СССР В.М. Молотов, с одной стороны, и по уполномочию Правительства Германии Германский Посол граф фон дер Шуленбург, с другой стороны, согласились о нижеследующем:

1. Правительство Германии отказывается от своих притязаний на часть территории Литвы, указанную в Секретном Дополнительном Протоколе от 28 сентября 1939 года и обозначенную на приложенной к этому Протоколу карте;

2. Правительство Союза ССР соглашается компенсировать Правительство Германии за территорию, указанную в пункте 1 настоящего Протокола, уплатой Германии суммы 7 500 000 золотых долларов, равной 31 миллиону 500 тысяч германских марок.

Выплата суммы в 31,5 миллионов германских марок будет произведена нижеследующим образом: одна восьмая, а именно: 3 937 500 германских марок, поставками цветных металлов в течение трех месяцев со дня подписания настоящего Протокола, а остальные семь восьмых, а имен-

но 27 562 500 германских марок, золотом, путем вычета из германских платежей золота, которое германская сторона имеет произвести до 11 февраля 1941 года на основании обмена писем, состоявшегося между Народным Комиссаром Внешней Торговли Союза ССР А.И. Микояном и Председателем Германской Экономической делегации г. Шнурре в связи с подписанием «Соглашения от 10 января 1941 года о взаимных товарных поставках на второй договорной период по Хозяйственному Соглашению от 11 февраля 1940 года между Союзом ССР и Германией».

3. Настоящий Протокол составлен в двух оригиналах на русском и в двух оригиналах на немецком языках и вступает в силу немедленно по его подписании.

По уполномочию Правительства СССР (В. Молотов)
За правительство Германии (Шуленбург)

Москва, 10 января 1941 года

(Военные архивы России. № 1, 1993, с. 21).

Чтобы понять, что написано в этом протоколе, следует вспомнить, что в 1920 г. Польша отобрала у Литвы часть территории вместе с ее нынешней столицей Вильнюсом. После поражения Польши в 1939 г., согласно секретному протоколу к Пакту о ненападении между СССР и Германией, к СССР отошла часть территории Польши — бывшей территории Литвы вместе с Вильнюсом, — но часть осталась у немцев. СССР в октябре 1939 г. подарил тогда еще буржуазной и не входящей в состав СССР Литве свою часть литовской территории (что привело, кстати, к объявлению войны СССР польским правительством в эмиграции).

А когда Литва вступила в СССР, то на правительстве СССР оказалась ответственность и за литовских граждан, находящихся на той территории Литвы, что в 1920 г. была оккупирована Польшей, а в 1939 г. — Германией. И Сталин купил у Германии для Литвы эту территорию за 31,5 млн. немецких марок.

То есть эту сумму надо добавить в баланс торговых отношений между СССР и Германией. Кроме этого, из данного протокола следует, что дисбаланс в торговле устранялся платой золотом, т.е. за превышение поставок сырья над поставками оборудования Германия платила СССР поставками золота.

(Надо думать, что золото это было чешским. В своем военном напряжении к сентябрю 1938 г. Германия практически исчерпала свой золотой запас до остатка в 17 млн. долларов. Когда немцы по мюнхенскому сговору отобрали у Чехословакии Судетскую область, то предусмотрительные чехи отправили свой золотой запас в Лондон, а когда в начале 1939 г. немцы захватили всю Чехословакию, то чешское правительство переехало в эмиграцию тоже в Лондон, поближе к золоту. Но идиллия длилась недолго, Чемберлен сразу же передал своему любимцу Гитлеру золото чехов на сумму в 31 млн. долларов.)

Что соглашение дало СССР

Кредитное и торговое соглашение с Германией дало СССР возможность провести подготовку к войне с немцами руками самих немцев. Шла эта подготовка по нескольким направлениям.

Как вспоминал нарком авиапромышленности А.И. Шахурин, накануне войны было решено вдвоить стратегические заводы СССР. Имелось в виду, что если в западных районах СССР был завод, производящий что-либо для обороны (моторы, резину, сплавы и т.д.), то такой же завод надо было иметь и на востоке СССР, чтобы в случае потери завода на западе не остановить производство оружия. Строительство этих заводов, разумеется, увеличивало производство оружия, боеприпасов и боевой техники. Шли двумя путями: строили на востоке заводы на новом месте или перестраивали заводы, выпускавшие до этого мирную продукцию.

Для строительства этих дублеров требовался большой станочный парк. И немцы эти станки нам поставляли, более того, если судить по списку к кредитному договору, они поставляли станки для производства станков. И в том, что наша промышленность смогла, к изумлению всего мира, эвакуироваться на восток СССР и там произвести оружия и боевой техники больше, чем Германия, есть существенная доля поставок оборудования из Германии.

Второе, в чем помогла Германия СССР накануне войны, — это в совершенствовании оружия.

Дело в том, что инженерная база СССР была очень слаба, как в конструкторском, так и в технологическом плане — в умении воплотить чертежи в металл так, чтобы замысел конструктора осуществился и машина не развалилась сразу после выхода с завода.

Пока Гитлер не пришел к власти в Германии, немецкие конструктора напрямую учили наших — под их руководством создавались чертежи первого советского тяжелого танка, они возглавляли артиллерийские КБ. Самостоятельные работы у нас получались плохо. Скажем, из 40 типов авиадвигателей, спроектированных советскими конструкторами к 1930 г., ни один нельзя было поставить на самолет. Или уже в 1940 г. из 115 первых серийных танков Т-34, 92 сломались через 3 месяца. Миноносец собственной конструкции переломился и затонул во время шторма в Баренцевом море. Ужасаться тут особо нечего, к сожалению, это естественный процесс становления молодых инженерных и рабочих кадров в стране.

Решался этот вопрос тем, что СССР широко практиковал закупки лицензий на производство боевой техники за рубежом. На внедрении в производство образцов импортной техники и технологии учились советские конструкторы и технологи. Массовые легкие танки начала войны Т-26 и БТ-7 были английской и американской конструкцией. Авиадвигатели также были модификацией лицензионных. Тем

не менее, к началу войны наше отставание по отношению к немцам было огромным, к примеру, по качеству истребителей мы догнали их только в 1944 г. Провальным было положение с радиосвязью, с оптическими приборами.

У нас многие конструкторы оружия и боевой техники написали мемуары, из которых следует, что все хорошее, что они изобрели и сконструировали, а такого действительно было очень много, было результатом исключительно их собственного ума. Но ведь это не так!

Чего мы добиваемся таким, порой наивным, хвастовством? Ведь любая ложь дезориентирует. И сегодня обыватель равнодушно смотрит, как разрушаются наши славные КБ, как инженеры и конструкторы теряют квалификацию, торгуя турецким и китайским барахлом. Дескать, ничего, надо будет — мы сможем, как в войну. Ни хрена мы не сможем! Потребуется годы и годы, чтобы восстановить инженерный и рабочий потенциал страны.

А тогда, в счет немецкого кредита немцы уже к 1 августа 1940 г. поставили в СССР оружия и военной техники на 44,9 млн. марок, в том числе: самолеты «Хейнкель-100», «Мессершмитт-109», «Мессершмитт-110», «Юнкерс-88», «Дорнье-215», «Бюккер-131», «Бю-133», «Фокке-Вульф», авиационное оборудование, в том числе прицелы, высотомеры, радиостанции, насосы, моторы, 2 комплекта тяжелых полевых гаубиц калибра 211 мм, батарею 105-мм зенитных пушек, средний танк «Т-III», 3 полугусеничных тягача, крейсер «Лютцов», различные виды стрелкового оружия и боеприпасы, приборы управления огнем и т.д. (Год кризиса. 1938—1939, Т. II, М., Политиздат 1990, с. 404-405).

Сегодняшние историки если и вспоминают об этой технике, то исключительно как об образцах, купленных из лобопытства. Надо думать, что этому способствуют мемуары. Так, к примеру, и нарком авиапромышленности А.И. Шахурин, и его заместитель и авиаконструктор А.С. Яковлев дружно убеждают читателей, что закупленные ими образ-

цы немецкой авиационной техники советским конструкторам ну никак негодились. А вот немецкий генерал Б. Мюллер-Гиллебранд в книге «Сухопутная армия Германии (1933—1945)» пишет (выделено мною): *«Германия должна была незамедлительно обеспечить ответные поставки. Для того чтобы они в стоимостном выражении быстро достигли большой суммы, Советскому Союзу предлагалась по возможности готовая продукция. Так, в счет ответных поставок были переданы находившийся на оснащении тяжелый крейсер «Лютцов», корабельное вооружение, образцы тяжелой артиллерийской техники и танков, а также важные лицензии. 30 марта 1940 г. Гитлер отдал распоряжение о предпочтительном осуществлении этих поставок, к чему, однако, отдельные виды вооруженных сил ввиду испытываемых ими трудностей в области вооружений приступили без должной энергии»*, — Видимо чувствовали, что до добра эти поставки не доведут (Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии. Т. II. М., «Иностранная литература», 1958, с. 65).

Следовательно, у немцев закупались лицензии, т.е. чертежи и технология изготовления, а уже к ним образцы.

В этом плане мне хотелось бы обратить внимание читателей на историю создания советского самолета Пе-2. Его назначение — фронтовой пикирующий бомбардировщик. В ходе войны этих самолетов было построено почти 12,5 тыс. (Для сравнения — немецких фронтовых пикирующих бомбардировщиков Ю-87 было построено всего около 5 тыс.).

Я давно обратил внимание на такую деталь: в начале войны Пе-2 обстреливали свои зенитчики и пропускали немецкие. Причина в том, что он чрезвычайно похож на немецкий самолет «Мессершмитт-110» (Me-110). Расспрашивал специалистов, связанных с авиастроением, но они упорно держатся общепринятой версии — советский конструктор В.М. Петляков создал этот самолет лично и абсолютно самостоятельно.

Однако авторы, рассказывающие о создании этого самолета, дают столько взаимоисключающих деталей, что все эти истории вправе претендовать на звание легенд. И вот почему.

Схема создания любого самолета такова. Сначала у конструктора возникает замысел, который в виде эскиза утверждается заказчиком — ВВС. Конструктору (конструкторскому бюро) дают деньги, и он делает чертежи, по которым строят один или несколько опытных самолетов. На этих самолетах начинают летать летчики-испытатели и в ходе испытательных полетов вскрываются все недостатки. Самолеты переделываются до тех пор, пока испытания не заканчиваются актом, на основе которого заказчик принимает решение: запустить самолет в серийное производство и вооружить им ВВС или отказаться. После этого конструктор делает рабочие чертежи и строит эталонный самолет, который вместе с чертежами передается на завод-изготовитель этого самолета. После чего начинается серийное производство.

Так вот, по некоторым легендам (историки В.Б. Шавров, В. Котельников, О. Лейко), 10 мая 1940 г. Петлякову дали приказ, и он сразу начал выдавать рабочие чертежи Пе-2 на завод-изготовитель, не строя опытных самолетов и не проводя их испытаний. По другим легендам (историки К. Косминков, Д. Гринюк), опытные самолеты все же были построены и испытаны в сентябре 1940 г., т.е. спустя 2 месяца после того, как Петляков в июне 1940 г. передал все рабочие чертежи на завод. А зачем эти испытания, если Пе-2 уже начали серийно строить?

Если мы возьмем наиболее фундаментальный труд «История конструкций самолетов в СССР» В.Б. Шаврова, то схема создания самолета Пе-2 выглядит так (Шавров В.Б. История конструкций самолетов в СССР (1938-1950 гг.) М., Машиностроение, 1978).

В 1938 г. Петляков работал в КБ в тюрьме. Обычно козлам объясняют, что он вместе с конструктором Туполевым и многими другими сел в тюрьму, так как Сталин и Берия были садистами и очень любили сажать в тюрьму цвет советской интеллигенции. Но есть и другая, малоизвестная, версия.

Из-за неспособности отечественных конструкторов обеспечить ВВС современными машинами, Туполеву было поручено закупить в США лицензии на самолеты, наиболее перспективные для строительства в СССР. Туполев собрал команду в 60 человек конструкторов и уехал в США на несколько месяцев. Из этого бизнес-тура они привезли 3 лицензии на самолеты, чертежи на которые американцы выдали в дюймах. Чтобы построить эти самолеты из отечественных материалов, размеры которых даются в миллиметрах, требовалось произвести перерасчет всей конструкции самолета в объемах, равноценных проектированию нового самолета. В результате, эту гигантскую работу смогли сделать только для одной лицензии — на транспортный самолет И. Сикорского ДС-3 (Ли-2). Для этого было выключено из плановой работы КБ авиаконструктора Мясищева. То есть Туполев огромные государственные деньги выбросил псу под хвост, но из поездки в США вся делегация вернулась нагруженная американским барахлом — от костюмов до бытовых холодильников. После этого с 1938 г. все авиабарахольщики продолжили свою конструкторскую работу в тюрьме. Ну что же тут поделать, Сталин был таким — и сам не воровал, и другим не давал, за что этого усатого тоталитариста так искренне ненавидят демократы.

В тюрьме Петляков руководил КБ-29 в Спецтехотделе, сокращенно СТО. Поэтому порученный ему для конструирования самолет назывался «100». Поручили ему в начале 1939 г. разработать проект высотного одноместного истребителя ВИ-100 с двумя моторами. К апрелю 1940 г. он представил на испытания два опытных экземпляра этого высот-

ного истребителя ВИ-100, но они уже тогда были почему-то двухместными истребителями с длинной, как у Ме-110, кабиной и такими же, как и у Ме-110, размерами, моторами и особенностями.

Испытания этого «совершенно нового» истребителя, начатые в апреле 1940 г., закончились 10 мая этого же года приказом выдавать на завод рабочие чертежи трехместного фронтового пикирующего бомбардировщика, а с 23 июня Пе-2 начал строиться серийно!

Чтобы оценить скорость «испытаний» и строительства Пе-2 сравним их со временем испытания другого советского фронтового пикирующего бомбардировщика Ар-2. Это была переделка серийного, строившегося с 1936 г. самолета СБ, на котором слегка изменили размеры и добавили тормоса-решетки. Невелики вроде изменения, но на них ушел год, прежде чем в 1940 г. этот самолет пошел в серию.

А вот проектирование действительно оригинального бомбардировщика. За 2 месяца до того, как Петлякову дали задание «переделать истребитель 100» в бомбардировщик Пе-2, его шеф и руководитель А.Н. Туполев, также сидящий на тот момент в той же тюрьме, получил задание создать двухмоторный пикирующий трехместный бомбардировщик, который впоследствии стал известен как Ту-2. Туполев приступил к работе 1 марта 1940 г., опытный экземпляр был построен к 3 октября этого же года, начались его наземные, а с 29 января 1941 г. — летные испытания, которые длились до мая. Шавров пишет, что *«это был лучший в мире фронтовой бомбардировщик»*. (Который, правда, никогда не видел фронта.) Несмотря на столь успешные результаты испытания, в серию самолет не был запущен, по результатам испытания к 18 мая 1941 г. построили еще два, уже видоизмененных четырехместных экземпляра. Эти опытные самолеты испытывались все первое лето войны, и строить их серийно начали лишь в сентябре 1941 г.

Итак, от постройки опытного экземпляра собственно фронтального бомбардировщика до его серийного строительства прошло 11 предвоенных и военных месяцев, из которых 7 месяцев заняли летные испытания. А у Петлякова на испытания истребителя «100» затрачено около месяца, а бомбардировщик Пе-2 отдан на завод совершенно без испытаний!

В.Б. Шавров пишет о Пе-2: *«опытного экземпляра не строили, настолько хорошо зарекомендовал себя самолет «100», — но дальше об истребителе «100» — полного отчета по испытаниям нет»*. А откуда же тогда известно, что двухместный истребитель «100», превратившийся в трехместный бомбардировщик, за месяц полетов *«хорошо себя зарекомендовал?»*

Отчета об испытаниях самолета «100», возможно, нет потому, что, как пишут В. Котельников и О. Лейко в книге «Пикирующий бомбардировщик Пе-2»:

«В ходе испытаний «сотки» произошло несколько аварий. У самолета Стефановского отказал правый мотор, и он с трудом посадил машину на площадке техобслуживания, чудом «перепрыгнув» через ангар и составленные около него козлы. Потерпел аварию и второй самолет, «дублер», на котором летели А.М. Хрипов и П.И. Перевалов. После взлета на нем вспыхнул пожар, и ослепленный дымом пилот сел на первую попавшуюся площадку, задавив находившихся там людей».

Это называется *«хорошо себя зарекомендовал»?* И такой самолет запустили в серию?? Нет, история создания Пе-2 это, конечно, очень высокохудожественное произведение!

Думаю, что все было проще и по-другому.

Наверное, Петляков действительно получил задание спроектировать высотный одноместный истребитель в начале 1939 г. Но осенью СССР купил лицензию на Me-110, и Петлякову поручили взять его за основу своей «сотки». А поскольку испытания «сотки» было трагическим, то их прекратили, приказали взять немецкие чертежи, скопиро-

вать их по советским стандартам и передать в производство. Поэтому КБ Петлякова и сделало их за полтора месяца, а к этому времени прибыли и сами Me-110, которые послужили эталоном, пока на заводах не изготовили собственнно Пе-2.

По-другому трудно объяснить невероятные превращения одноместного истребителя в трехместный бомбардировщик.

Вы скажете, что и Me-110 тоже ведь был истребителем и так вот просто взять и без испытаний отдать на завод чертежи на него, как на бомбардировщик, тоже нельзя. Да, во всей советской литературе Me-110 фигурирует только как дальний истребитель, и таким он у немцев и был, поскольку у них хватало пикирующих бомбардировщиков (кроме Ю-87, пикировал и массовый Ю-88 и Хе-123). Но в альбоме «Самолеты Германии», выпущенном в 1941 г. с тем, чтоб *«обеспечить нашим доблестным сталинским соколам и героическим бойцам ПВО Красной Армии распознавание и уничтожение фашистских стервятников»* на листах *«Истребитель «Мессеримитт-110»* есть примечание: *«Самолет может быть использован как скоростной бомбардировщик, штурмовик и дальний разведчик при наличии экипажа из 3 человек».*

То есть немцы создавали Me-110 не только как истребитель, но и в варианте бомбардировщика, просто этот вариант им не потребовался. Но зато он нам оказался очень кстати.

(Закупал лицензии на самолеты в Германии замнаркома авиаконструктор Яковлев. Интересно, что в своих мемуарах он несколько раз дает список купленных им у немцев самолетов, но всякий раз забывает упомянуть Me-110.)

Возможно, я и не прав с Пе-2, возможно, историки что-то скрывают, но несомненно одно: накануне войны СССР закупал у Германии образцы боевой техники и лицензии на нее не для того, чтобы складывать их в архивы и музеи.

В 1930 г. наши артиллерийские конструкторы получили задание создать 100-мм зенитную пушку. К 1933 г. ее впервые выкатили на полигон, а потом начались доделки-переделки, пока эта пушка в более или менее порядочном виде не предстала в 1940 г. на сравнительных испытаниях вместе с немецкой 105-мм зенитной пушкой, закупленной по кредитно-торговому соглашению с Германией.

А. Широкогод в журнале «Техника и вооружение» №8/98 пишет об этом так:

«Четыре 10,5-см пушки Flak 38 были доставлены в СССР и испытаны с 31 июля по 10 октября 1940 г. на научно-исследовательском зенитном полигоне под Евпаторией. По нашей традиции пушкам Flak 38 присвоили «псевдоним» ГОД (Германская особая доставки). Они проходили совместные испытания с отечественными 100-мм зенитными пушками Л-6, 73-К и сухопутным вариантом Б-34. Баллистика наших пушек и ГОД была почти одинакова, но кучность снарядов ГОД была в два раза выше. Германский снаряд при том же весе давал 700 убойных осколков, а наш — 300. Была отмечена очень точная работа автоматического установщика взрывателя. Живучесть ствола определена в 1000 выстрелов (при падении начальной скорости на 10%). Однако в результате каких-то интриг решено было принять на вооружение не ГОД, а совсем «сырую» 100-мм пушку 73-К. Результат не замедлил сказаться — 73-К «пушкари» завода им. Калинина довести так и не сумели». Строго говоря, довели, но в 1948 г.

Думаю, что дело здесь не в интригах. Во-первых, 105-мм пушка предназначена для отражения массированных налетов стратегических бомбардировщиков на стационарные объекты, т.е. для стрельбы на очень большие высоты и дальности. Авиации для таких налетов у немцев не было, они со-

вершали их, в случае необходимости, фронтовыми бомбардировщиками. Наша 85-мм зенитная пушка, уступая 105-мм зенитной пушке немцев по весу снаряда и незначительно по дальности и потолку, значительно превосходила немецкую пушку по маневренности. Если немецкая 105-мм зенитная пушка в походном положении весила 14,6 т, то наша 85-мм всего 4,6 т и из походного в боевое положение переводилась всего за 1,2 минуты. Ее можно было использовать как для защиты стационарных объектов, где она была достаточно эффективна, так и для защиты войск, а немецкую 105-мм зенитку в полевых условиях использовать было нельзя — слишком тяжела.

Так вот, упомянутый завод им. Калинина изо всех сил пытался снабдить РККА 85-мм зенитной пушкой и на освоении им и 100-мм пушки правительству, видимо, не было смысла настаивать. И эта пушка, и немецкая 105-мм нужны были в небольших количествах, а 85-мм не хватало очень сильно.

85-мм зенитных орудий не хватало настолько, что мы, похоже, на деньги кредита закупали у немцев их 88-мм зенитные орудия не как образцы, а сериями. Это следует из мемуаров Э. Манштейна «Утерянные победы». Описывая бои начала войны, он восклицает: *«Среди трофеев находились две интересные вещи. Одна из них — новенькая батарея немецких 88-мм зенитных орудий образца 1941 г.»*

Чтобы понять, почему Манштейн поставил восклицательный знак, нужно учесть, что самые совершенные 88-мм зенитные пушки образца 1941 г. немцы сначала поставляли в Африку генералу Роммелю, а в войска Восточного фронта эти пушки впервые попали только в 1942 г. А тут Манштейн увидел, что первоочередные поставки, оказывается, велись не только Роммелю, но и в СССР!

Возможно, мы для армии закупили и большое количество 105-мм пушек, поэтому и не стали давать их осваивать заводу им. Калинина, надеясь на поставки из Германии.

Что дало кредитно-торговое соглашение немцам

Конечно, оно дало им сырье, но, как я уже писал, сырье они получили бы и без СССР, через союзников. Правда, скажете вы, и за то сырье немцы так же обязаны были бы платить. Правильно, но, во-первых, это были их союзники, во-вторых, они своим союзникам в оплату за сырье поставляли не немецкую боевую технику, а, в основном, трофейную — польскую, французскую и т.д.

Но в СССР они по кредитно-торговому соглашению поставляли исключительно продукцию немецких рабочих, немецких заводов, и это не могло не ослаблять их накануне войны с нами.

Напомню, что Гитлер начал Вторую мировую войну значительно раньше, чем планировал. Отобрать Судеты у чехов он хотел только в 1942 г., построить военно-морской флот намечал в 1944 г.

А фактически вынужден был начать войну в 1939 г., не перевооружив до конца армию. У немцев было очень хорошее оружие и техника, но их не хватало. И остановиться немцы не могли, война шла, вооружались все страны, и немцы обязаны были спешить для того, чтобы не дать противникам это сделать.

А ведь немецкие заводы, особенно металлургические, литейные, металлообрабатывающие, не могут работать более чем 24 часа в сутки. И если на них делают коробки скоростей для станков, поставляемых в СССР, то, значит, нельзя на том же оборудовании и теми же рабочими сделать коробку перемены передач для танка. И если эти рабочие собирают мостовой кран для СССР, то, значит, они не могут собрать танк. И если металлургические заводы Круппа поставляют броню и качественную сталь для строительства переданного в СССР тяжелого крейсера «Лютцов», то они

не могут поставить сталь для строительства примерно 500 средних танков.

Интересна судьба крейсера «Лютцов». Опасаясь начала войны с немцами, мы отбуксировали недостроенный корабль из Германии, как только немцы спустили его на воду, — без энергетической установки, рулей и винтов. К началу войны достроить не успели, и он встал на защиту Ленинграда как несамоходная плавучая батарея «Петропавловск». Тем не менее, «Петропавловск» оказался самым деятельным крупным надводным кораблем ВМФ СССР. При защите Ленинграда и при прорыве блокады он из своих сначала 4, а после выхода из строя одного орудия — из 3 203-мм орудий главного калибра выпустил по немцам 1946 снарядов. Советские линкоры не расстреляли по немцам и боекомплекта: «Парижская коммуна» (Черное море) израсходовала 1159 снарядов из своих 12 орудий главного калибра; «Октябрьская революция» (Балтика) — 1140 снарядов; «Марат» (Балтика) — 1529 снарядов. По сумме перекрыл показатель «Петропавловска» только крейсер «Максим Горький», который из своих 9 180-мм орудий выпустил по немцам и финнам 2311 снарядов. Таким образом «Лютцов» затраченные на него деньги оправдал.

В тот момент, когда мы взяли у немцев кредит, положение с рабочей силой в Германии было очень тяжелым. Упомянутый мною Мюллер-Гиллебранд писал:

«Ощущалось хроническая нехватка рабочей силы, особенно квалифицированных рабочих, для военной промышленности. 13 сентября 1939 г. Верховное командование вооруженных сил через штаб оперативного руководства отдало распоряжение о возвращении из вооруженных сил в военную промышленность квалифицированных рабочих.»

... 27 сентября 1939 г. управление общих дел сухопутной армии по поручению Верховного командования вооруженных сил издало положение об освобождении рабочих от призыва в армию в случае незаменимости их на производстве.»

С ноября 1939 г. началось массовое перераспределение специалистов в самой промышленности: квалифицированные рабочие снимались со второстепенных участков производства и направлялись на более важные в военно-экономическом отношении участки. Позже эти мероприятия со всей энергией продолжал проводить министр вооружений и боеприпасов.

В конце 1939 г. последовал приказ штаба оперативного руководства вооруженными силами при ОКВ об увольнении из армии военнослужащих рождения 1900 г. и старше, владевших дефицитными профессиями. Командование на местах очень сильно противилось проведению этих мер, так как оно само испытывало большие затруднения с личным составом».

Что стоило немцам кредитно-торговое соглашение с СССР, можно оценить на примере состояния их танковых войск накануне войны.

По замыслу немцев, основой танковых войск должны были стать средние танки (Т-III и Т-IV) весом около 20 т. Их начали проектировать в 1936 г. Кроме того, в каждой танковой дивизии предполагалось иметь около 20 сверхтяжелых танков для прорыва очень сильной обороны противника, так называемых «штурмовых танков». Проектировать такие танки начали в 1938 г., а окончательно с их концепцией определились в мае 1941 г. Таким танком стал танк Т-VI «Тигр».

Разведку и прикрытие флангов в каждой дивизии должны были осуществлять легкие танки Т-II.

Но немцы были профессионалы войны, они понимали, что танковые войска — это не танки, а люди. И для обучения этих людей был создан очень легкий, дешевый вооруженный только пулеметами танк Т-I. С него и начались танковые войска Германии. Т-I построили 1500 шт. и в 1937 г. прекратили выпуск. С этого времени начинается производство только основных танков.

Но война началась для немцев так быстро, что основных танков им просто не хватило, и они начали войну по существу своими учебными танками. В ходе войны в Польше и во Франции выяснилась слабая эффективность легких танков даже чешского производства. (Чехи в 1946 г. победили на конкурсе в Перу американский танк М-3 «Генерал Стюарт» и продали перуанцам 24 легких танка образца 1938 г. своего производства.)

Началось усиленное перевооружение немецкой армии средними танками, ускорение работ по созданию «Тигра». Однако к началу войны с СССР немцы все равно перевооружиться не успели.

В их танковых дивизиях, напавших на нас 22 июня 1941 г., было 3582 танка и САУ, из них всего 1884 средних и командирских танка и САУ. А 1698 — легкие танки и даже 180 танков Т-І. (Пять танковых дивизий были вооружены исключительно легкими танками.)

В результате очень малой эффективности применения легких танков на Восточном фронте немцы с 1942 г. начали просто убирать их с фронта в тыл и в мае этого же года полностью прекратили производство всех легких танков, сосредоточившись только на средних и тяжелых.

История не имеет сослагательного наклонения и, тем не менее, давайте оценим — смогли ли бы немцы перевооружить свои танковые войска полностью к 22 июня 1941 г., если бы не были вынуждены создавать технику и оборудование для СССР? Производившийся всю войну средний немецкий танк Т-IV стоил 103 462 марки, для замены всех 1698 легких танков в напавших на нас танковых дивизиях немцев требовалось квалифицированного рабочего труда в промышленности Германии примерно на 176 млн. марок.

Начиная с 1942 г. и за всю войну немцы построили 1350 тяжелых танков «Тигр-1». Стоил он 250 800 марок, т.е. на сумму примерно 339 млн. марок.

Таким образом, если бы Германия не поставила в СССР высокоточное оборудование на 409 млн. марок (произвела она его больше), то (чисто теоретически) она к 22 июня 1941 г. могла бы не только закончить перевооружение всех своих танковых дивизий, напавших на СССР, средними танками, но и произвести более 900 тяжелых танков «Тигр-1».

Повторюсь — все это, конечно, из области «бабушка надвое сказала», но все же такой расчет дает возможность оценить, что стоило Германии кредитно-торговое соглашение с СССР.

Напомню, что кредит у других стран уместен только в случаях, когда необходима срочная помощь иностранных рабочих и инженеров своим. Если бы перед войной СССР сумел взять кредит у своих предполагаемых союзников по будущей войне — у Англии или США, — то и это уже было бы подвигом. Но взять перед войной кредит у совершенно очевидного противника — это невероятно!

Однако вернемся к деньгам, к докладу А.Г. Зверева.

Глава 5

ВОЮЮЩИЙ РУБЛЬ

Денежное обращение к началу войны

Зверев: Перед войной, в результате проведенных партий и правительством мероприятий по поднятию производительности труда, снижению издержек производства и обращения, по укреплению хозяйственного расчета, а также увеличению товарных ресурсов и розничного товарооборота, денежное обращение заметно укрепилось.

В течение 1940 года и предвоенных месяцев 1941 года непрерывно возрастали резервы государственного бюджета, достигшие к началу войны 9,3 млрд. руб. В результате, начиная с августа 1940 года, производилось изъятие денег из обращения, составившее к 1 июня 1941 г. 7,4 млрд. руб. Денежная масса в обращении за этот период сократилась с 25,8 млрд. руб. на 1 августа 1940 г. до 18,4 млрд. руб. на 1 июня 1941 г., или на 28%, между тем как государственный розничный товарооборот с 43,3 млрд. руб. во II квартале 1940 года вырос до 47,9 млрд. руб. в соответствующем квартале 1941 г., или на 11%. Если на 1 рубль, находящийся в обращении в 1940 году, приходилось 7,28 руб. розничного товарооборота, то в первом полугодии 1941 года приходилось соответственно — 9,54 руб.

Можно считать, что количество денег, находившихся в обращении к началу войны, в общем соответствовало реальным потребностям оборота.

Пересмотр норм выработки и расценок, произведенный в 1940 году, поднял значение сдельной оплаты труда. Это обстоятельство, а также укрепление хозяйственного расчета на предприятиях усилили роль рубля в стимулировании повышения производительности труда. Рост производства ряда важнейших товаров широкого потребления ставил на очередь вопрос о необходимости снижения цен на эти товары, что означало бы повышение покупательной силы рубля и реальной заработной платы.

Уже по тому, что правительство СССР в 1940—1941 гг. не тратило все деньги, собираемые в бюджет налогами, говорит о том, что оно готовилось к войне и создавало запас товаров на рынке СССР. Чтобы эти товары не были реализованы, была уменьшена масса денег. Если бы скорость оборачиваемости рубля не менялась, то достаточно было бы изъять из обращения меньше миллиарда, но в это время существенно увеличилась оборачиваемость рубля: с 7,28 раза до 9,54 раза в год — на 31%. Это перекрыло 11%-ный рост товарооборота и в среднем за этот период из обращения вывели больше четверти денежной массы.

К этому месту доклада Зверев стал меньше уделять времени истории финансов СССР (для него и Сталина она была совсем недавней) и больше стал подготавливать правительство к предлагаемой им реформе. Он становится краток и даже из таблиц выбрасывает показатели за те годы, которые считает нехарактерными. А мы давайте немного больше посвятим внимания денежному вопросу войны.

В плане подготовки СССР к войне перед Сталиным стояли задачи несоизмеримые с теми, которые стояли перед Николаем II. Давайте их оценим.

Численность населения той России и СССР была примерно равной: на 1914 г. в России проживало 178 млн. человек, к 1941 г. в СССР проживало 196,7 млн. человек. Шинели одели в ходе Первой мировой войны в России 15,8 млн.

человек, в ходе Второй мировой в СССР — 34 млн. человек. Уже по этому показателю видно, насколько Сталину было труднее с точки зрения финансового обеспечения войны. Но это даже не цветочки, это так — бутончики.

У Николая II автотракторного и танкового вооружения не было, а авиация была скорее символической, так что тратиться на эти рода войск царю не приходилось. Основные его затраты были на холодное и стрелковое оружие пехоты и кавалерии, немного трат на саперов, связь, и основные затраты падали на артиллерию.

Что касается винтовок и пулеметов, то с этим оружием в царской армии дело доходило до такого маразма, что одно время даже предлагали вооружать войска топорами на длинных ручках — чем-то вроде алебард. Винтовки и пулеметы собирали и закупали по всему миру: от французских до японских. Тем не менее, до конца войны проблема со стрелковым оружием так и не была решена.

В СССР за производство стрелкового оружия отвечал Л.П. Берия, и мы можем сравнить цифры производства в 1941-1945 гг. этого оружия заводами всей Европы для фашистской армии и производство оружия наркоматами, возглавляемыми Л.П. Берия, — для РККА. Европа произвела 1048,5 тыс. пулеметов, а СССР — 1515,9 тыс. Винтовок и карабинов Европа осилила 7845,7 тыс., а СССР — 12 139,3 тыс. Пистолетов-пулеметов фашистские войска получили 935,4 тыс. штук, а РККА — 6173,9 тыс. (Оружие победы. Сб. М., «Машиностроение», 1987).

С закупкой матчасти артиллерии положение было таково. Царь влез в войну, имея 7088 орудий, противостоящие ему Германия и Австро-Венгрия имели 12 015. К концу войны положение улучшилось, но ненамного: у русской армии было 12299 стволов, у Германии и Австро-Венгрии — 18 019 (Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М., Олма-Пресс, 2001).

Сталин оттягивал войну как мог, поскольку против советских 34 695 орудий у немцев было 47 260 стволов. Тем не менее, уже на 1 ноября 1942 г., т.е. спустя чуть больше года после начала войны, 70 080 немецких орудий встречали 72 505 советских. А на 1 января 1945 г. у немцев осталось 28 500 стволов, а их громили 91 400 советских орудий (вместе с минометами калибром выше 50 мм — 239,6 тыс. стволов). Соотнесите эти цифры: при примерно одинаковой численности населения у царя 12,3 тысячи орудий, а у Сталина 239,6 тысяч! И орудия были куда более сложные и более дорогие, чем у царя.

Но у царя эти две позиции составляли основные затраты на закупку оружия, а у Сталина — меньше половины. (На закупку артиллерии было потрачено 43% от всей суммы, пошедшей на оружие, а стрелковое оружие и имущество саперов и связистов — 5,1%.) Поскольку 30% всех денег пошло на закупку самолетов и 21,9% на закупку танков и автотракторное имущество (Финансовая служба Вооруженных Сил СССР в период войны. М., Воениздат, 1967).

Военные расходы царской России (на февраль 1917 г.) составили всего 29,6 млрд. рублей, и уже эти траты вызвали бунт, свержение царя и его правительства. Которое, кстати, уже в декабре 1916 г. постановило забирать у крестьян хлеб принудительно, поскольку при обвальном обесценивании рубля крестьянин даже родному царю продавать его не хотел.

А военные расходы СССР составили 582 млрд. рублей! И несмотря на то, что они были в 20 раз больше, т.е. на каждого среднего советского гражданина ложились тяготами почти в 20 раз большими, чем на среднего подданного царской России, СССР во главе со Сталиным войну выиграл, а Россия во главе с царем (но без царя в голове) войну проиграла. Вот вам и роль личности в истории.

Но вернем слово А.Г. Звереву.

Денежное обращение в период войны

Зверев: Война и перестройка народного хозяйства на военный лад существенно изменили состояние денежного обращения. Материальные и денежные ресурсы страны были переклочены на обеспечение потребностей, вызванных войной. Большие военные расходы, резкое сокращение производства предметов потребления, а следовательно, значительное уменьшение объема розничного товарооборота и доходов государственного бюджета, — вызвали серьезное напряжение финансовых ресурсов страны.

Война предъявила большие требования к государственному бюджету по финансированию расходов на содержание армии, по выплате пенсий и пособий военнослужащим и их семьям, эвакуации и перебазированию на восток промышленности, по перестройке предприятий на производство военной продукции, а впоследствии по восстановлению в освобожденных районах хозяйства, разрушенного немецкими оккупантами. О военных расходах государственного бюджета говорят следующие данные:

	(в млрд. руб.)				
	1940 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Военные расходы	57,0	117,8	137,1	152,6	144,5
Удельный вес военных расходов в общем итоге расходов бюджета	32,7	64,4	65,3	57,8	48,4
Расходы по финансированию народного хозяйства	58,3	31,6	33,1	53,7	74,4

Подавляющая часть ассигнований на народное хозяйство направлялась на капитальное строительство, связанное с войной, и на восстановительные работы.

В связи с переводом промышленности на выпуск военной продукции, в годы войны значительно сократилось производство основных предметов потребления. Особенно рез-

ко сократилось производство предметов широкого потребления в 1942—1943 годах, когда часть территории нашей страны была временно оккупирована. В последующие годы, как видно из приводимых ниже данных, объем производства несколько расширился, однако не достиг по ряду важнейших продуктов и половины довоенного уровня.

	1940 г.	1942 г.	1944 г.	1945 г.
Хлеб в млн. тонн	24,0	12,1	10,0	11,0
Крупа в млн. тонн	1,7	0,9	0,9	1,1
Мясо в тыс. тонн	1417	674	516	624
Улов рыбы в млн. центнеров	14,0	9,6	12,3	11,3
Масло животное в тыс. тонн	228	111	106	117
Сахар в тыс. тонн	2151	114	245	465
Хлопчатобумажные ткани в млн. метров	3952	1642	1777	1615
Шерстяные ткани в млн. метров	119,7	45,3	52,6	53,8
Бельевой и верхний трикотаж в млн. штук	183,0	54,0	47,0	50,0
Чулки и носки в млн. пар	485,4	89,6	90,5	91,0
Обувь кожаная в млн. пар.	211,0	52,7	67,4	63,1
Папиросы в млрд. штук	100,4	3,5	7,4	25,0
Водка и водочные изделия в млн. декалитров	92,5	22,3	28,1	44,3

Одновременно значительно увеличилось вне рыночное потребление большей части товаров, выпускаемых легкой и пищевой промышленностью, главным образом в связи с использованием их для нужд снабжения армии. В связи с этим рыночные фонды и государственный розничный товарооборот еще больше сократился. Розничный товарооборот в ценах 1940 года упал в 1942 году до 34% довоенного уровня. Даже в 1945 году он составлял лишь 47% товарооборота 1940 года.

Откомментируем эти слова. До войны (1939 г.) военные заказы текстильной промышленности СССР по видам тканей составляли от 3,9 до 8,3% всей продукции. В 1943 г. из

всех выпускаемых тканей уходило армии: 43,6% — хлопчатобумажной; 32,3% — льняной; 46,2% — суконной. Соответственно уходило армии: 91,3% всей швейной продукции (население шило себе само), 60,0% — трикотажной; 35,2% — обувной; 28,0 — меховой; 85,2% — кожгалантерейной. «Все для фронта, все для Победы» — это был не лозунг, а реальность.

Зверев: В то время, как товарные фонды для населения резко сократились, денежные доходы населения от социалистического хозяйства несколько снизились лишь в первые годы войны — в 1942 и 1943 годах, а затем вновь возрастают и в 1944 и 1945 годах намного превышают довоенный уровень.

С начала войны значительно увеличиваются расходы на денежное довольствие военнослужащих, на пенсии и пособия военнослужащим и их семьям. Фонд зарплаты вначале сокращается, в связи с уменьшением численности рабочих и служащих, но уже в 1943 году обнаруживает заметный рост, не только в связи с увеличением числа работающих, а главным образом в связи с проводимым повышением ставок заработной платы. Среднемесячная зарплата составила в 1940 году 339 руб., в 1942 году — 370 руб., а в 1944 году — уже 435 рублей.

О динамике фондов зарплаты, денежного довольствия военнослужащих и расходов на пенсии и пособия говорят следующие данные:

	(в млрд. руб.)				
	1940 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Фонд зарплаты	162,0	123,8	142,0	175,8	195,6
В том числе:					
Денежное довольствие военнослужащих	13,6	31,2	37,3	39,5	38,8
Пенсии и пособия	7,9	12,5	16,5	21,1	26,2
В том числе:					
Военнослужащих и их семей	0,1	8,0	11,1	14,7	17,3

До войны денежные доходы населения от зарплаты, пенсий и пособий были примерно равны объему государственного розничного товарооборота, что обуславливало возврат в кассы Государственного банка денег, выпускаемых для выплат населению.

Война нарушила это соответствие и тем самым создала угрозу для денежного обращения.

Поэтому потребовались серьезные мероприятия по увеличению доходов государства и устранению резкого несоответствия между денежными доходами и расходами населения. Эти мероприятия проводились в основном в двух направлениях: по линии увеличения платежей населения в финансовую систему и по линии увеличения цен на некоторые товары не первой необходимости — водку, табак, парфюмерию и др., а в дальнейшем за счет развертывания коммерческой торговли.

С начала войны вводится военная надбавка к подоходному налогу с рабочих и служащих и к сельхозналогу с колхозников и единоличников, а начиная с 1942 года — военный налог. На значительно более высоком уровне, чем до войны, проводится подписка среди населения на государственные займы. Крупные суммы давало размещение среди населения билетов денежно-вещевых лотерей. Был введен налог на холостяков и малосемейных. В связи с прекращением отпусков, компенсация рабочим и служащим за неиспользованные отпуска не выдавалась на руки, а перечислялась на именные вклады в сберегательные кассы.

Существенным источником привлечения денежных средств населения в финансовую систему явились также сборы в фонды Оборона и Красной Армии и привлечение денежных вкладов военнослужащих в полевые кассы Госбанка. В целом за годы войны за счет всех этих мероприятий было дополнительно привлечено от населения свыше 200 млрд. рублей.

О значении отдельных мероприятий говорят следующие данные:

	(в млрд. руб.)				
	1940 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Платежи и взносы населения, всего	20,9	44,5	62,2	79,2	72,0
Город	15,4	30,0	40,9	51,9	50,7
Село	5,5	14,5	21,3	27,3	21,3
Из них: налоги и сборы	10,9	23,2	31,1	41,3	44,3
Город	7,6	16,2	20,3	27,2	29,3
Село	3,3	7,0	10,8	14,1	15,0
Поступления по займам	9,0	11,1	16,5	24,5	22,1
Город	7,4	8,1	10,1	16,2	16,2
Село	1,6	3,0	6,4	8,3	5,9
Поступления по лотереям	—	2,8	3,4	5,0	0,4
Город	—	1,8	1,5	2,3	0,2
Село	—	1,0	1,9	2,7	0,2
Поступления в фонды Обороны и Красной Армии	—	5,3	4,7	3,2	0,1

Повышение цен на водку, табак, парфюмерию и некоторые другие товары, а также поступления от организованной с середины 1944 года коммерческой торговли дали дополнительно за годы войны 172 млрд. руб.

В связи с этим государственный розничный товарооборот в текущих ценах во время войны значительно увеличился, что видно из следующих данных:

	1940 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Товарооборот в ценах соответствующих лет в млрд. руб.	175,1	77,8	84,0	119,3	160,1
Товарооборот в ценах 1940 года в млрд. руб.	175,1	59,4	58,4	67,3	82,9
Индекс розничных цен государственно-кооперативной торговли	100	131,0	143,8	177,3	193,0

Таким образом, за счет повышения цен и развертывания коммерческой торговли товарооборот в ценностном выражении увеличился в 1942 году на 18,4 млрд. руб., в 1945 году на 77,2 млрд. руб.

На основные товары были сохранены довоенные цены. В условиях недостатка продуктов питания и промышленных товаров и роста рыночных цен обеспечение прожиточного минимума рабочих и служащих было достигнуто путем введения карточной системы распределения продуктов.

По цифрам, данным Зверевым, можно оценить динамику изменения числа работающих в СССР, включая бюджетников — врачей, учителей и т.д. В 1940 г. их было 36,5 млн. человек, а в 1942 г. всего 20,8 млн. Это не столько уменьшение из-за ушедших на фронт, сколько потери населения, оставшегося в оккупации. Можете оценить, какая нагрузка по содержанию и обеспечению армии пала на оставшихся. В этом числе нет колхозников, но потери их рабочих рук были пропорциональны, а может, и больше — ведь немцы захватили основные сельскохозяйственные районы СССР. В 1944 г. положение улучшилось, но не очень сильно: число получающих зарплату возросло всего до 26,1 млн. Как ни подходи к этому числу, а получается, что основное оружие для армии и содержание ее наши деды обеспечили чуть ли не половинным составом против довоенных лет.

Эта часть доклада Зверева характеризует, на мой взгляд, не столько денежное состояние страны, сколько высочайшее состояние морали и духа народа СССР.

Без ропота и возмущения были увеличены все личные налоги, введен налог на холостяков, который я считаю самым справедливым налогом и в мирное время: 2% от дохода платили неженатые лица старше 18 лет и бездетные супружеские пары.

Немного отвлекусь. По существующим обычаям на вопрос: «Как дела?» — американец должен широко улыбнуться и ответить: «О'кей!» А русский, скорее всего, на всякий

случай ответит: «Хреново». Я вспоминаю массу прочитанных рассказов о том, как во время войны проклятая советская власть обкладывала денежными поборами колхозников. Но вот гляжу в абсолютно точные цифры Зверева и не вижу этому подтверждения. Хотя в городах жила едва треть населения СССР, но платежи и взносы от горожан в сумме были вдвое выше, чем от крестьян, и по налогам, и по займам. В одном крестьяне опережали горожан — лотерейных билетов покупали больше. Ну да ладно, вернемся к теме.

За годы войны в бюджет поступило 76 млрд. рублей по подписке на государственные займы, что существенно больше не только всех американских поставок по ленд-лизу, но и больше, чем поступило по займам за все предшествовавшие годы советской власти (50 млрд.). Кроме этого, в фонд обороны поступило 17,8 млрд. рублей денежных пожертвований (не считая ценностей в валюте, драгоценностей, золотых и серебряных украшений, а также облигаций государственных займов). Вспомним, что царю не только не вносили столько денег на войну, но к 1916 г. крестьяне продовольствие и продавать отказывались.

Естественно, что с началом войны были введены карточки на продукты питания и на предметы первой необходимости (ткани, обувь, мыло и т.д.), но остаток этих товаров пускался в торговлю по коммерческим ценам. Этим достигалась справедливость: и те, кто жил на пенсии и пособия, не голодали, и те, кто много зарабатывал, имели возможность потратить деньги. Однако только этими мерами обойтись не удалось.

Зверев: Увеличение платежей населения, повышение цен на некоторые товары, а также мероприятия по привлечению в бюджет свободных резервов государственных предприятий и доходы от товаров, завозимых по ленд-лизу, дали примерно 90% тех дополнительных финансовых ресурсов, которые потребовались в связи с большими военными рас-

ходами и сокращением доходов государства. Все же частично рост военных расходов не мог быть покрыт за счет текущих поступлений.

Бюджетный дефицит первых лет войны и отставание поступления наличных денег в кассы Госбанка от его расходов обусловили необходимость эмиссии. Выпуск денег в обращение за годы войны составил 54,4 млрд. руб., в результате чего денежная масса, выпущенная в обращение, к 1 января 1946 года достигла 73,9 млрд. руб. и превысила довоенную денежную массу в 3,8 раза.

Динамика эмиссии за годы войны такова (в млрд. рублей):

1941 год, второе полугодие (с 22/VI-41 г.) — 15,3;

1942 год — 11,1;

1943 год — 11,5;

1944 год — 7,2;

1945 год — 9,4.

Из приведенных цифр видно, что наиболее значительная эмиссия имела место во втором полугодии 1941 года, когда потребовались крупные расходы для мобилизации армии, по эвакуации промышленности на восток.

Начиная с 1942 года размеры и темпы эмиссии значительно сокращаются, что является результатом укрепления доходной базы бюджета и существенным улучшением структуры кассовых оборотов Госбанка.

Изменения структуры доходов и расходов бюджета и роль в бюджете новых доходных источников видны из следующего:

	В млрд. руб.			В % к итогу		
	1940 г.	1943 г.	1945 г.	1940 г.	1943 г.	1945 г.
Доходы всего	180,2	204,4	302,0	100,0	100,0	100,0
Из них:						
налог с оборота	105,9	71,0	123,1	58,8	34,7	40,8

в том числе по довоенным ставкам	105,9	42,1	49,6	58,8	20,6	16,4
Поступления от населения	20,9	62,2	72,0	11,6	30,4	23,9
Поступления по ленд-лизу	—	18,2	31,0	—	8,9	10,3
Поступления от специальной валюты, репараций и особых доходов	—	—	20,0	—	—	6,6
Расходы всего	174,3	210,0	298,6	100,0	100,0	100,0
Из них:						
военные расходы	57,0	137,1	144,5	32,7	65,3	48,4
расходы на народное хозяйство	58,3	33,1	74,4	33,4	15,8	24,9
расходы на культуру	40,7	25,6	46,4	23,3	12,2	15,5

Для доходов бюджета в годы войны характерен рост удельного веса платежей населения. Удельный вес поступлений налога с оборота до 1944 г. снижается; в связи с развертыванием товарооборота, в 1945 г. он вновь возрастает.

Изменения структуры кассовых оборотов Госбанка за военные годы характеризует приводимая ниже таблица (в млрд. руб.):

	Поступления всего	В том числе		Выплаты всего	В том числе на зарплату
		Торговая выручка	Платежи населения		
1940 год	180,9	147,0	5,3	180,2	149,0
1941 год	160,4	128,6	5,2	173,0	144,0
в том числе II полугодие	62,8	48,6	3,0	77,1	66,4
1942 год	100,8	65,2	12,7	111,4	93,1
1943 год	119,9	70,3	20,6	131,6	108,5
1944 год	161,3	99,8	24,3	168,4	135,9
1945 год	194,5	134,0	21,4	203,9	156,7

В течение 1942—1943 гг. поступления в кассы Госбанка от торговой выручки покрывали только 60—65% его выплат

по заработной плате, пенсиям и пособиям, между тем как до войны эти выплаты почти полностью покрывались поступлениями от торговой выручки.

С ростом товарооборота удельный вес торговой выручки начинает возрастать, но и в 1945 году покрывает лишь 77% всех выдач Госбанка на зарплату, пенсии и пособия.

Удельный вес платежей населения в финансовую систему в общей сумме поступлений наличных денег в кассы Госбанка повысился с 3% в 1940 г. до 15% в 1944 г. Во II половине 1941 г. 18,5% кассовых расходов Госбанка было покрыто за счет эмиссии; в дальнейшем значение эмиссий снижается до 4,6% денежных выплат Госбанка в 1945 году.

Из сказанного выше видно, что во время войны были сохранены на довоенном уровне государственные цены на основные предметы потребления, обеспечен при помощи карточной системы необходимый прожиточный минимум рабочих и служащих и что благодаря принятым партией и правительством мерам по увеличению государственных доходов выпуск денег в обращение был относительно невелик.

Государственный бюджет СССР за 1944 год выполнен с превышением доходов над расходами на 4,8 млрд. руб. и за 1945 год — на 3,4 млрд. руб. В результате развертывания товарооборота и в частности коммерческой торговли были созданы предпосылки к прекращению эмиссии и изъятию денег из обращения в 1946 году.

Что касается сферы рыночного оборота, то отрицательное влияние войны на состояние денежного обращения проявилось здесь с большей силой. Однако преимущества советской экономики сказались в том, что эти явления не получили дальнейшего развития в ходе войны, а наоборот, в значительной мере были ослаблены.

Сокращение государственного снабжения населения продовольственными и промышленными товарами, снижение продовольственных избытков у сельского населения, вывозимых на рынок, наряду со значительным увеличением денег

у населения в результате эмиссии, привело к значительному росту рыночных цен. Максимального уровня цены колхозного рынка достигли в 1943 году. В мае 1943 года цены на городских колхозных рынках превысили довоенный уровень в 17 раз, после чего начинается их снижение. Динамика рыночных цен на сельскохозяйственные продукты за время войны представляет следующую картину (в % к 1940 году):

1940 г. — 100;

1941 г. — 110;

1942 г. — 560;

1943 г. — 1020;

1944 г. — 820;

1945 г. — 430.

Значительный рост рыночных цен на сельскохозяйственные продукты по сравнению с довоенными ценами обусловил резкое увеличение во время войны доходов сельского населения от рыночной торговли и приток большей части выпущенных денег на село.

Обороты колхозной торговли, составлявшие в 1940 году 28 млрд. руб., достигли в 1942 году 82,4 млрд. руб., в 1943 году — 178,9 млрд. руб., в 1944 году — 204,9 млрд. руб. В 1945 году, в связи со снижением цен, обороты колхозной торговли сократились и составили около 120,8 млрд. руб. Наряду с продажей сельским населением городскому сельскохозяйственных продуктов, во время войны получила большое развитие продажа горожанам промтоваров и вещей домашнего обихода сельскому населению.оборот этого рынка вещей и промтоваров в 1944 году составил примерно 130 млрд. рублей. Рынок вещей и промтоваров явился существенным источником, из которого городское население черпало средства для покупки сельскохозяйственных продуктов на рынке. Одновременно значительно развился внутригородской и внутридеревенский рыночный оборот. При этом разрыв между ценами государственной торговли и рыночными ценами,

а также большое различие в уровне рыночных цен в разных районах вели к широкому развитию спекуляции.

Рыночные доходы населения резко возросли, и их значение в общей сумме денежных доходов увеличилось. По примерным расчетам, в 1943 году рыночные доходы сельского населения превысили их поступления от государственных учреждений и предприятий, кооперации и колхозов не менее чем в 3 раза, в то время как до войны они были в два раза меньше этих поступлений. Значительный удельный вес поступления от продажи товаров и вещей имел в 1943 году и в доходах городского населения, тогда как до войны эти поступления были совершенно ничтожны.

Такой значительный рост рыночных доходов населения при наличии большого разрыва между ценами на пайковые товары, ценами в коммерческой торговле и рыночными ценами ослабил значение денежной зарплаты и денежных доходов колхозников по трудодням в повышении производительности труда.

Перелом в движении рыночных цен наступает в середине 1943 года. Снижение рыночных цен, достигнутое уже во время войны, было обусловлено рядом факторов. Значительно улучшилось снабжение населения продовольственными товарами по государственным ценам, в частности, в результате создания систем ОРСов¹ и подсобных хозяйств; наряду с этим большую роль сыграло развитие индивидуального и коллективного огородничества. Под влиянием проводимых на селе финансовых мероприятий (военный налог, сельхозналог в увеличенных размерах, проведение подписки на заем и денежно-вещевые лотереи, сбор средств в фонды Оборона и Красной Армии), а также некоторого увеличения объема сельскохозяйственного производства возростал привоз на рынки сельскохозяйственных продуктов. Для снижения рыночных цен создавались благоприятные условия и в резуль-

¹ Отдел рабочего снабжения — торгово-производственные предприятия при промышленных предприятиях.

тате того, что размеры эмиссии с 1943 года начинают сокращаться, а выпуск денег в обращение в значительной степени происходит на вновь освобожденной территории, куда, в свою очередь, отливает и часть денег, ранее выпущенных в обращение. Все это в обстановке крупных успехов Красной Армии на фронте содействовало укреплению покупательной силы рубля на колхозных рынках. Тем не менее, к концу войны уровень рыночных цен все еще в 4 раза превышал довоенный уровень и значительный разрыв между ценами на нормированные товары и рыночными ценами продолжал неблагоприятно влиять на хозяйство.

Рост рыночных цен и увеличение оборотов колхозного рынка, а также рынка промтоваров приводил к перераспределению эмитированных за время войны денег между городским и сельским населением. За время войны было выпущено в обращение 54,5 млрд. рублей. Часть денег (до 5 млрд. рублей) погибла в результате военных действий. Таким образом денежные средства, находящиеся у населения, возросли, примерно, на 50 млрд. рублей.

Распределение этих денежных сумм, по ориентировочным расчетам, представляется в следующем виде:

	(в млрд. руб.)	
	Город	Село
На 1 июля 1941 года	4,5	11,5
2-е полугодие 1941 года	+7,8	+7,2
1942 год	-2,2	+13,0
1943 год	+3,6	+7,8
1944 год	+3,7	+2,8
1945 год	+7,0	+3,9
На 1 января 1946 года	24,4	46,2
За вычетом пропавших денег	22,0	44,0

Денежная масса распределилась крайне неравномерно среди отдельных групп населения. В связи с увеличением уровня рыночных цен, значительно выросли остатки кассовой наличности у широких слоев населения. Вместе с тем, создались крупные денежные накопления у отдельных лиц в результате незаконных и спекулятивных доходов, полученных во время войны.

Ненадолго прерву Зверева, поскольку он не сообщает итоговой цифры: всего за войну в бюджет поступило 1117 млрд. рублей, из которых, как я уже написал, 582 млрд. ушло на военные нужды.

И еще обращу внимание, что хотя основная масса вновь отпечатанных денег ушла на село, но в довоенной пропорции, так что можно сказать, что денежные тяготы по ведению войны город и село несли одинаково.

Далее Зверев делает выводы.

Денежная система СССР выдержала испытания войны. Несмотря на серьезный ущерб, причиненный нашему хозяйству, эмиссия была относительно невелика. Денежная масса в обращении за 4 года войны увеличилась в 3,8 раза, тогда как за 3 года Первой мировой войны — с июля 1914 года по октябрь 1917 года — денежная масса увеличилась в 9,5 раза.

Следует отметить, что еще в ходе войны приостанавливается дальнейшее ухудшение состояния денежного обращения и на основе слаженной военной экономики денежная система СССР укрепляется.

Преимущества социалистической экономики, проявившиеся с особой силой в годы войны, сказались и в денежном обращении. Однако война породила в денежном обращении ряд отрицательных явлений, которые необходимо устранить.

Во-первых, образовалось несоответствие между количеством денег, находящихся в обращении, и реальными потребностями оборота;

Во-вторых, наличие тройякого рода цен — пайковых, коммерческих и рыночных — и все еще значительный объем рыночных доходов населения ослабляют значение денежной заработной платы и денежных доходов колхозников по трудням;

В-третьих, в результате войны крупные денежные суммы осели у отдельных лиц, причем разрыв цен сохраняет возможности получения в дальнейшем незаконных спекулятивных доходов.

Министра финансов СССР на момент написания этого доклада волновало будущее: волновало согласие правительства на ту реформу, которую Зверев предлагал. Поэтому он сузил доклад применительно к своей цели, кроме того, на момент подготовки доклада он еще многого просто не знал. К примеру, он пишет, что *«денежная система СССР выдержала испытания войны»*, но даже он еще не знал, насколько она выдержала. Вряд ли ему было уже известно, что объем денежных знаков в Италии за время войны увеличился в 10 раз, в Японии — в 11 раз. Мало того, что Германия свозила к себе товары со всей Европы, она вне своей территории использовала и специальные оккупационные марки, тем не менее, и у нее количество денег в обращении внутри Германии возросло с 11,7 млрд. марок до 67,5, т.е. в 6 раз. (Как тут не вспомнить наших славных перестройщиков в окружении толпы академиков и докторов экономических наук, которые безо всякой войны обесценили рубль более чем в 10 000 раз. Вот это специалисты, вот это профессионалы! Жаль только, что они у нас, а не у наших врагов.)

Сузив доклад, Зверев рассказал (да и то — вкратце), как и чем пополнялась доходная часть бюджета. Но ведь если бюджет разворовывается, как у Николая II, то тогда никаких доходов не хватит. Поэтому очень важно рассмотреть и то, как экономились средства на ведение войны — как делалось то, что при царе, да и в других капиталистических странах, не делалось никак.

Помимо того, что в дело уменьшения стоимости оружия и техники включились миллионы изобретателей и рационализаторов, со стороны финансовых органов СССР цены были взяты под жесткий контроль с требованием их неуклонного снижения.

В результате. Если бомбардировщик Пе-2 в 1941 г. стоил 420 тысяч рублей, то к 1945 г. он стоил уже 265 тысяч. Начатый производством в 1937 г. и, следовательно, хорошо отработанный бомбардировщик Ил-4 в 1941 г. стоил 800 тыс. рублей, а к 1945 г. — 380 тысяч. Танк Т-34 к 1941 г. стоил 269,5 тыс. рублей, а к 1945 г. гораздо более сложный и трудоемкий Т-34-85 стоил всего 142 тысячи. Гаубица М-30, принятая на вооружение в 1938 г., в 1941 г. стоила 94 тыс. рублей, а в 1945 г. — 35 тысяч. Пистолет-пулемет ППШ в 1941 г. стоил 500 рублей, а в 1944 г. уже 148 рублей. Даже отработанная донельзя винтовка Мосина, стоившая и в 1941 г. всего 163 рубля, к 1943 г. стала стоить 100 рублей.

Правда, сейчас стало модно говорить, что при Сталине, дескать, все были рабы, вот и работали бесплатно. Это совсем не так. Это в 90-х годах, когда либералы разворовывали страну с такой скоростью, что рабочие годами не получали зарплату, народ стал рабами. А Сталин силу денег знал, и суть их понимал прекрасно. На уже упомянутом мною пленуме в ноябре 1934 г. он говорил: *«Нам нужно развернуть всю товарооборот во всей хозяйственной деятельности, во всей своей сфере через денежное хозяйство. Товарооборот это не есть просто товарообмен. Нам нужно укрепить денежное хозяйство.»*

Денежное хозяйство — это один из тех немногих буржуазных аппаратов экономики, который мы, социалисты, должны использовать до дна. Он далеко еще не использован, этот аппарат. Он очень гибкий, он нам нужен, и мы его по своему повернем, чтобы он лил воду на нашу мельницу, а не на мельницу капитализма.»

При нем стахановцы, рационализаторы и передовики не просто прославлялись, они и зарабатывали больше министров. Да что промышленность, давайте возьмем армию.

Многие ли знают, что во время войны платились щедрые премии даже за сбор стреляных оружейных гильз и ящиков из-под снарядов? В 1943 г. было выплачено за сбор гильз 38 млн. рублей, а получено их на сумму 738 млн., что дало возможность сэкономить помимо работы по их изготовлению и 100 000 т латуни. Даже в 1945 г. гильз было собрано на 799 млн. рублей.

А многие ли знают, что за уничтоженный немецкий танк наводчик и командир орудия (танка) получали по 500 рублей, а остальные номера расчета (члены экипажа) — по 200? Наводчик противотанкового ружья за подбитый танк получал 500 рублей, номер — 250. За уничтожение танка индивидуальными средствами — 1000 рублей, если в его уничтожении участвовало несколько человек — 1500 руб. на всех поровну. Для справки: оклад командира полка был 1800 руб., командира дивизии — 2200 руб.

Летчик-истребитель за сбитый одномоторный самолет получал 1000 руб., за двухмоторный — 2000. За вылет на 5 штурмовок — 1500 руб., через 15 вылетов на штурмовку еще 2000 руб., через 25 еще 3000 руб., через 40 еще 5000 руб.

Каждому члену экипажа штурмовика или самолета ближнебомбардировочной авиации за 10 заданий днем или 5 ночью — 1000 руб., за 20(10) еще 2000 руб., за 30(20) — еще 3000 руб. За лично сбитые самолеты противника: за 1 — 1000, за 2-й еще 1500, за 5-й еще 2000, за 8-й еще 5000 руб.

За средний ремонт тяжелого танка рабочим платили 800, среднего — 500... оружия — 200... трактора — 300 руб. И т.д. и т.п. Сталин был хозяин (экономист) и деньги у него работали на полную мощность.

У хорошего хозяина ничего не пропадает принципиально. Захваченное и брошенное немецкое оружие собирали, и если его нельзя было использовать по назначению, то сда-

вали в металлолом. За войну трофейные команды собрали 24 615 немецких танков и самоходных артиллерийских установок, свыше 68 тысяч орудий и 30 тысяч минометов, более 114 миллионов снарядов, 16 миллионов мин, 257 тысяч пулеметов, 3 миллиона винтовок, около 2 миллиардов винтовочных патронов и 50 тысяч автомобилей. Общий вес трофейного металла, доставленного из прифронтовых районов для вторичного использования, составлял порядка 10 миллионов тонн.

Да что оружие, военную форму переделывали и перекрашивали. В 1943 г. использовали 125 тысяч трофейных шинелей, 154 тыс. френчей, 102 тысячи шаровар и 109 тысяч немецкой обуви.

Это сегодня нашим правителям для друга Гельмута или коллеги Шредера ничего из народного добра не жалко. А Сталину было жалко только советский народ, а остальных — постольку поскольку. Поэтому с территории Германии и ее союзников было вывезено: 21 834 вагона вещевого и обозно-хозяйственного имущества; 73 493 вагона строительных материалов и «квартирного имущества», в том числе: 60 149 роялей, пианино и фисгармоний, 458 612 радиоприемников, 188 071 ковер, 941 605 предметов мебели, 264 441 штука настенных и настольных часов; 6370 вагонов бумаги и 588 вагонов разной посуды, в основном фарфоровой; 3 338 348 пар различной гражданской обуви, 1 203 169 женских и мужских пальто, 2 546 919 платьев, 4 618 631 предмет белья, 1 052 503 головных убора; 154 вагона мехов, тканей и шерсти; 18 217 вагонов с сельскохозяйственным оборудованием в количестве 260 068 единиц; 24 вагона музейных ценностей; черные, цветные и прочие металлы в промышленном виде — 447 741 тонна на сумму 1 миллиард 38 миллионов рублей по государственным ценам; золота, серебра, платины — 174 151 килограмм; зернопродуктов — 2 259 000 тонн; мясопродуктов — 430 000 тонн; рыбопродуктов — 10 000 тонн; жиров — 30 000 тонн; маслосемян — 35

000 тонн; сахара — 390 000 тонн; табака — 16 000 тонн; картофеля и овощей — 988 000 тонн; 20 миллионов литров спирта; 186 вагонов вина и много-много другого (Кнышевский П. Добыча. М., «Соратник», 1994).

А чего на этих убийц, решивших нас сделать рабами, смотреть как на чудо морское? Они со своим любимым фюре-ром убили у нас свыше 20 млн. человек, разрушили сотни городов, 70 тысяч сел, 32 тысячи промышленных предприятий, нанесли только материальных убытков на 2600 млрд. рублей. Надо было им предметно показать, что значит русская поговорка: «Поехал по шерсть, а вернулся стриженным».

Но вернемся к докладу А.Г. Зверева.

Глава 6

ТВЕРДЫЙ РУБЛЬ

Денежное обращение в первом послевоенном году

Зверев: Окончание войны не сказалось сразу на состоянии денежного обращения. Существенные улучшения происходят лишь в 1946 году.

Хотя расходы на содержание армии во втором полугодии 1945 года несколько сократились, однако возникли большие расходы, связанные с демобилизацией (выплата единовременного вознаграждения демобилизуемым, обмен на советскую валюту иностранной валюты, полученной демобилизованными). Одновременно увеличились расходы на финансирование народного хозяйства, связанные с послевоенной его перестройкой и развертыванием восстановительных работ.

Об этом говорят следующие данные государственного бюджета СССР:

	(в млрд. руб.)		
	I полугодие 1945 г.	II полугодие 1945 г.	I полугодие 1946 г.
Финансирование Министерства вооруженных сил	68,4	59,8	38,8
В том числе выплата вознаграждения демобилизованным	—	6,7	3,7
Финансирование народного хозяйства	27,9	46,5	40,6

Послевоенная перестройка промышленности не привела сразу к значительному увеличению выпуска предметов потребления: объем производства основных товаров легкой и пищевой промышленности остался в 1945 году на уровне, близком к 1944 году. Так, выпуск хлопчатобумажных тканей составил в 1945 году 1615 млн. метров, а в 1944 году — 1777 млн. метров, кожаной обуви соответственно — 63,1 млн. пар и 67,4 млн. пар.

Несколько увеличились рыночные фонды, в связи с развертыванием производства товаров широкого потребления на предприятиях военного и гражданского машиностроения. Однако выпуск этой продукции был еще незначителен. Рост товарных фондов для удовлетворения нужд населения происходил в основном за счет сокращения фондов, выделяемых для армии, и реализации трофейного имущества.

На росте товарооборота в большей степени сказалось усиленное развертывание коммерческой торговли и увеличение выпуска водки и водочных изделий, что видно из следующих данных:

	* (в млрд. руб.)		
	I полугодие 1945 г.	II полугодие 1945 г.	I полугодие 1946 г.
Весь товарооборот	69,6	90,5	109,8
В том числе оборот коммерческой торговли	6,5	9,7	28,7
Реализация водки	18,2	26,0	28,0
Остальной товарооборот	44,9	54,8	53,1

Приведенные данные показывают значительное возрастание объема товарооборота в действующих ценах.

В то же время после окончания войны происходит большое увеличение фондов заработной платы, в связи с возрастанием численности рабочих и служащих и дальнейшим повышением средней заработной платы. Покупательский спрос населения увеличивается и в связи со снижением платежей

населения в финансовую систему. С августа 1945 года начинается постепенно отмена военного налога с рабочих и служащих. С начала 1946 года военный налог полностью отменяется. Не проводятся больше денежно-вещевые лотереи и снижается размер подписки на новый государственный заем. С апреля 1946 года сберегательные кассы начинают выплачивать рабочим и служащим компенсацию за неиспользованные во время войны отпуска.

В результате больших демобилизационных расходов, увеличения фондов заработной платы и уменьшения платежей населения в бюджет во втором полугодии 1945 года эмиссия не могла быть прекращена и составила 6,1 млрд. рублей.

Резкое возрастание товарооборота в 1946 году позволило перейти, начиная со второго квартала 1946 года, к изъятию денег из обращения, несмотря на значительное сокращение платежей населения. За девять месяцев 1946 года изъято из обращения 8 млрд. рублей.

Весьма значительную роль в изъятии денег из обращения сыграло широкое разветвление коммерческой торговли. В 1946 году коммерческая торговля приобретает большие масштабы: создается разветвленная сеть магазинов и ресторанов, расширяется ассортимент товаров. В связи с постепенным снижением коммерческих цен, значительно расширяется круг покупателей товаров в коммерческой торговле. Такое развитие коммерческой торговли способствует повышению значения рубля и денежной заработной платы.

Процессы, наблюдавшиеся в конце войны на рынке, продолжали развиваться в 1945 и 1946 гг. За первый послевоенный год цены на колхозных рынках в среднем снизились на 35%.

Тем не менее к концу первого послевоенного года отрицательные последствия войны для денежного обращения не были устранены. В обращении имеется излишек денег; сохраняется значительный разрыв цен и действуют тройные цены; в бюджетах сельского населения и отдельных групп рабочих и служащих рыночные доходы играют еще большую роль.

Мероприятия по укреплению денежного обращения

Денежная реформа 1922—1924 гг. преследовала задачу стабилизации рубля, т.е. прекращение обесценения денег посредством ряда экономических и финансовых мероприятий. Результатом реформы была замена быстро обесценивавшихся денежных знаков (совзнаков) твердой советской валютой. Задача решалась в условиях многоукладной экономики, причем в сельском хозяйстве преобладал мелкотоварный уклад, а частнокапиталистический уклад играл крупную роль в товарообороте. Сопротивление капиталистических элементов города и деревни, стихия мелкотоварного уклада обуславливали большие трудности при проведении реформы.

Нынешние условия денежного обращения коренным образом отличаются от условий 1922—1924 годов.

В итоге осуществления плана социалистической индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства неизмеримо возросли производительные силы страны, увеличились ресурсы, находящиеся в распоряжении государства, укрепилось и расширилось плановое руководство, повысилась социалистическая организованность всего народного хозяйства. С коллективизацией сельского хозяйства и ликвидацией капиталистических элементов в городе и деревне уничтожена главная основа рыночной стихии. Создан и проверен на практике налаженный хозяйственный, торговый, финансовый аппарат, накоплен большой опыт финансово-экономической работы в условиях социалистической системы хозяйства.

Несмотря на огромные масштабы минувшей войны, потребовавшей во много раз больших затрат, чем Первая мировая война, и нанесших нашей стране во много раз больший материальный ущерб, советская денежная система начала укрепляться уже в ходе войны. Об этом свидетельствует резкое замедление темпов эмиссии и снижение рыночных цен в 1944—1945 гг. по сравнению с 1941—1942 гг. В первом

квартале 1946 г. эмиссия была уже полностью прекращена, а за последующие два квартала 1946 г. из обращения изъято свыше 8 млрд. рублей.

Таким образом, в настоящее время не стоит проблема стабилизации рубля, как это было в первый период нэпа: нынешнее состояние денежного обращения характеризуется начавшимся еще в 1944 году и ускорившимся после окончания войны процессом укрепления рубля. Основная задача заключается ныне в том, чтобы ускорить этот процесс и тем самым поднять роль и значение денег как одного из важнейших рычагов экономического регулирования.

Установление в сентябре 1946 г. новых, повышенных пайковых цен с одновременным значительным снижением коммерческих цен вносит серьезные изменения в состояние денежного обращения. Этим мероприятием установлен новый повышенный уровень розничных цен и заработной платы, что означает снижение покупательной силы рубля. Таким образом проведена своеобразная девальвация рубля. Вместе с тем в результате проведения этого мероприятия значительно сближены пайковые цены с ценами коммерческой торговли и рыночными ценами, что подготавливает усилия для отмены карточной системы; в связи с ростом объема товарооборота увеличивается потребность обращения в деньгах и тем самым сокращается излишек денег в обращении.

По примерным расчетам, государственный розничный товароборот достигнет в ближайшее время при новом уровне цен 300—320 миллиардов рублей в год. При таком объеме товарооборота потребность обращения в деньгах определяется суммой порядка 35—40 млрд. рублей. Таким образом, избыток выпущенных в обращение денег составит к началу 1947 года около 25 млрд. рублей.

При дальнейшем снижении коммерческих и рыночных цен будет устранено одно из крупных отрицательных последствий войны в области денежного обращения — резкий разрыв государственных и рыночных цен с вытекающим отсюда раздуванием рыночного оборота, рыночных доходов насе-

ления и ослаблением значения денежной заработной платы. Однако сохраняется другое отрицательное последствие войны в области денежного обращения — наличие излишка денег и крупные накопления у отдельных лиц и групп населения. Следует иметь в виду, что на увеличение покупательского спроса могут сказаться и те деньги, которые в период войны сконцентрировались в сберегательных кассах. На 1 сентября 1946 года остаток вкладов в сберегательных кассах и Госбанке составляет около 15 млрд. рублей против 6,8 млрд. рублей в начале войны.

Развертывание товарооборота позволило несколько сократить избыток денег в обращении. Все же упорядочение денежного обращения только этими методами не представляется возможным, так как крупные денежные накопления не могут быть израсходованы в короткое время на потребительские нужды. Кроме того, такое изъятие потребовало бы значительных товарных фондов, которые попали бы в руки лиц, обогатившихся во время войны.

Для того, чтобы к моменту отмены карточной системы и установлению единых цен обеспечить полную ликвидацию избытка выпущенных в обращение денег, а также изъятие денег у лиц, нажившихся на использовании военной конъюнктуры, представляется необходимым провести денежную реформу путем выпуска новых денег в обращение и обмена старых денег на новые при известных ограничениях. Выпуск новых денег и обмен старых денег на новые необходим и для того, чтобы аннулировать деньги, незаконно попавшие за границу, установить территориальное распределение денежной массы и улучшить качество денежных знаков.

Замена ныне обращающихся денег новыми с ограничением обмена даст возможность сократить денежную массу в обращении и урезать накопления у лиц, нажившихся на конъюнктурных доходах военного времени. При этом, однако, останутся без изменения ныне сложившиеся высокий масштаб цен и низкая покупательная сила рубля, даже по сравнению с 1940 годом.

В целях усиления экономического значения рубля целесообразно рассмотреть вопрос о проведении денежной реформы с таким расчетом, чтобы повысить покупательную силу рубля, снизив общий уровень цен и пересмотрев, соответственно, уровень заработной платы.

Это мероприятие необходимо сочетать с упорядочением действующей системы цен, устранением несоответствия отпускных и розничных цен на различные товары, тарифов, а также ставок заработной платы.

Действующая система цен сложилась в результате многообразных изменений, происшедших в экономике нашей страны за последние 15—20 лет. Она образовалась в итоге многократных изменений цен по отдельным группам товаров и отраслям производства и имеет много недостатков.

Основным недостатком сложившейся системы цен является то, что цены на средства производства по сравнению с ценами на товары широкого потребления чрезмерно занижены, а во многих случаях убыточны.

Убыточные цены подрывают хозяйственный расчет и чрезмерно усложняют расчетные отношения в хозяйстве.

Разрыв между уровнем себестоимости и отпускными ценами на важнейшие виды продукции тяжелой промышленности в 1946 году виден из следующей таблицы:

	(в руб. и коп.)	
	Плановая себестоимость	Отпускная цена
Каменный уголь по Западу (тонна)	81-05	30-40
По Востоку «	49-25	24-26
Нефть в районах Юга и Запада «	49-10	45-00
Чугун переделный на Юге «	223-00	157-00
Чугун переделный на Востоке «	197-00	145-00
Алюминий «	5700-00	4620-00
Цемент «	110-00	76-63
Сода кальцинированная «	300-00	240-00
Обезличенная древесина (кубометр)	35-00	22-47

Следует учесть, что увеличение заработной платы, произведенное в связи с повышением пайковых цен, приведет к тому, что почти вся добывающая, обрабатывающая и машиностроительная промышленность окажутся убыточными, если не будет произведен пересмотр цен. Очевидно, что такое положение находится в прямом противоречии с указанной в законе о пятилетнем плане задачей повышения роли прибыли и хозяйственного расчета в народном хозяйстве.

Проведение денежной реформы, связанной с предлагаемым пересмотром цен, заработной платы и норм рентабельности, потребует большой подготовительной работы, которая должна быть начата возможно скорее.

Развертывание и укрепление экономических связей с зарубежными странами повышает значение курса рубля для пересчета на иностранную валюту. Поэтому необходимо одновременно пересмотреть курс рубля для пересчета на иностранную валюту и установить его на уровне, соответствующем новой покупательной силе рубля.

Денежная реформа, устраняющая излишки денег в обращении и повышающая экономическое значение рубля в сочетании с мероприятиями по упорядочению системы цен и заработной платы, будет способствовать решению задач, поставленных перед страной пятилетним планом восстановления и развития народного хозяйства.

Реформа может иметь существенное значение для дальнейшего снижения рыночных цен, она усилит роль денежной заработной платы (и в частности премий) и денежных доходов колхозников по трудодням, как факторов увеличения производительности труда. С укреплением рубля повысится значение прибыли в хозяйстве и укрепится хозяйственный расчет. Все это приведет к серьезному улучшению денежного обращения и усилению роли рубля в народном хозяйстве.

После этих строк А.Г. Зверев поставил точку и дату
«08.10.1946 г.»

В конце доклада Зверев несколько раз упоминает о пересмотре зарплат и цен, не объясняя, что он этим пересмотром хочет получить. Сталин во всех этих случаях поставил в тексте доклада пометки: «Что это? Это что? Пересмотр? Это что?» — и, видимо, впоследствии Зверев ему уже устно докладывал (или оправдывался).

Что следует из этого текста. Во-первых, денежное состояние страны для послевоенного периода было более чем нормальным. Да, произошла девальвация рубля, но что же можно было еще ожидать после войны? Зато с увеличением роста производства товаров народного потребления ситуация на глазах улучшалась: цены падали, курс рубля повышался и уже приходилось изымать деньги из обращения.

Но в те годы народ был особый. Он мог простить и прощал своей власти личные тяготы и невзгоды, тяжелые потери и лишения, но не прощал безразличие власти к несправедливости. А здесь возвращаются с фронта фронтовики в свои разоренные дома, к зачастую полуголодным и полураздетым семьям и видят, что различная тварь, окопавшаяся в тылу, за годы войны разжирела на спекуляциях, т.е. на обворовывании их же семей. И возмущение фронтовики направляли не только на спекулянтов, но и на власть — куда она смотрит? Но поди поймай спекулянта, если госторговля из-за войны мало что продавала, а весь товарообмен шел на рынке безо всякого учета и документов.

Вот, к примеру, крупный партийный работник Д.Т. Шепилов вспоминает о своих коллегах — работниках идеологического отдела ЦК ВКП(б): *«За время войны и после ее окончания Сатюков, Кружков, Ильичев занимались скупкой картин и других ценностей. Они и им подобные превратили свои квартиры в маленькие Лувры и сделали миллионерами. Однажды академик П.Ф. Юдин, бывший некогда послом в Китае, рассказывал мне, как Ильичев, показывая ему свои картины и другие сокровища, говорил: «Имей в виду, Павел Федорович, что картины — это при любых услови-*

ях капитал. Деньги могут обесцениться. И вообще мало ли что может случиться. А картины не обесценятся...» Именно поэтому, а не из любви к живописи, в которой ничего не смыслили, все они занялись коллекционированием картин и других ценностей» (Шепилов Д.Т. Воспоминания // «Вопросы истории», № 3—7, 1998).

Не отставали от «выдающихся партийных деятелей» и столь же «выдающиеся» советские ученые. Вот наивно вспоминает жена «великого» физика Ландау (жена его называет Дау) о другом «великом» физике В. Лившице (Женьке).

«Осенью 1942 г. в Казань из Харькова приехал Илья Лившиц, хотя их институт был эвакуирован в Алма-Ату. Вечером от Женьки Дау вернулся очень возбужденным:

— Коруша, какую массу золота я видел у Женьки! Первый раз видел золото царской чеканки. Продемонстрировав мне свое золото, Женьки и Илья стали меня уговаривать сейчас под шумок пробираться к персидской границе, а когда немцы возьмут Волгу, перейти границу и пробираться в Америку. Золото-то поможет до Америки добраться.

— Дау, а ты не посоветовал Женьке сдать свое золото в фонд победы?

— Коруша, мы победим без Женькиного золота, но про золото ты знать не должна. Я дал слово о золоте тебе не говорить. А главнейшее — я сейчас нужен стране, я ведь тоже работаю на Красную Армию» (Ландау-Дробанцева К. Академик Ландау. М., Захаров, 2000).

Что дал Ландау Красной Армии, утаив от нее золото Лившица, из воспоминаний да и из биографии Ландау понять невозможно. Но «устроились» они в тылу неплохо: «Пайки по карточкам у нас были более чем приличные. Женьку поразила разница твердых цен по карточкам и цен на черном рынке. Он решил обогатиться. Продавал все, даже мыло».

От физиков не отставали и медики с их дефицитными лекарствами. Вот, к примеру, быт главного управления Санитарно-лечебного управления Кремля академика Виногра-

дова: «Стены жилища лейб-медика украшали картины И.Е. Репина, И.И. Шишкина, К.П. Брюллова и других первоклассных русских мастеров. При обыске были обнаружены, кроме того, золотые монеты, бриллианты, другие драгоценности, даже солидная сумма в американской валюте» (Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. М., «Международные отношения», 2001, с. 645).

Конечно, таких ушлых спекулянтов, застраховавшихся вложением денег в картины, золото и валюту, достать без милиции было трудно, но ведь были и сотни тысяч тех спекулянтов, у кого деньги были предназначены для оборота и находились на руках.

Кроме этого, 5 млрд. рублей находились в качестве трофея у солдат бывшего противника. Если оставить сами денежные знаки без изменения, то эти солдаты со временем с помощью этих украденных у СССР денег все же нас ограбят. Так что и с этой точки зрения деньги требовалось изменить.

Работа главы правительства СССР с министром финансов закончилась 15 декабря 1947 г. вот таким постановлением (даю только суть):

«1. Выпустить в обращение с 16 декабря 1947 года новые деньги в рублях образца 1947 г.

2. Вся денежная наличность, находящаяся у населения, государственных, кооперативных и общественных предприятий, организаций и учреждений, а также колхозов, подлежит обмену, за исключением разменной монеты.

Разменная монета обмену не подлежит и остается в обращении по номиналу.

3. Проведение обмена старых денег на деньги образца 1947 года возложить на Государственный банк СССР.

Обмен денег на всей территории СССР произвести в течение недели, то есть начиная с 16 декабря до 22 декабря включительно, а в отдаленных районах — в течение двух не-

дель, то есть с 16 декабря до 29 декабря включительно по списку, утвержденному Советом Министров СССР.

4. Произвести обмен имеющихся ныне в обращении наличных денег на новые деньги по соотношению десять рублей в деньгах старого образца на один рубль в деньгах образца 1947 года.

5. Со дня выпуска денег образца 1947 года и до окончания срока обмена деньги старого образца принимаются во все платежи из расчета одной десятой их нарицательной стоимости.

Деньги старого образца, не предъявленные к обмену в установленный срок, аннулируются и теряют свою платежную силу.

6. Выплата отдельным гражданам денежных сумм по внутренним переводам, аккредитивам и депонентским счетам, по которым денежные средства поступили в государственные учреждения до выпуска денег образца 1947 года, производится по соотношению десять рублей деньгами старого образца на один рубль деньгами образца 1947 года.

7. Заработную плату рабочим и служащим за первую половину декабря 1947 года, денежное довольствие военнослужащим, стипендии, пенсии и пособия за декабрь 1947 года выплатить деньгами образца 1947 года в течение 16, 17, 18, 19 и 20 декабря 1947 года повсеместно на территории СССР, независимо от установленных сроков выплаты зарплаты.

8. Одновременно с выпуском денег образца 1947 года произвести в сберегательных кассах и Государственном банке СССР переоценку вкладов и текущих счетов населения по состоянию на день выпуска денег образца 1947 года на следующих основаниях:

а) вклады размером до 3000 рублей включительно остаются без изменения в номинальной сумме, т.е. переоцениваются рубль на рубль;

б) по вкладам размером до 10 000 рублей включительно во вклад зачисляются: первые 3000 — без изменения номи-

нальной суммы, а остальная часть вклада переоценивается: за три рубля старых денег — два рубля новых денег;

в) по вкладам размером свыше 10 000 рублей во вклад зачисляются: первые 10 000 рублей в размерах, предусмотренных выше, в пункте «б», а остальная часть вклада переоценивается: за два рубля старых денег — один рубль новых денег.

Операции по приему и выдаче вкладов в сберегательных кассах и кассах Госбанка в течение 15, 16 и 17 декабря производиться не будут, а начиная с 18 декабря будут производиться в обычном порядке.

9. Денежные средства, находящиеся на расчетных и текущих счетах кооперативных предприятий и организаций, а также колхозов, переоцениваются из расчета: за пять рублей старых денег — четыре рубля новых денег...»

На первый взгляд кажется, что пострадали абсолютно все, ведь у каждого были на 15 декабря какие-то деньги в карманах, и они в одночасье стали в 10 раз дешевле. Но обычный работник, живущий на зарплату, и у которого к середине месяца от нее осталось уже не много, пострадал только номинально. Он даже без денег не остался, поскольку уже с 16-го числа начали выдавать зарплату новыми деньгами за первую половину месяца, чего обычно не делают: в СССР зарплату выдавали помесячно после окончания месяца.

В расчете на все взрослое население средний вклад на сберкнижках не мог быть более 200 рублей. Поэтому обмен 3000 рублей вклада 1:1 удовлетворял, надо думать, 95% населения, поскольку с учетом снизившихся цен (о чем ниже) был очень выгоден. Конечно, вместе со спекулянтами как-то пострадали и те, кто свои деньги заработал честно и держал их в сберкассе: стахановцы, изобретатели, лауреаты Сталинских премий и т.д. Но с учетом снижения цен они, возможно, не сильно выиграв, все же реально и не пострадали.

Конечно, очень недовольны были те, кто хранил большие деньги не в сберкассе, а в чулках, особенно не знавшие войны крестьяне Средней Азии и Кавказа, которые по этой причине имели чем торговать во время войны.

3 января 1948 г., через две недели, А.Г. Зверев уже отчитывался перед Сталиным о результатах. Даю его отчет с сокращением уже известного по докладу.

«...К 1 января 1946 года в обращение было выпущено 73,9 млрд. рублей, против 18,4 млрд. рублей на 1 июня 1941 года; денежная масса увеличилась в 4 раза.

Сокращение государственной и кооперативной торговли при увеличении денежных доходов населения вызвало резкий рост цен на колхозном рынке; индекс цен составил в 1943 году — 1015, в 1944 году — 823 и в 1945 году — 466 (1940 год = 100).

Карточная система снабжения населения, множественность цен и рост цен на колхозном рынке ослабили значение денежной заработной платы и денежных доходов колхозников по трудодням.

Происходило перераспределение части денежных доходов между городом и деревней и между отдельными группами городского и сельского населения. По расчетам баланса денежных доходов и расходов населения более половины всей денежной массы сосредоточилось на селе.

...За годы войны и в первые послевоенные годы значительно возросли также денежные накопления населения в форме вкладов. На 1 января 1941 года во вкладах находилось 7,3 млрд. рублей и на 1 декабря 1947 года — 16,5 млрд. рублей. Как и наличные денежные накопления, вклады населения в значительной части выражали потенциальный спрос населения на товары.

...Проведена переоценка денежных средств колхозов и кооперативных организаций на счетах в банках.

Для уменьшения потерь рабочих и служащих, связанных с обменом денег, заработная плата за вторую половину но-

ября была выдана до 5 декабря 1947 года, денежное довольствие, пенсии и пособия за декабрь выплачивались с 16 декабря, была приостановлена выдача ссуд населению в течение первой половины декабря.

Заработная плата за первую половину декабря выдавалась в сжатые сроки 16—20 декабря, благодаря чему рабочие и служащие с начала реформы были обеспечены новыми деньгами.

...На 1 декабря 1947 года, по данным Госбанка, в обращение было выпущено старых денег на сумму 63,4 млрд. рублей, в том числе банковых и казначейских билетов на 62,6 млрд. рублей и разменной монеты, которая не подлежала обмену, на 0,8 млрд. рублей.

Накануне реформы в период с 1 по 15 декабря происходило изъятие денег из обращения.

В Госбанк поступили кассовые остатки государственных предприятий, учреждений и организаций, а также кооперативных предприятий и колхозов на сумму до 3,5 млрд. рублей.

Торговая выручка была почти на 6 млрд. рублей выше обычного уровня, главным образом за счет предприятий общественного питания, торговли Центросоюза и местных торгов; в этот период были проданы на значительные суммы товары, спрос на которые до декабря 1947 года был весьма ограничен.

Выдачи Госбанка на заработную плату, пенсии и пособия сократились на 2,3 млрд. рублей, в связи с досрочной выплатой части заработной платы в конце ноября, а также перенесением сроков выплат военнослужащим и пенсий за декабрь на вторую половину декабря.

В первой половине декабря население внесло в сберегательные кассы 2,9 млрд. рублей и приобрело на 0,2 млрд. рублей облигаций свободно обращавшегося займа 1938 года.

В погашение недоимок и задолженности по налогам и сборам, квартирной плате и ссудам поступило свыше 1 млрд. рублей.

В предприятия связи по почтовым переводам, по аккредитивам, а также на счета отдельных лиц в государственных учреждениях и предприятиях поступило около 1 млрд. рублей. В соответствии с инструкцией Министерства финансов СССР о порядке проведения денежной реформы, эти суммы, внесенные до 16 декабря, переоцениваются по тому же соотношению, как и наличные деньги.

По указанным причинам за первую половину декабря 1947 года было изъято 19 млрд. рублей, в результате чего количество банковских и казначейских билетов в обращении сократилось до 43,6 млрд. рублей».

Заметьте, что для того, чтобы трудящиеся пострадали как можно меньше, само государство постаралось, чтобы у них старых денег на руках было на 19 млрд. меньше.

«...Обмен денег проводился на всей территории СССР с 16 по 22 декабря 1947 года, а в 205 отдаленных районах обмен закончен 29 декабря.

По отчету Госбанка обменено старых денег 37,2 млрд. рублей, в том числе 28,2 млрд. рублей через выплатные пункты и 9 млрд. рублей через выручку торговых и других организаций.

...Из общей суммы старых денег, находившихся в обращении к началу реформы, погибло в годы войны и не предъявлено к обмену около 6 млрд. рублей.

...Значительные денежные суммы перед реформой осели у населения в Узбекской и Грузинской ССР.

В результате обмена количество денег, находящихся у населения, резко уменьшилось. На 1 июня 1941 года у населения находилось около 16 млрд. рублей, на 1 января 1946 года — до 70 млрд. рублей и на 1 декабря 1947 года — до 59 млрд. рублей. После изъятия значительных сумм старых денег в первой половине декабря и обмена денег по установ-

ленному курсу, на руках у населения осталось около 4 млрд. рублей, включая разменную монету.

...Общий остаток вкладов после реформы уменьшился на 3,6 млрд. рублей, в том числе за счет вкладов от 3.000 до 10.000 рублей — на 1,4 млрд. рублей и за счет вкладов свыше 10.000 рублей — 2,2 млрд. рублей.

В результате переоценки вкладов уменьшились крупные денежные накопления населения в сберегательных кассах и Госбанке; увеличился удельный вес небольших вкладов и соответственно понизился вес крупных вкладов.

Общая сумма средств во вкладах после реформы в два раза превышает остаток вкладов к началу войны.

...После переоценки счетов кооперативных организаций и колхозов в банках остатки на счетах кооперативных организаций уменьшаются с 7,8 млрд. рублей до 6,2 млрд. рублей и на счетах колхозов с 5,9 млрд. рублей до 4,7 млрд. рублей.

В результате обмена денег через выплатные пункты было выдано населению 2,8 млрд. рублей новыми деньгами. Кроме того, с 16 по 25 декабря, т. е. за 10 дней, учреждения Государственного банка выдали новыми деньгами заработную плату, пенсии, пособия, а также на заготовки и хозяйственно-операционные расходы предприятий и организаций — 14,6 млрд. рублей. В то же время за счет торговой выручки и других поступлений в кассы Госбанка поступило новых денег на 4,9 млрд. рублей.

Население производит свои расходы за счет заработной платы и других доходов постепенно, в связи с чем происходит оседание необходимой для текущих платежей денежной наличности в новых деньгах в городе и на селе.

Образование переходящих кассовых остатков у населения обуславливает в первый период после проведения денежной реформы пониженный уровень товарооборота. Торговая выручка, поступившая в кассы Госбанка после денежной реформы в течение 16—25 декабря, составила 0,6 млрд.

рублей в день вместо 0,8 млрд. рублей в среднем за октябрь и ноябрь 1947 года.

Общий объем денежной массы в обращении, включая разменную монету, к концу года составляет 14 млрд. рублей против 18,4 млрд. рублей к началу войны, когда объем товарооборота в текущих ценах, а также фонды заработной платы, денежного довольствия и пенсий были почти наполовину меньше, чем в настоящее время.

...Денежное обращение не достигло еще размеров, соответствующих объему товарооборота и денежным доходам населения, причем образование необходимой для нормального обращения денежной наличности у населения и у хозяйственных организаций происходит быстрее в городе и медленнее в деревне. Учитывая происшедшее понижение цен на колхозных рынках и замедленное образование остатков наличных денег у сельского населения, нужно считать, что заполнение каналов денежного обращения до необходимого уровня будет, по-видимому, продолжаться на протяжении всего 1948 года.

Изложенное показывает, что задачи, поставленные при проведении денежной реформы, разрешены».

Прежде всего замечу, что вкладчики сберкасс, имевшие на счетах от 3000 до 10 000 рублей, потеряли в среднем 19% вклада, имевшие свыше 10 000 рублей, потеряли в среднем 35% вклада, но зато каждый рубль стал существенно дороже. Даже у них эта насильственная экспроприация не вызвала той «радости», которая наступила для вкладчиков банков России в августе 1998 г.

Заметьте, обесценивание вкладов при Гайдаре будут помнить все до смерти, точно так же будут помнить и об августе 1998 г., но о денежной реформе Сталина, когда у населения в течение нескольких дней из 57,4 млрд. рублей (6 млрд. денег погибло или находилось на руках у бывшего противника) было изъято 43,4 млрд. (76%!), никто из стариков не вспоминает со злобой. Это ведь финансовый подвиг!

Не проводя деноминации рубля, т.е. не повышая его стоимости официально, убрать из обращения 76% денежной массы — это надо уметь даже задумать такое!

Но надо понимать, почему это удалось. Дело в том, что денежная реформа обеспечивала другую реформу — отмену карточной системы и снижение цен.

В том же постановлении правительства граждане СССР прочли:

«1. Одновременно с проведением денежной реформы, то есть с 16 декабря 1947 г. отменить карточную систему снабжения продовольственными и промышленными товарами, отменить высокие цены по коммерческой торговле и ввести единые сниженные государственные розничные цены на продовольствие и промтовары.

2. При установлении единых розничных государственных цен на продовольствие и промышленные товары исходить из следующего:

а) на хлеб и муку снизить цены в среднем на 12% против ныне действующих пайковых цен;

б) на крупу и макаронны снизить цены в среднем на 10% против ныне действующих пайковых цен;

в) на мясо, рыбу, жиры, сахар, кондитерские изделия, соль, картофель и овощи сохранить цены на уровне действующих пайковых цен;

г) на молоко, яйца, чай, фрукты в отмену ныне действующих высоких коммерческих цен и слишком низких пайковых цен установить новые цены применительно к уровню действующих пайковых цен на основные продовольственные товары;

д) на ткани, обувь, одежду, трикотажные изделия в отмену ныне действующих высоких коммерческих цен и слишком низких цен нормированного снабжения, установленного в городах и рабочих поселках, установить новые цены на уровне в 3,2 раза ниже коммерческих цен;

е) на табачные изделия и спички сохранить цены на уровне действующих пайковых цен;

ж) на пиво снизить цены в среднем на 10% против ныне действующих цен;

з) на водку и вино сохранить ныне действующие цены.

3. Поручить Министерству торговли СССР установить, в соответствии с настоящим постановлением, новые сниженные государственные розничные цены на продовольственные товары по поясам, а также новые государственные розничные цены на промышленные товары для города и деревни.

4. Цены, установленные настоящим постановлением, не распространяются на колхозный рынок и на кооперативную торговлю товарами собственных закупок».

Хочу обратить внимание, что при отмене карточек цены устанавливаются или они устанавливаются сами на уровне среднем между пайковыми и коммерческими. В данном случае экономистов мира поразило то, что спустя всего два года после войны и после неурожая 1946 г. основные цены на продовольствие были удержаны на уровне пайковых и даже снижены, т.е. практически абсолютно все продовольствие было доступно каждому!

Такое положение для Запада было и неожиданным, и обидным, напомню, что Англия, разрушенная и пострадавшая в войне неизмеримо меньше, чем СССР, получающая помощь от США, не смогла в 40-х годах отменить распределительную систему, и еще в начале 50-х эта, правда уже бывшая, «владычица морей и океанов» не только мясо и хлеб, но даже вонючую треску распределяла по карточкам. В это время в Англии шли демонстрации шахтеров с требованием обеспечить им уровень жизни как у советских шахтеров. Правительство Ее Величества сдуру национализировало угольную и металлургическую отрасли. Сдуру потому, что не в национализации дело, а в том, есть ли во главе страны хозяин-экономист.

Дам еще цитату из отчета А.Г. Зверева Сталину:

«Проведение реформы явилось необходимым условием отмены карточной системы. В связи с денежной реформой и переходом к торговле по единым ценам резко снизились цены на колхозных рынках:

Наименование городов	В рублях					
	Картофель за кг		Мясо — говядина за кг		Молоко за литр	
	25/XI	25/XII	25/X	25/XII	25/XI	25/XII
Москва	6	1,7	63	36	18	6
Горький	6	1,9	55	37	16	5
Иваново	5	2	50	40	13	6
Куйбышев	5	2	50	26	14	6
Сталинград	8	3	40	20	15	6
Пенза	3	1	40	22	12	5
Елец (Орловской обл.)	3	2	45	30	9	5
Урюлинск (Сталинград. обл.)	5	3	—	30	8	5
Свердловск	6	3	55	35	18	6
Киев	4	1,3	43	32	13,7	6,7
Харьков	6,5	4	50	34	12	7

В результате понижения цен государственной и кооперативной торговли, снижения наполовину цен на колхозных рынках возросла покупательная сила рубля. Повысилось значение заработной платы и денежных доходов колхозников по трудодням в деле стимулирования роста производительности труда. Созданы предпосылки к укреплению экономических рычагов советского государства.

Для закрепления результатов денежной реформы, важнейшее значение имеет устойчивость баланса денежных доходов и расходов населения, образование товарных и бюджетных резервов, обеспечение бесперебойной государственной и кооперативной торговли.

Следует установить, что всякое дальнейшее повышение заработной платы должно производиться в прямой зависимости от роста производительности труда и снижения себестоимости продукции. Снижение цен в государственной и кооперативной торговле и на колхозном рынке обеспечивает неуклонный рост реальной заработной платы.

Своевременным представляется снижение цен на водку, вино и пиво, реализация которых резко замедлилась. В связи с этим считал бы необходимым обсудить вопрос об изыскании дополнительных товарных ресурсов, чтобы не допустить уменьшения общего плана товарооборота на 1948 год».

И раз уж даже Зверев всего через две недели после реформы заговорил о снижении цен, то давайте познакомимся с человеком, идеи которого, вполне возможно, лежали в основе экономических действий Сталина. Не бойтесь, это не Карл Маркс, хотя начать придется именно с Маркса.

Глава 7

МАРАЗМ МАРКСИЗМА

Необходимость революционного учения

Сталин был марксист, и хотя он сам призывал относиться к марксизму творчески, т.е. не впихивать в жизнь из марксизма то, что в жизнь не лезет, но все же мне не приходилось встречать ни строчки Сталина, в которой бы он относился к Марксу и его учению скептически. Поэтому хоть немного, а сказать о Марксе надо.

Наверное, всю историю люди с совестью в той или иной мере возмущались несправедливостью устройства общества. Действительно, имея совесть, трудно было принять и согласиться с положением, когда сотни, а порой и тысячи человек живут впроголодь, в тяжелейшем труде ради того, чтобы обеспечить бездельнику поездку в Париж или веселую ночь за карточным столом. Люди с совестью хотели переустроить мир, и планы у них имелись, но не было того, что дает безусловную уверенность в действиях — сознания правоты своего дела. Поскольку их оппоненты ссылались на законы, на обычаи, на традиционность такого мироустройства, в конце концов — на Бога. Логически в полезности справедливых идей невозможно было убедить даже сочувствующих, а тем более толпу. Поскольку для того времени справедливые проекты устройства государства были для людей новыми, а новое людей всегда пугает. Прекрасный знаток людей

и их интересов Никколо Макиавелли еще в 1512 г. эту проблему сформулировал так:

«При этом надо иметь в виду, что нет дела более трудного по замыслу, более сомнительно по успеху, более опасного при осуществлении, чем вводить новые учреждения. Ведь при этом врагами преобразователя будут все, кому выгоден прежний порядок, и он найдет лишь прохладных защитников во всех, кому могло бы стать хорошо при новом строе. Вялость эта происходит частью от страха перед врагами, имеющими на своей стороне закон, частью же от свойственного людям неверия, так как они не верят в новое дело, пока не увидят, что образовался уже прочный опыт. Отсюда получается, что каждый раз, когда противникам нового строя представляется случай выступить, они делают это со все страстностью вражеской партии, а другие защищаются слабо, так что князю с ними становится опасно» (Макиавелли Н. Государь. М., «Мысль», 1996, с. 53—54).

Как вы поняли, Макиавелли остерегал от новых дел даже не революционеров, а князей — тех, за кем все же была власть. А каково же было выступать против князей мира сего революционерам? Как им было нести людям новое государственное устройство, как призывать их на свержение старой власти, без уверенности в своей правоте, а только лишь с желанием «сделать как лучше»? Всевозможные трактаты и проекты, воодушевлявшие отдельных людей, на остальную толпу либо не производили впечатления, либо считались ею возмутительными, глупыми и вредными. За революционерами никто не шел, какими бы соблазнительными и ни были их проекты и сколько бы сил ни тратили они на доказательство своей правоты, поскольку права менять государственное устройство люди за ними не видели.

В истории России был такой случай. Когда в середине XIX века возникла партия революционеров-народовольцев, она стала «ходить в народ», пытаясь поднять крестьян на бунт против существующей власти. Крестьяне агитаторов

слушали доброжелательно, пока речь шла о местной власти, о губернаторе — эти чиновники назначались и смещались царем, поэтому в их смещении, как таковом, не было ничего нового. Но как только агитатор заговаривал о свержении царя, его тут же вязали и сдавали властям.

И вот один агитатор догадался написать фальшивую прокламацию якобы от царя с призывом к крестьянам освободить его (царя) от пленивших его аристократов. Немедленно в районе распространения этой прокламации вспыхнул такой бунт, что его с трудом удалось локализовать и подавить. Потому, что у царя было право менять государственное устройство, а у революционеров народ такого права не видел, какие бы золотые горы они народу ни обещали.

И вот пришел Маркс и резко изменил ситуацию в пользу революционеров. Он создал некую теорию, т.е. нечто научное и правильное о том, что изменения государственного устройства и, следовательно, власти происходят вне воли людей, а как бы сами собой и так неотвратно, что их можно ускорить либо задержать, но невозможно предотвратить.

Вкратце его теория заключалась в следующем. Идет прогресс в развитии техники и технологии: сначала люди ковыряли землю палкой, потом мотыгой, потом земля вспахивалась плугом, который тащили лошади или волы, затем плуг стал тащить трактор. И вот в зависимости от этого прогресса меняются отношения между владельцами средств производства (в данном примере — земли) и теми, кто на этих средствах работает. Когда землю обрабатывали мотыгой, рабочих держали в рабстве, забирая у них все; когда стали пахать на лошадях, рабочих держали в крепостной зависимости, отбирая у них часть заработанного; когда техника еще усовершенствовалась, рабочих освободили, но стали отбирать у них прибавочную стоимость; а когда техника совсем разовьется, то рабочие свергнут угнетателей, все средства производства будут общими, паразитов, эксплуатирующих рабочих, не будет, и наступит общество в котором люди будут братьями, а название этому обществу — коммунизм.

Не буду комментировать научность данной теории, поскольку, на мой взгляд, это бред, и мне еще никто даже не пытался доказать обратное фактами, а не цитатами из самого Маркса. И, строго говоря, возникает вопрос: а как сам Маркс дошел до жизни такой — до этой своей теории?

Маразм практики марксизма

Марксизм как комплекс знаний — как путеводитель для строительства жизни показал свою полную несостоятельность уже при первой же попытке его использования. В.И. Ленин, человек, безусловно овладевший марксизмом (заучивший его бред), в самом начале 1917 года на собрании молодых социалистов в Швейцарии, основываясь на положениях марксизма, сетовал, что он, старик (ему шел 47-й год), не доживет до победы социализма, а молодые, возможно, ее увидят. Именно так предсказывал марксизм. А всего через десять месяцев Ленин возглавил первое в мире государство, начавшее строить коммунизм. Ну, и кому нужен такой путеводитель?

Марксисты России были ошарашены своей победой именно потому, что она не проистекала из марксизма. Самими марксистами эта ошарашенность тщательно скрывалась в страхе скомпрометировать марксизм и себя вместе с ним, но сохранились свидетельства очевидцев, к примеру, английского писателя Герберта Уэллса, человека благожелательно относившегося к большевикам и достаточно критически — к К. Марксу. Уэллс весьма точно объясняет, кто такие марксисты как таковые.

«Марксисты появились бы даже, если бы Маркса не было вовсе. В 14 лет, задолго до того как я услышал о Марксе, я был законченным марксистом. Мне пришлось внезапно бросить учиться и начать жизнь, полную утомительной и нудной работы в ненавистном магазине. За эти долгие часы я так уставал, что не мог и мечтать о самообразовании.

Я поджег бы этот магазин, если б не знал, что он хорошо застрахован».

Однако, не являясь участником событий в России, Уэллс был способен сохранить трезвый взгляд на основоположника марксизма.

«Я буду говорить о Марксе без лицемерного почтения. Я всегда считал его скучнейшей личностью. Его обширный незаконченный труд «Капитал» — это нагромождение утомительных фолиантов, в которых он, трактуя о таких нереальных понятиях, как «буржуазия» и «пролетариат», постоянно уходит от основной темы и пускается в нудные побочные рассуждения, кажется мне апофеозом претенциозного педантизма. Но до моей последней поездки в Россию я не испытывал активной враждебности к Марксу. Я просто избегал читать его труды и, встречая марксистов, быстро отделялся от них, спрашивая: «Из кого же состоит пролетариат?» Никто не мог мне ответить: этого не знает ни один марксист. В гостях у Горького я внимательно прислушивался к тому, как Бакаев обсуждал с Шаляпиным каверзный вопрос — существует ли вообще в России пролетариат, отличный от крестьянства. Бакаев — глава петроградской Чрезвычайной Комиссии диктатуры пролетариата, поэтому я не без интереса следил за некоторыми тонкостями этого спора. «Пролетарий», по марксистской терминологии, — это то же, что «производитель» на языке некоторых специалистов по политической экономии, т.е. нечто совершенно отличное от «потребителя». Таким образом, «пролетарий» — это понятие, прямо противопоставляемое чему-то, именуемому «капитал». На обложке «Плебса» я видел бросающийся в глаза лозунг: «Между рабочим классом и классом работодателей нет ничего общего». Но возьмите следующий случай. Какой-нибудь заводской мастер садится в поезд, который ведет машинист, и едет посмотреть, как подвигается строительство дома, который возводит для него строительная контора. К ка-

кой из этих строго разграниченных категорий принадлежит этот мастер — к нанимателям или нанимаемым? Все это — сплошная чепуха».

Должен сказать, что эта же чепуха с пролетариатом бросалась в глаза и мне буквально с юности. После школы я начал работать на заводе и очень скоро стал слесарем-инструментальщиком, причем, неплохим для своего разряда. То есть я стал, по Марксу, передовым пролетарием. Дальше я поступил в институт и закончил его с отличием. Казалось бы, с точки зрения здравого смысла я стал еще более передовым, тем более что никакой собственности в сравнении с рабочими, даже в плане зарплаты, у меня не прибавилось, поскольку я очень долго зарабатывал меньше, чем они. Тем не менее, на том заводе, куда я прибыл молодым специалистом, мне посоветовали встать в очередь для вступления в КПСС, поскольку по нормам этой передовой пролетарской партии в ее члены принимали одного инженера на десять рабочих. Мне осталось только плюнуть и на эти нормы, и на эту партию, поблагодарив КПСС за то, что она помогла мне оценить на практике идиотизм марксизма. Поэтому я понимаю Герберта Уэллса, когда он пишет:

«Должен признаться, что в России мое пассивное неприятие Маркса перешло в весьма активную враждебность. Куда бы мы ни приходили, повсюду нам бросались в глаза портреты, бюсты и статуи Маркса. Около двух третей лица Маркса покрывает борода — широкая, торжественная, густая, скучная борода, которая, вероятно, причиняла своему хозяину много неудобств в повседневной жизни. Такая борода не вырастает сама собой; ее холят, лелеют и патриархально возносят над миром. Своим бессмысленным изобилием она чрезвычайно похожа на «Капитал»; и то человеческое, что остается от лица, смотрит поверх нее свинным взлядом, словно желая знать, какое впечатление эта растительность производит на мир. Вездесущее изображение этой бороды раздражало меня все больше и больше. Мне неудержимо захотелось обрить Карла Маркса».

Такое восприятие Маркса, повторю, помогло Уэллсу трезво взглянуть на идейную панику тогдашних «убежденных марксистов» Советской России.

«Но Маркс для марксистов — лишь знамя и символ веры, и мы сейчас имеем дело не с Марксом, а с марксистами. Мало кто из них прочитал весь «Капитал». Марксисты — такие же люди, как и все, и должен признаться, что по своей натуре и жизненному опыту я расположен питать к ним самую теплую симпатию. Они считают Маркса своим пророком, потому что знают, что Маркс писал о классовой войне, непримиримой войне эксплуатируемых против эксплуататоров, что он предсказал торжество эксплуатируемых, всемирную диктатуру вождей освобожденных рабочих (диктатуру пролетариата) и венчающий ее коммунистический золотой век. Во всем мире это учение и пророчество с исключительной силой захватывает молодых людей, в особенности энергичных и впечатлительных, которые не смогли получить достаточного образования, не имеют средств и обречены нашей экономической системой на безнадежное наемное рабство. Они испытывают на себе социальную несправедливость; тупое бездушие и безмерную грубость нашего строя, они сознают, что их унижают и приносят в жертву, и поэтому стремятся разрушить этот строй и освободиться от его тисков. Не нужно никакой подрывной пропаганды, чтобы взбунтовать их; пороки общественного строя, который лишает их образования и превращает в рабов, сами порождают коммунистическое движение всюду, где растут заводы и фабрики.

...Большевицкое правительство — самое смелое и в то же время самое неопытное из всех правительств мира. В некоторых отношениях оно поразительно неумело и во многих вопросах совершенно несведуще. Оно исполнено нелепых подозрений насчет дьявольских хитростей «капитализма» и незримых интриг реакции; временами оно начинает испытывать страх и совершает жестокости. Но по существу

своему оно честно. В наше время это самое бесхитрое правительство в мире.

О его простодушии свидетельствует вопрос, который мне постоянно задавали в России: «Когда произойдет социальная революция в Англии?» Меня спрашивали об этом Ленин, руководитель Северной коммуны Зиновьев, Зорин и многие другие. Дело в том, что, согласно учению Маркса, социальная революция должна была в первую очередь произойти не в России, и это смущает всех большевиков, знакомых с теорией. По Марксу, социальная революция должна была сначала произойти в странах с наиболее старой и развитой промышленностью, где сложился многочисленный, в основном лишенный собственности и работающий по найму рабочий класс (пролетариат). Революция должна была начаться в Англии, охватить Францию и Германию, затем пришел бы черед Америки и т.д. Вместо этого коммунизм оказался у власти в России, где на фабриках и заводах работают крестьяне, тесно связанные с деревней, и где по существу вообще нет особого рабочего класса — «пролетариата», который мог бы «соединиться с пролетариями всего мира». Я ясно видел, что многие большевики, с которыми я беседовал, начинают с ужасом понимать: то, что в действительности произошло на самом деле, — вовсе не обещанная Марксом социальная революция, и речь идет не столько о том, что они захватили государственную власть, сколько о том, что они оказались на борту брошенного корабля. Я старался способствовать развитию этой новой и тревожной для них мысли. Я также позволил себе прочесть им небольшую лекцию о том, что на Западе нет многочисленного «классово сознательного пролетариата», разъяснив, что в Англии имеется, по меньшей мере, 200 различных классов и единственные известные мне «классово сознательные пролетарии» — это незначительная группа рабочих, преимущественно шотландцев, которых объединяет под своим энергичным руководством некий джентльмен по имени Мак-Манус.

Мои, несомненно, искренние слова подрывали самые дорогие сердцу русских коммунистов убеждения. Они отчаянно цепляются за свою веру в то, что в Англии сотни тысяч убежденных коммунистов, целиком принимающих марксистское евангелие, — сплоченный пролетариат — не сегодня завтра захватят государственную власть и провозгласят Английскую Советскую Республику. После трех лет ожидания они все еще упрямо верят в это, но эта вера начинает ослабевать. Одно из самых забавных проявлений этого своеобразного образа мыслей — частые нагоняи, которые получает из Москвы по радио рабочее движение Запада за то, что оно ведет себя не так, как предсказал Маркс. Ему следует быть красным, а оно — только желтое.

Особенно любопытен был разговор с Зиновьевым. Это человек с черными, как смоль, вьющимися волосами, напоминающий своим голосом и общей живостью Хилара Беллока. «В Ирландии идет гражданская война», — сказал он. «По существу, да», — ответил я. «Кого из них вы считаете представителями пролетариата — шинфейнеров или ульстерцев?» — спросил Зиновьев. Он долго бился, пытаясь выразить положение в Ирландии в формулах классово-борьбы. Эта головоломка так и осталась нерешенной; затем мы перешли к Азии. Досадуя на то, что западный пролетариат все еще не переходит к решительным действиям, Зиновьев в сопровождении Бела Куна, нашего Тома Квелча и ряда других ведущих коммунистов поехал в Баку поднимать пролетариат Азии. Они отправились воодушевлять классово сознательных пролетариев Персии и Туркестана. В юртах прикаспийских степей они искали фабричных рабочих и обитателей городских трущоб. В Баку был созван съезд — ошеломляющий калейдоскоп людей с белой, черной, желтой и коричневой кожей, азиатских одежд и необыкновенного оружия. Это многолюдное собрание поклялось в неугасимой ненависти к капитализму и британскому империализму. Потом состоялось грандиозное шествие по улицам Баку, в котором, как я, к сожалению,

должен отметить, фигурировали и британские пушки, неосторожно брошенные поспешно бежавшими «строителями Британской империи». Были вырыты и вновь торжественно похоронены останки 13 человек, расстрелянных без суда этими самыми «строителями Британской империи», и сожжены чучела г.Ллойд Джорджа, г.Мильерана и президента Вильсона. Я не только видел в Петроградском Совете кинофильм в пяти частях об этом замечательном фестивале, но благодаря любезности Зорина даже привез его с собой. Этот фильм следует демонстрировать с осторожностью и только совершеннолетним. Там есть места, от которых г.Гройана из «Морнинг пост» и г.Редьярда Киплинга начнут преследовать кошмары, если только они вообще не лишатся сна, просмотрев его.

Я приложил все усилия, чтобы выяснить у Зиновьева и Зорина, чего, по их мнению, они добивались на бакинском съезде. И, по правде говоря, я не думаю, чтоб это было вполне понятно им самим. Сомневаюсь, чтоб у них была какая-нибудь ясная цель, если не считать смутного желания нанести через Месопотамию и Индию удар английскому правительству в ответ на те удары, которые оно наносило Советской республике при помощи Колчака, Деникина, Врангеля и поляков. Это контрастное наступление почти так же неуклюже и глупо, как английское наступление, против которого оно направлено.

...Это был карнавал, театрализованное зрелище, красочная инсценировка. Было бы абсурдом считать это съездом пролетариата Азии. Но если сам по себе съезд не имеет большого значения, он важен как признак перемены курса. Для меня главный его смысл в том, что он свидетельствует о новой большевистской ориентации, представителем которой является Зиновьев. До тех пор, пока большевики непоколебимо придерживались учения Маркса, они обращали взоры на Запад, немало удивляясь тому, что «социальная революция» произошла не там, где она ожидалась, а значи-

тельно дальше на Восток. Теперь, когда они начинают понимать, что их привела к власти не предсказанная Марксом революция, а нечто совсем иное, они, естественно, стремятся установить новые связи. Идеалом русской республики по-прежнему остается исполинский «Рабочий Запада» с огромным серпом и молотом. Но если мы будем продолжать свою жесткую блокаду и тем самым лишим Россию возможности восстановить свою промышленность, этот идеал может уступить место кочевнику из Туркестана, вооруженному полудюжиной кинжалов. Мы загоним то, что останется от большевистской России, в степи и заставим ее взяться за нож. Если мы поможем какому-нибудь новому Врангелю свергнуть не такое уж прочное московское правительство, ошибочно полагая, что этим самым установим «представительный строй» и «ограниченную монархию», мы можем весьма сильно просчитаться. Всякий, кто уничтожит теперешнюю законность и порядок в России, уничтожит все, что осталось в ней от законности и порядка. Разбойничий монархический режим оставит за собою новые кровавые следы по всей русской земле и покажет, на какие грандиозные погромы, на какой террор способны джентльмены, пришедшие в ярость; после недолгого страшного торжества он распадётся и сгинет. И тогда надвинется Азия».

Так выглядело «торжество научных идей Маркса» в России, в остальных странах победившего социализма, оно выглядело еще более анекдотично. Немудрено, что построенный в СССР на такой «науке» коммунизм пал.

Счастливым случаем

Маркс оформил свою теорию с истинно немецкой тщательностью — в пухлые, многословные тома, написанные наукообразным жаргоном. То есть на них только взглянешь — и сразу видно, что это что-то очень-очень умное, научное.

Из теории Маркса, как вы поняли, следовало, что как капиталист ни цепляется за власть, а коммунизм все равно придет, никуда не денется. А все, кто мешают его приходу, — это враги, пытающиеся затормозить историю ради своей выгоды, а революционеры вправе к этим врагам применять любые средства, поскольку сами они приближают счастье всего человечества. Революционеры получили у Маркса сознание своей правоты. При этом всяк, кто не разделял их мнение, был малообразованным тупицей, неспособным понять величие истинно научных идей. Маркс поменял власть и революционеров ролями: если раньше власть смотрела на них, как на презренных бунтовщиков, то теперь они смотрели на власть, как на презренных бунтовщиков против прогресса истории и человечества. И раньше, и сегодня имелись и имеется масса революционеров разного толка, но только марксисты имеют столь мощную «научную» базу, в которую свято верят, даже не то, что вдумываясь, а и не читая Маркса.

Вообще-то такая ситуация в истории науки хорошо известна. К примеру, два брата, французы Монгольфье, как-то пришли к мысли, что живая и мертвая силы летают и что если их поймать и соединить, то вместе с ними можно подняться в воздух. Сшили очень большой мешок в виде шара и начали собирать эти силы таким образом: зажгли костер и стали бросать в него солому, которая выделяет мертвую силу, и шерсть, которая выделяет живую силу, и ловить их в отверстие шара. Шар наполнился горячим воздухом и в 1783 г. полетел. Конечно, теория братьев Монгольфье — это бред, но ведь шар-то полетел!!! И изобретатели воздухоплавания именно они, а не умники, знающие про закон Архимеда и про то, что горячий воздух легче холодного.

Так произошло и с марксизмом. Воодушевленные его учением, большевики взяли власть в России и стали строить самое справедливое общество на земле — общество без эксплуататоров. И все было бы хорошо, если бы Маркс ог-

раничился социологией — предсказанием коммунизма. Но он считал себя экономистом, т.е. тем, кто умеет хозяйствовать. Поэтому он написал и массу экономических рекомендаций и о том, когда брать власть, и о том, что потом делать. И марксисты с самого начала стали биться об марксизм, как фейсом об тейбл.

Рассуждая в Лондонской библиотеке о том, как бы это могло быть, Маркс пришел к выводу, естественно вытекающему из его теории, что революция, ведущая к коммунизму, должна произойти во всем мире, иначе в одной стране ее сомнут капиталисты других стран, а начаться она должна в наиболее промышленно развитой стране — там, где больше всего пролетариата и меньше всего реакционных крестьян. Стран в мире много, и, по теории вероятностей, такая революция действительно могла бы случиться в промышленно-развитой стране, но как назло, во-первых, она случилась в одной стране и эта страна назло всем выстояла, во-вторых, если коммунистическая (социалистическая) революция случалась позже, то обязательно в аграрной стране, а не в пролетарской. Сначала в СССР, потом в Китае: история нагло издевалась над великим учением. Очень скоро выяснилось, что учение Маркса ну никак не пригодно к строительству государства, которого по Марксу, кстати, не должно было быть вообще, а без государства вообще ничего не получалось.

По Марксу при коммунизме действует принцип: «От каждого по способностям, каждому по потребностям». В нашем мире, как известно: «Каждому по его деньгам». Но если «по потребностям», то зачем деньги? И Маркс нашел, что при коммунизме денег не будет, а будет простой обмен товарами: рабочий сделал товара, сколько способен, и отдал тому, кому этот товар потребен. А сам у других взял себе того товара, который ему потребен. Все просто, и большевики после революции попробовали организовать этот простой товарообмен без денег. Сразу и ужаснулись получаемому маразму.

Понимаете, с помощью теории братьев Монгольфье можно поднять в воздух воздушный шар, но невозможно построить современный воздушный шар, дирижабль и, тем более, самолет. Живая и мертвая силы теории Маркса также оказались неспособны помочь большевикам в реальных делах.

Трагедия в том, что коммунизм это реальность, более того, мир погибнет, если не начнет идти в сторону коммунизма. В 60-х годах в СССР был поставлен эксперимент по коммунистическому общежитию, который почему-то освещался очень скупо. На норвежском острове Шпицберген СССР взял концессию на добычу угля, и там была наша колония. Посылали опытных специалистов и, разумеется, туда ехали люди за деньгами, т.е. далеко не рафинированные бессребреники. В этой колонии были магазины, в которых, естественно, все продавалось за деньги. Экспериментаторы поставили советскую колонию Шпицбергена в условия, похожие на коммунизм, — объявили, что все товары можно брать бесплатно по потребности. Сначала все бросились хватать, особенно дефицит — паюсную икру, сигареты с фильтром и т.д. Но экспериментаторы упорно снова и снова заполняли магазины товарами. И тогда люди успокоились и стали брать ровно столько, сколько им нужно. Но главное оказалось впереди. Спустя некоторое время они стали бесплатно брать меньше товаров, чем раньше покупали! Правда, это были советские люди, которые, по меньшей мере, школьное воспитание получили при Сталине, а не нынешние россияне. Тем не менее, и сегодня говорить о том, что коммунизм невозможен, может только животное, которое до уровня человека так и не развилось.

Беда в том, что с помощью учения Маркса до коммунизма добраться невозможно, и Сталин к концу жизни неоднократно говорил: «Без теории нам смерть!» Но, как умный человек, не имея реальной теории, он не отказывался от марксизма — страшно оставить людей вообще без веры.

Он всячески объяснял провалы марксизма изменившимися условиями и где мог пытался подтвердить его примерами из практики СССР, зачастую жертвуя и логикой, и своим авторитетом.

Деньги и творчество

Поскольку мы говорим о деньгах, то давайте рассмотрим поближе их работу — товарооборот — и почему у большевиков с отказом от денег получилась чепуха.

Мы до сих пор рассматривали только одну сторону денег, которую обычно рассматривают и теоретические экономисты (хотел бы я знать, что это такое — теоретическая экономика?). Это функция обмена на рынке товаров различных производителей. Но я, к примеру, не встречал, чтобы кто-либо рассматривал ту сторону денег, с которой обязательно сталкивается экономист (хозяин), производящий товары с помощью большого количества работников. Давайте об этом поговорим подробнее и не спеша.

Сначала о работниках. Если вы присмотритесь к ним, то увидите, что в основном это люди. А люди, в отличие от животных, способны получать удовольствие от творчества — от достижения результатов, которые раньше ими не были достигнуты. Причем, эта радость бывает настолько велика, что по сравнению с нею бледнеет и становится малозначительной радость от обладания деньгами и теми удовольствиями, которые деньги сулят.

Возьмем такой пример. В СССР, особенно сталинском, спортсмены зарабатывали не очень много, они, как правило, числились на каких-либо должностях и получали по этим должностям зарплату. Кроме этого, их премировали, делали порой ценные подарки (квартиры, автомобили), но в целом их зарплата вряд ли превышала зарплату шахтера или рыбака. А если учесть, что век спортсмена недолог, то деньги у советских спортсменов были очень плохим стимулом для рекордов. Тем не менее и спортивных рекордов, и дос-

тижений у СССР было огромное количество, было невероятно, чтобы спортсмены СССР не победили на летних, или зимних Олимпиадах. Более того, они побеждали даже в открытом противоборстве с профессионалами, скажем, наши хоккеисты побеждали канадо-американские сборные хоккейных звезд. Но если денег платили мало, то что двигало советскими спортсменами? Другого ответа нет: радость от творческих достижений, сознание того, что ты можешь то, чего другие не могут.

Мне могут возразить — какие же спортсмены творцы?! Ведь мы привыкли к мысли, что творческие люди это поэты, писатели, музыканты, артисты и т.д. А вы присмотритесь, ведь нам эту мысль навязали эти самые писатели и журналисты. Уж очень этой богеме, часто глупой и оттого бесплодной, хочется чем-либо эдаким отличиться от дающих результат тружеников.

На самом деле у большинства из этой богемы никакого творческого результата нет, да и быть не может: банальные (обычные, такие, как и раньше) стихи, романы, картины, звуки извлекаемые из музыкальных инструментов... Разве можно по степени творчества сравнить, к примеру, артиста и футболиста? Артист сотни раз репетирует одну и ту же ситуацию на сцене под руководством режиссера, все остальные актеры ему подыгрывают, каскадеры выполняют особо опасные трюки, и вот этот артист выходит на сцену и говорит: «Кушать подано». И так каждый вечер. И где же здесь новые, творческие результаты? А у футболиста нет ни то что игры, а даже эпизода в игре, который (даже если его на тренировках отрепетировать) соперники дали бы повторить. Каждую секунду футболист должен выбирать из десятков вариантов действий тот наилучший, ранее неизвестный, творческий, который может привести к голу. Футболист — это творческая работа, а скрипач в оркестре — это, простите, работа не для творца. Поставь на место музыканта автомат, и он эту мелодию исполнит и будет повторять гораздо лучше.

Без творчества человек как скотина и даже хуже, поскольку даже скотине важно не быть самой последней в стае. А человеку свою значимость тем более важно осознавать, важно чувствовать, что он не винтик, а и сам по себе что-то значит. К сожалению, очень часто бывает, что на основной работе человек не способен проявить творчество — начальство или инструкции не дают. Тогда если он не скотина, то будет искать творческие дела вне работы — заведет садовый участок, выдумает себе хобби, начнет во что-то играть или займется политикой. А если человек опущенный, то он, скорее всего, будет пить, чтобы как-то сжечь то время, которое ему подарила природа.

Так вот, в отличие от так называемых умственных работ, для которых требуется не столько ум, сколько память, производительный труд всегда является творческим, поскольку всегда требует ума уже для простого воспроизведения приемов, и, тем более, для поиска тех приемов, которые могут обеспечить наивысший результат. И если хозяин (экономист) толковый, то он будет делать все, чтобы работник имел свободу для творчества, поскольку в этом случае работник не только обеспечит своим творчеством дополнительную прибыль хозяйству (экономике), не только зарабатывает больше сам и испытывает от этого радость, но и будет испытывать ни с чем не сравнимую радость от достижения творческих результатов.

Но теперь возникает вопрос — а как человек узнает, что он достиг высших, новых для себя результатов в своем труде и хозяйственной деятельности? По разнице между закупленными товарами для своего труда и ценою своего изделия. Чем больше эта разница, тем больше ты творец. Вообще-то экономика как наука очень проста: цена произведенного тобой товара должна быть больше, чем затраты на его производство. Все остальное в экономике — арифметика. Но цена и затраты ведь должны быть в чем-то выражены, и если не в деньгах, то в чем? Вообще-то марксисты полагали, что при коммунизме затраты будут измеряться непо-

средственно количеством часов, израсходованных на производство продуктов. Но это невозможно в силу того, что при производстве одного и того же продукта количество израсходованных на это часов у бездельника, трудяги и таланта будут различаться на порядок, если не больше. Трудозатраты ну никак не могут быть эталоном и, следовательно, не могут быть мерилем творчества. Трудяга вырыл яму за час, а лентяй — за 8, так что — лентяй в 8 раз более творческий человек?

Нет, для оценки любых затрат на производство, для оценки каждым работником своего творческого результата нужен некий, достаточно стабильный, эквивалент, и лучше денег тут ничего придумать невозможно. Следовательно, без денег, без твердого эквивалента труда невозможно творчество в экономике — в том, в чем занято чуть ли не подавляющее число населения. А теперь посмотрите на идиотизм создавшегося положения: Маркс и Энгельс заложили в своем учении, что при коммунизме денег не будет, а как быть Сталину, которому надо развивать экономику СССР? Как ее развить без творчества большинства тех, кто в ней работает?

Еще момент. Для того чтобы в экономике любой работник был творцом, необходимо, чтобы он был хозяином, т.е. по своему усмотрению делал затраты на производство своего товара. И второе. Но цену на свой товар он не вправе назначать сам! Если он монополист, то какое уж тут творчество! Покупай сырьё сколько хочешь, какое угодно оборудование, делай что попало, а цену все равно взвинтишь так, что разница между нею и затратами будет. Это, понимаете, всё равно, что на соревновании прыгунов разрешить им самим устанавливать планку с условием: перепрыгнул — беги за золотой медалью. Бездельников это обрадует, но какое удовольствие от таких побед получают настоящие прыгуны? Нет, планку должны устанавливать судьи соревнования. Так и с ценой. Цену на товар в идеале должен устанавливать торг продавца с покупателем, ведущийся вокруг цены,

установленной хозяином или государством. Как с паллиативой можно согласиться и с тем, что цена устанавливается без участия покупателя государством или хозяином (когда речь идет о внутренних ценах хозяйства). Для поддержания творческих начал в экономике цена товара органически необходима и, соответственно, необходим товарооборот — эквивалентный цене обмен товарами, — а не задача их «по потребности».

Оцените трагизм положения. Коммунизм в основе своей создается для счастья человечества, а истинно человеческое счастье — в творчестве. И классики марксизма, Маркс и Энгельс, это, казалось бы, понимали. Маркс писал, что при коммунизме труд из обузы превратиться *«в первую жизненную необходимость»*, его мысль развивал Энгельс: *«Труд из тяжелого бремени превратиться в наслаждение»*. Все это хорошо, но марксизм, как видите, наметил такое идиотское устройство коммунизма, что там производительный труд лишался всех основ творчества и должен был превратиться в столь тяжкую обузу, что будущие жители коммунизма завидовали бы свободному творчеству крепостного крестьянина.

Еще о творчестве. Хотя это и высшее счастье человека, но в отличие от счастья удовлетворения инстинктивных желаний (голода, полового влечения, лени и т.д.) идти к счастью творчества необходимо через большой труд: прежде чем добиваться новых результатов, нужно освоить все старые. Это как в спорте: прежде чем перепрыгнуть планку на высоте 2,30, сначала нужно перепрыгнуть ее на высоте 1 метр, затем 1,50 и т.д. Поэтому в реальной жизни желающих получать счастье от творчества не очень много, подавляющее число обывателей получает счастье от жратвы и секса, и этого им достаточно. Пропагандой «человека труда» многого можно добиться, и никогда до Сталина и никогда после Сталина трудяга так не рекламировался, никогда ему не оказывали столько почета, как в сталинском СССР.

В беседе с французским писателем Роменом Ролланом (стенограмму этой беседы Сталин сам засекретил из-за ряда

своих очень откровенных ответов) разговор зашел о свободе, и Сталин сказал: *«Наша задача освободить индивидуальность, развить ее способности и развить в ней любовь и уважение к труду. Сейчас у нас складывается совершенно новая обстановка, появляется совершенно новый тип человека, который уважает и любит труд. У нас лентяев и бездельников ненавидят, на заводах их заворачивают в рогожи и вывозят таким образом. Уважение к труду, трудолюбие, творческая работа, ударничество — вот преобладающий тон нашей жизни. Ударники и ударницы — это те, кого любят и уважают, это те, вокруг кого концентрируется сейчас наша новая жизнь, наша новая культура».*

Но почет — это пряник. А хороший хозяин знает, что пряник это хорошо, но кнут тоже необходим. Нужно не только агитировать людей к творчеству в своем труде, но ради их счастья их нужно и заставлять творить. И таким кнутом являются деньги, товарооборот и хозрасчет. Когда человек поставлен в условия хозрасчета, т.е. когда он вынужден покупать предметы своего труда, продавать результаты своего труда по не им установленным ценам, тогда разница между доходами и затратами четко указывает, хороший он работник или нет, и в этом случае даже ленивый начнет творить, поскольку люди очень не любят быть хуже других.

Давайте вернемся к докладу Зверева. В нем описание практически 30-летней борьбы советского правительства за твердый рубль. А мы после Гайдара знаем, что твердый рубль это большое счастье для народа, при твердом рубле можно сделать накопления, можно купить дорогой товар за заработки честного труда, можно обеспечить себе старость. Но заметьте, что Зверев вообще ничего не говорит об этой цели, которая делала большевиков безусловно популярными в народе — о благотворности твердого рубля для населения. Почему? А это не статья в газете, это секретный доклад главе правительства: к чему в нем самореклама? Зато обратите внимание, что Зверев раз за разом возвращается к другой цели, которую должен достичь твердый рубль, цели, кото-

рая единственно важна Сталину и Звереву: твердый рубль обеспечивал хозрасчет и именно хозрасчет был тем главным, ради чего рубль все время укрепляли! Такое пренебрежение Сталина и Зверева к деньгам как к основе народного благополучия трудно понять, если не знать о другой стороне денег — они основа для творческого труда в экономике, и для Сталина это было в них главное.

Без марксизма нельзя и с марксизмом невозможно

Давайте еще раз вернемся к трагизму положения Сталина. Выдающийся экономист мира, никем не превзойденный в истории хозяин, он твердой рукой развивал экономику СССР, базируясь на:

- твердом рубле как основе товарооборота;
- товарообороте как основе хозрасчета (экономического расчета);
- хозрасчете как способе воссоединения в экономике СССР творчества миллионов трудящихся, а именно силой творчества миллионов трудящихся и развивалась экономика СССР.

Но при этом как марксист, он должен был утверждать, что СССР идет к коммунизму по Марксову пути: денег скоро не будет, товарооборота не будет, а кто чего способен произвести, тот будет передавать это другим по потребностям, т.е. Сталин вынужден был утверждать прямо противоположное тому, что фактически делал.

Особенно ярко эта раздвоенность проявилась в одной из последних работ Сталина, брошюре «Экономические проблемы социализма в СССР». Дело в том, что к 1950 г. экономика СССР стала настолько не соответствовать марксизму, что было принято решение написать учебник «Политическая экономика социализма», в котором дать хоть какие-нибудь ориентиры. Проект учебника открыто обсуждался, в обсуждении участвовал и Сталин, поскольку без его авторитета примирить критикующих вряд ли было возможно.

Правоверные марксисты утверждали, что согласно Марксу уже давно пора заменить товарооборот продуктообменом, а деньги упразднить. И по Марксу они были правы. Другие утверждали, что пора упразднить самого Маркса и предлагали свое видение и свои пути в коммунизме. Перед Сталиным стояла нерешаемая задача: отбить атаки придурков на деньги и товарооборот и, соответственно, на хозрасчет и творчество, но при этом доказать, что марксизм — это наука, и что ею нужно руководствоваться.

Поскольку, повторю, мы занимаемся не Марксом, а деньгами, я дам только один пример того, как в этой дискуссии Сталин уворачивался от неудобных вопросов и как он пытался за уши подтащить Маркса к своей практике. Во время дискуссии поступило предложение по сельскому хозяйству. Дело в том, что колхозы и совхозы при Сталине не имели своей тяжелой техники: тракторов, комбайнов, жаток, автомобилей и т.д. Вся эта техника сосредотачивалась на машинно-тракторных станциях (МТС), которые обрабатывали землю и снимали урожай сразу несколькими десятками колхозов. Давайте позагибаем пальцы очевидной хозяйственной выгоды от этого сталинского решения.

Во-первых. Сама сельхозтехника тем экономичнее, чем она мощнее. Предположим, среднему колхозу достаточно одного комбайна, чтобы успеть в уборку снять и обмолотить все зерновые. Но никакой председатель колхоза не рискнет ограничиться одним комбайном, поскольку в случае его поломки будет потерян урожай — результат работы за целый год. Поэтому, если передать технику из МТС колхозам, то такой колхоз купит для подстраховки 2 комбайна, и это, что поделать, разумно. Если МТС обслуживала 20 таких колхозов, то после передачи им техники они реально будут иметь в сумме 40 комбайнов, в то время как МТС могла с 10%-ным резервом иметь их всего 22 и справиться с уборкой урожая во всех 20 колхозах. А ведь вся эта масса затрат на неэффективно работающую технику в колхозах ляжет на стоимость продовольствия, и она возрастет.

Во-вторых. То, что после передачи в колхоз комбайн будет работать месяц в году, еще не значит, что и комбайнер этого колхоза будет работать месяц в году — в колхозе ему работу найдут. Поэтому этот комбайнер с комбайном выехать на уборку урожая в другие области просто не сможет, да там его и не ждут — ведь там, в колхозах, есть свои комбайнеры и комбайны. Техника будет лежать мертвым грузом в колхозах по всей стране. А МТС способны маневрировать техникой, т.е. перевезти ее сначала с северных районов в южные и там совместно с местными МТС убрать урожай, а затем вместе с ними подниматься на север, убирая там созревающие зерновые. А это значит, что если колхозам надо иметь 40 единиц техники, то МТС могут обойтись и 10. Когда продукты будут дешевле — с МТС или без МТС?

В-третьих, и это уже касается денег, а не организации производства. При введении в схему товарооборота «товар — деньги — товар» («производство тракторов — производство зерна»): МТС товарооборот увеличивается в полтора раза и появляется еще одна цена — цена обработки земли. Следовательно, появляется еще одно хозрасчетное звено, а государство получает возможность ценами заставить это звено (МТС) творить — снижать затраты на обработку земли. Рост количества техники у МТС и неоправданный рост стоимости этой техники прямо увеличивают затраты МТС на обработку земли и снижают их эффективность. Поэтому МТС были экономическим контролером заводов сельхозмашин: не давали тем производить неэффективную технику, а всей технике производить больше, чем надо. С МТС экономика СССР и, следовательно, советский народ не несли затраты на изготовление плохо используемой техники.

А если отдать технику колхозам, то исчезает цена обработки земли — она становится в бухгалтерском отчете колхоза строчкой затрат на производство зерна и контролируется только самим колхозом, который вправе ее и увеличить, увеличив, допустим, урожайность за счет удобрений. Поэтому колхоз прямо заинтересован в противоположном —

в том, чтобы у него на всякий случай всякой техники было побольше — хороший урожай все равно перекрывал затраты на ее приобретение, а плохой урожай не давал приобрести и минимум. С ликвидацией МТС производство сельхозмашин в СССР начинало бессмысленно увеличиваться, увеличивая, повторю, затраты и цены на продовольствие.

Вопрос с МТС, как видите, ясен и понятен, и Сталин мог бы так его и обосновать, но вместо этого он начинает говорить о том, что продажа сельхозтехники непосредственно колхозам увеличит товарооборот, а это затормозит *«продвижение к коммунизму»*, поскольку, дескать, великий Энгельс убедительно доказал *«что наличие товарного обращения неминуемо должно привести... к возрождению капитализма»*.

В этом деле смешно то, что Сталин после вступительной главы начинает со следующего:

«Некоторые товарищи утверждают, что партия поступила неправильно, сохранив товарное производство после того, как она взяла власть и национализировала средства производства в нашей стране. Они считают, что партия должна была тогда же устранить товарное производство. Они ссылаются при этом на Энгельса, который говорит:

«Раз общество возьмет во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продуктов над производителями» (см. «Анти-Дюринг»).

Эти товарищи глубоко ошибаются».

Далее он поясняет, в чем ошибка т. Энгельса и остальных, постоянно подчеркивая, что *«товарное производство и товарооборот являются у нас в настоящее время такой же необходимостью, какой они были, скажем, лет тридцать тому назад, когда Ленин провозгласил необходимость всемерного разворота товарооборота»*.

Эти очевидные противоречия нельзя объяснить ничем другим, кроме огромного желания Сталина как-то привлечь

марксизм к конкретной практике строительства коммунизма в СССР, как-то доказать, что, несмотря ни на что, марксизм — наука правильная. Возникает вопрос: зачем это Сталину? Почему он так цеплялся за марксизм?

Потому что речь шла о вещах значительно более важных, нежели экономика и материальное благополучие граждан СССР, речь шла о цели их жизни, о смысле их жизни. Ведь жизнь советских людей была осмысленной — они строили для своих детей светлое справедливое будущее — коммунизм. Ради этого ограничивали себя, ради этого шли на жертвы, ради этого гибли на фронтах. Все что ни делалось — делалось для детей, для потомков, и сама эта мысль делала жизнь и осмысленной и радостной. Поэтому, кстати, так легко поднимались миллионы советских людей на великие стройки (Магнитогорск, Целина и т.д.). Разумеется, средний советский человек не интересовался ни подробностями коммунизма, ни путем к нему, он просто знал, что коммунизм возможен потому, что великий ученый Маркс его обосновал. И, представьте, если вдруг выяснится бред марксизма, что же тогда будет с коммунизмом? У людей сразу же возникнет вопрос: возможен ли коммунизм, если его разработчик дурак? Тогда во имя чего жертвы, во имя чего лишения? Жизнь советских людей потеряла бы смысл, а это хуже новой войны.

Перед Сталиным даже вопрос не стоял — до тех пор, пока не будет разработана новая теория коммунизма, от марксизма нельзя было отказываться ни в коем случае! На безрыбье и рак рыба. Поэтому-то Сталин и повторял: *«Без теории нам смерть»*, — что и подтвердилось впоследствии. Рак все же рыбой не стал...

Глава 8

ПЕРВОПРОХОДЕЦ ГЕНРИ ФОРД

Капиталист-идеалист

У многих читателей эта часть может вызвать недоумение: «Какие идеалы? Какой смысл жизни?? Мы не имеем никаких идеалов, ни к чему не стремимся и тем не менее прекрасно живем!»

На самом деле это не так. Во-первых, СМИ просто убеждают массы обывателей, что те живут прекрасно, и массы рады. По-видимому, природа позаботилась о выживании человечества, снабдив большинство человеческого племени спасительной тупостью. Во-вторых, те же СМИ в качестве идеалов все время подсовывают некие суррогаты, обладание которыми предлагается в качестве смысла жизни, к примеру, суперсовременный автомобиль или отпуск на фешенебельном курорте, в конце концов, — шоколадку «Сникерс», а уж совсем бедным — секс как самоцель. И, пытаясь обладать предметом вожделения, обыватель в этом видит смысл своей жизни, так что и у него жизнь не совсем бессмысленна. Самое страшное опустошение наступает, когда человек вдруг либо поумнеет и поймет, что все это барахло целью жизни не может являться ни в меньшей мере, либо когда он купит все, что может. За этим начинается пустота: зачем жить?

Такой вот пример. В 80—90-х годах я работал с зарубежным торговым партнером завода. Этот люксембургский еврей сделал себя сам: основал в молодости торговую фирму и вывел ее на четвертое место в мире в своей области. В торговых делах человек очень жесткий, он, судя по всему, цель своей жизни видел в процветании своего дела, получал удовольствие от творчества, которое требовалось в большом количестве, чтобы получить те результаты, которых он достиг. С СССР, несмотря на блокаду, торговал с 60-х и неплохо знал Союз. Мы пытались оценить его личный доход и полагали, что он был в пределах 50—100 млн. долларов в год. Кроме прекрасного офиса и дома в Люксембурге, имел виллу на престижнейшем мысе около Ниццы, три квартиры в Париже и три в Нью-Йорке.

И вот, когда в начале 90-х стало ясно, что происходит с СССР, он как-то в разговоре за столом ресторана сказал: «Юра, вы делаете огромную ошибку — вы лишаете детей идеалов». Тогда, к сожалению, общий разговор переключился на другую тему, и я так и не расспросил, что он имел в виду. Прошло несколько лет, и мы узнали, что у нашего партнера рак мозга и жить ему осталось около года. Держался он этот год очень мужественно, действовал, как всегда, расчетливо и трезво, но меня поразило, что он продавал свое детище — свою фирму. Поразило потому, что у него были очень молодо выглядевшая жена (приходилось пару раз видеть ее на приемах) и, главное, взрослые, живущие отдельно сын и дочь. Почему он не передавал фирму им? Я начал расспрашивать его об этом, но он как-то помрачнел и ушел от разговора, а люксембуржцы стали мне делать знаки, чтобы я прекратил расспросы. Потом они ввели меня в курс дела: и жена, и дети уже давно имели в жизни только одно пристрастие — наркотики. Им уже ничего не было нужно, тем более — дело отца. Стало ясно, почему мой партнер считал, что мы в СССР делаем страшное дело — лишаем детей идеалов. Он таких детей видел, да и мы видим их сегодня повсюду.

Сталин эту проблему предвидел и всеми силами пытался поддержать авторитет марксизма, хотя для строительства экономики СССР Маркс ему ничего не дал. Для этого строительства Сталину очень много дал другой экономист, но то был настоящий экономист, экономист-практик (других, напомним, не бывает) Генри Форд.

Генри Форд, без сомнения, наиболее выдающийся человек Америки, и в мире вряд ли есть десяток людей, равных ему. Он не только отец современного автомобиля, он отец современных методов производства, а это, знаете ли, не на скрипке играть, не романы писать и не сражения проигрывать.

И этого мало. Генри Форд — отец наиболее современных и ясных принципов экономики, и если Сталин не открыл их сам, то тогда он взял их у Форда. У них были разные масштабы, и хотя у Сталина было неизмеримо больше трудностей, но и власти под эти трудности у него было неизмеримо больше. Форд вне своей фирмы мог только призывать и убеждать, Сталин всей стране приказывал.

Но и это еще не все, Генри Форд — наиболее яркий выразитель морали в экономике и производстве.

Однако по части славы и признательности человечества ему не повезло. Он очень долго оказывал сопротивление международному еврейству, а такое не прощается. И хотя он это делал (как вы поймете из его текста) исключительно из моральных соображений, но еврейской прессой он во всем мире объявлен антисемитом и фашистом. Интересно, что его выдающаяся книга «Моя жизнь, мои достижения», из которой я привожу отрывки, была издана в СССР аж в 1924 г. и до 1929 г. переиздана 7 раз. Но с тех пор больше не издавалась до 1989 г., а вот пасквиль Эптона Синклера «Автомобильный король» о Форде издавался регулярно.

После перестройки появилась другая крайность, и тоже на руку его врагам: в СНГ стала усиленно издаваться книга Г. Форда «Международное иудейство», и нашему читателю он стал известен только с этой стороны. Повторю, что

это на руку именно международному еврейству — представить Г. Форда ограниченным антисемитом, хотя и с деньгами. А это, еще раз повторю, была глыба совершенно в других вопросах. Но дадим ему слово в следующем разделе. (Так как перевод не очень хорош и фразы тяжеловаты, то я позволил себе выделить в тексте полужирным шрифтом значащие мысли и дать текст другим шрифтом).

Принципы Генри Форда

Генри Форд: Если бы я преследовал только свои корыстные цели, мне не было бы нужды стремиться к изменению установившихся методов. Если бы я думал только о стяжании, нынешняя система оказалась бы для меня превосходной; она в избытке снабжает меня деньгами. Но я помню о долге служения. **Нынешняя система не дает высшей меры производительности**, ибо способствует расточению во всех его видах; у множества людей она отнимает продукт их труда. **Она лишена плана.** Все зависит от степени **планомерности** и **целесообразности**.

...Работы сколько угодно. Дела — это не что иное, как работа. Наоборот, спекуляция с готовыми продуктами не имеет ничего общего с делами — она означает не больше и не меньше, как **более пристойный вид воровства**, не поддающийся искоренению путем законодательства. Вообще, путем законодательства можно мало чего добиться: оно никогда не бывает конструктивным. Оно неспособно выйти за пределы полицейской власти, и поэтому ждать от наших правительственных инстанций в Вашингтоне или в главных городах штатов того, что они сделать не в силах, значит, попусту тратить время. До тех пор, пока мы ждем от законодательства, что оно уврачает бедность и устранил из мира привилегии, нам суждено созерцать, как растет бедность и умножаются привилегии. Мы слишком долго полагались на Вашингтон, и у нас слишком много законодателей — хотя все же им

не столь привольно у нас, как в других странах, — но они приписывают законам силу, им не присущую.

...Как только народ становится придатком к правительству, вступает в силу закон возмездия, ибо такое соотношение неестественно, безнравственно и противочеловечно. Без деловой жизни и без правительства обойтись нельзя. То и другое, играя служебную роль, столь же необходимы, как вода и хлеб; но, начиная властвовать, они идут вразрез с природным укладом. **Заботиться о благополучии страны — долг каждого из нас.** Только при этом условии дело будет поставлено правильно и надежно. Обещания ничего не стоят правительству, но реализовать их оно не в состоянии. Правда, правительства могут жонглировать валютой, как они это делали в Европе (и как и посейчас делают это и будут делать во всем мире финансисты до тех пор, пока чистый доход попадает в их карман); при этом болтается много торжественного вздора. **А между тем работа и только работа в состоянии создавать ценности.** В глубине души это знает каждый.

...**Хозяйственный принцип — это труд.** Труд — это человеческая стихия, которая обращает себе на пользу плодотворные времена года. Человеческий труд создал из сезона жатвы то, чем он стал ныне. Экономический принцип гласит: каждый из нас работает над материалом, который не нами создан и которого создать мы не можем, над материалом, который нам дан природой.

...**Нравственный принцип — это право человека на свой труд.** Это право находит различные формы выражения. Человек, заработавший свой хлеб, заработал и право на него. Если другой человек крадет у него этот хлеб, он крадет у него больше, чем хлеб, крадет священное человеческое право.

...**Если мы не в состоянии производить, мы не в состоянии и обладать.** Капиталисты, ставшие таковыми благодаря торговле деньгами, являются временным, неизбежным злом. Они могут даже оказаться не злом, если их деньги вновь вкладываются в производство. Но если их деньги обращаются на то,

чтобы затруднять распределение, воздвигать барьеры между потребителем и производителем — тогда они в самом деле вредители, чье существование прекратится, как только деньги окажутся лучше приспособленными к трудовым отношениям. А это произойдет тогда, когда все придут к сознанию, что только работа, одна работа выводит на верную дорогу к здоровью, богатству и счастью.

...Нет оснований к тому, чтобы человек, желающий работать, оказался не в состоянии работать и получать в полной мере возмещение за свой труд. Равным образом, нет оснований к тому, чтобы человек, могущий работать, но не желающий, не получал бы тоже в полной мере возмещения за содеянное им. При всех обстоятельствах ему должна быть дана возможность получить от общества то, что он сам дал обществу. Если он ничего не дал обществу, то и ему требовать от общества нечего. Пусть ему будет предоставлена свобода — умереть с голоду. Утверждая, что каждый должен иметь больше, чем он, собственно, заслужил, — только потому, что некоторые получают больше, чем им причитается по праву, — мы далеко не уйдем.

...Не может быть утверждения более нелепого и более вредного для человечества, как то, что все люди равны.

...Каждого следовало бы поставить так, чтобы масштаб его жизни находился в должном соотношении с услугами, которые он оказывает обществу.

...Всякая монополия и всякая погоня за наживой — зло. Для предприятия неизменно вредно, если отпадает необходимость напрягаться. Никогда не бывает так здорово предприятие, как тогда, когда оно, подобно курице, должно часть своего питания разыскивать само. Все слишком легко доставалось в деловой жизни. Пошатнулся принцип определенного, реального соответствия между ценностью и ее эквивалентом. Отпала необходимость думать об удовлетворении клиентуры. В определенных кругах возобладали даже род тенденции гнать публику к черту. Некоторые обозначали это состояние

как «расцвет деловой жизни». Но это ни в коем случае не означало расцвета. Это была попросту ненужная погоня за деньгами, не имевшая ничего общего с деловой жизнью.

...Задача предприятия — производить для потребления, а не для наживы или спекуляции. А условие такого производства — чтобы его продукты были доброкачественны и дешевы, чтобы продукты эти служили на пользу народу, а не только одному производителю. Если вопрос о деньгах рассматривается в ложной перспективе, то фальсифицируется в угоду производителю и продукция.

...Алчность к деньгам — вернейшее средство не добиться денег. Но если служишь ради самого служения, ради удовлетворения, которое дается сознанием правоты дела, то деньги сами собой появляются в избытке.

...Деньги, вполне естественно, получаются в итоге полезной деятельности. Иметь деньги абсолютно необходимо. Но нельзя забывать при этом, что **цель денег — не праздность, а умножение средств для полезного служения.** Для меня лично нет ничего отвратительнее праздной жизни. Никто из нас не имеет на нее права. В цивилизации нет места тунядцам. Всевозможные проекты уничтожения денег приводят только к усложнению вопроса, так как нельзя обойтись без меновых знаков.

...Моя цель — простота. В общем, люди потому имеют так мало и удовлетворение основных жизненных потребностей (не говоря уже о роскоши, на которую каждый, по моему мнению, имеет известное право) обходится так дорого, что почти все, производимое нами, много сложнее, чем нужно. Наша одежда, жилища, квартирная обстановка — все могло бы быть гораздо проще и вместе с тем красивее. Это происходит потому, что все предметы в прошлом изготовлялись определенным образом, и нынешние фабриканты идут проторенной дорогой.

Этим я не хочу сказать, что мы должны удариться в другую крайность. В этом нет абсолютно никакой необходимости.

Вовсе не нужно, чтобы наше платье состояло из мешка с дырой для просовывания головы. Правда, в этом случае его легко было бы изготовить, но оно было бы чрезвычайно непрактично. Одеяло не шедевр портновского искусства, но никто из нас не наработал бы много, если бы мы разгуливали, по образцу индейцев, в одеялах. **Подлинная простота связана с пониманием практического и целесообразного.** Недостаток всех радикальных реформ в том, что они хотят изменить человека и приспособить его к определенным предметам. Я полагаю, что попытки ввести для женщин платье «реформ» исходят неизменно от безобразных особ, желающих, чтобы и другие женщины были безобразны. Иначе говоря, все происходит шиворот-навыворот. **Следует взять что-либо, доказавшее свою пригодность, и устранить в нем все лишнее.** Это прежде всего относится к обуви, одежде, домам, машинам, железным дорогам, пароходам, летательным аппаратам. Устраняя излишние части и упрощая необходимые, мы одновременно устраняем и излишние расходы по производству. Логика простая. Но, как ни странно, процесс начинается чаще всего с удешевления производства, а не с упрощения фабrikата. Мы должны исходить из самого продукта. Важно, прежде всего, исследовать, действительно ли он так хорош, как должен быть — выполняет ли он в максимальной степени свое назначение? Затем — применен ли материал лучший из возможных или только самый дорогой? И наконец — допускает ли он упрощения в конструкции и уменьшения веса? И так далее.

...Лишний вес столь же бессмыслен в любом предмете, как значок на кучерской шляпе, — пожалуй, еще бессмысленнее. Значок может, в конце концов, служить для опознания, в то время как лишний вес означает только лишнюю трату силы. Для меня загадка — на чем основано смешение тяжести и силы. Вес очень хорош в бабе для забивки свай, но к чему приводить в движение лишний вес, когда этим ничего не достигается? К чему обременять специальным весом маши-

ну, предназначенную для транспорта? Почему бы не перенести излишний вес на груз, который транспортируется машиной? Полные люди не в состоянии бегать так быстро, как худощавые, а мы придаем большей части наших транспортных машин такую грузность, словно мертвый вес и объем увеличивают скорость! Бедность в значительной степени происходит от перетаскивания мертвых грузов.

...Основные принципы нашего производства гласят:

1. Не бойся будущего и не относись почтительно к прошлому. Кто боится будущего, т.е. неудач, тот сам ограничивает круг своей деятельности. Неудачи дают только повод начать снова и более умно. Честная неудача не позорна; **позорен страх перед неудачей**. Прошлое полезно только в том отношении, что указывает нам пути и средства к развитию.

2. Не обращай внимания на конкуренцию. Пусть работает тот, кто лучше справляется с делом. **Попытка расстроить чьи-либо дела — преступление**, ибо она означает попытку расстроить в погоне за наживой жизнь другого человека и установить взамен здравого разума господство силы.

3. **Работу на общую пользу ставь выше выгоды**. Без прибыли не может держаться ни одно дело. По существу в прибыли нет ничего дурного. Хорошо поставленное предприятие, принося большую пользу, должно приносить большой доход и будет приносить таковой. Но **доходность должна получиться в итоге полезной работы, а не лежать в ее основании**.

4. Производить не значит дешево покупать и дорого продавать. Это, скорее, покупать сырые материалы по сходным ценам и обращать их с возможно незначительными дополнительными издержками в доброкачественный продукт, распределяемый затем среди потребителей. Вести азартную игру, спекулировать и поступать нечестно — это значит затруднять указанный процесс.

...Изменения вытекали из наших опытов в конструкции, а вовсе не из нового принципа, а отсюда я извлекаю важный

урок, что лучше приложить все силы для усовершенствования хорошей идеи вместо того, чтобы гнаться за другими, новыми идеями. Хорошая идея дает ровно столько, сколько можно осилить сразу.

...Идея бензинового мотора была отнюдь не нова, но здесь была первая серьезная попытка вынести его на рынок. Она была встречена скорее с любопытством, чем с восторгом, и мне не вспомнить ни одного человека, который полагал бы, что двигатель внутреннего сгорания может иметь дальнейшее распространение. Все умные люди неопровержимо доказывали, что подобный мотор не может конкурировать с паровой машиной. Они не имели ни малейшего представления о том, что когда-нибудь он завоюет себе поле действия. Таковы все умные люди, они так умны и опытны, что в точности знают, почему нельзя сделать того-то и того-то, они видят пределы и препятствия. Поэтому я никогда не беру на службу чистокровного специалиста. Если бы я хотел убить конкурентов нечестными средствами, я предоставил бы им полчища специалистов. Получив массу хороших советов, мои конкуренты не могли бы приступить к работе.

...Кроме того, во многих деловых людях я замечал склонность ощущать свою профессию как бремя. Они работают для того дня, когда могли бы бросить ее и, удалившись, жить на свои ренты — как можно скорее выйти из борьбы. Жизнь представляется им битвой, которой нужно как можно скорее положить конец. Это опять-таки был пункт, которого я никак не мог понять; я думал, напротив, что жизнь заключается не в борьбе, а если в борьбе, то против тяжести, против попятного движения, против «успокоения». Если наша цель — покрыться ржавчиной, то нам остается только одно: отдаться нашей внутренней лени; если же наша цель — рост, то нужно каждое утро пробуждаться снова и бодрствовать целый день. Я видел, как большие предприятия падали, делаясь тенью своего имени, только потому, что кто-то считал возможным, чтобы они и дальше управлялись так, как управ-

лялись до сих пор. Жизнь, как я ее понимаю, не остановка, а путешествие. Даже тот, кто думает, что он «остановился отдохнуть», не пребывает в покое, а, по всей вероятности, катится вниз.

...Кроме того, господствует широко распространенный страх смешного. Столько людей боятся, что их сочтут за дураков. Я признаю, что общественное мнение — большая полицейская сила для тех людей, которых нужно держать в порядке. Быть может, даже справедливо, что большинство людей не могут обойтись без принуждения со стороны общественного мнения. Общественное мнение может, пожалуй, сделать человека лучшим, чем он был бы без него, хотя и не в моральном отношении, но, может быть, как члена человеческого общества. Несмотря на это, **вовсе не так плохо быть дураком во имя справедливости.** Утешительнее всего, что такие дураки живут достаточно долго, чтобы доказать, что они **во все не дураки**, или же начатая ими работа продолжает жить и доказывать это.

...Денежный фактор — стремление извлекать прибыль из «помещенного капитала» и проистекающее отсюда пренебрежение и ущерб для работы, а следовательно, и для полезной службы — выяснился для меня в многообразных формах. Этот фактор оказался виной большинства затруднений. Он был причиной низкой заработной платы — без хорошей работы нельзя платить высокого вознаграждения. И если все стремления не направлены на работу, она не может быть сделана хорошо. Большинство людей желают быть свободными в своей работе. При существующей системе это невозможно. В первое время моей деятельности и я не был свободен — я не мог предоставить своим идеям свободной арены. Все должно было быть направлено к тому, чтобы заработать как можно больше денег. Работа была на последнем месте. Но самое странное во всем этом — утверждение, что важны деньги, а не труд. Никому не казалось нелогичным, что деньги здесь поставлены впереди труда, хотя все должны признать,

что прибыль проистекает только из труда. Кажется, все искали кратчайшей дороги к деньгам и при этом обходили самую прямую — ту, которая ведет через труд.

...На мой взгляд, человек иначе и не может, как быть постоянно на работе. Днем он должен думать о ней, а ночью — она ему снится. Идея выполнять свою работу в канцелярские часы, приниматься за нее утром и бросать ее вечером — и до следующего утра не возвращаться к ней ни одной мыслью — как будто очень хороша. Ее можно даже осуществить довольно просто, если только мы согласны иметь над собой кого-нибудь целую жизнь, быть служащими, быть может, даже и самостоятельными служащими, всем чем угодно, но только не директорами или ответственными руководителями. Для человека физического труда является даже необходимостью ограничивать свои рабочие часы — иначе он скоро истощит свои силы. Если он намерен всю жизнь оставаться при физическом труде, то должен забывать о своей работе в то мгновение, когда прозвучит фабричный гудок. Но если он хочет идти вперед и чего-нибудь достигнуть, то гудок для него только сигнал поразмыслить над своим трудовым днем и найти, как бы ему делать лучше прежнего.

...Мотор в 10 лошадиных сил дает меньшие результаты, чем двадцатисильный. Тот, кто свою умственную деятельность вкладывает в рамки присутственных часов, ограничивает этим самым свои лошадиные силы. Если он согласен влачить только бремя, на него возложенное, то все в порядке. Это его личное дело, никого не касающееся, но он не должен быть в претензии, если другой, умноживший свои лошадиные силы, везет больше и преуспевает. Праздность и труд дают различные результаты. Кто стремится к покою и создает себе досуг, не имеет основания жаловаться. Он не может одновременно и предаваться праздности, и ложить плоды работы.

...В общем, мои важнейшие выводы из опыта того года, дополненные наблюдениями последующих лет, можно свести к следующему:

1. Вместо работы на первый план ставятся финансы, что грозит тормозом работе и умаляет значение настойчивого труда.

2. Преобладающая забота о деньгах, а не о работе влечет за собою боязнь неудачи; эта боязнь тормозит правильный подход к делу, вызывает страх перед конкуренцией, заставляет опасаться изменения методов производства, опасаться каждого шага, вносящего изменение в положение дел.

3. **Всякому, думающему прежде всего об упорном труде, о наилучшем исполнении своей работы, открыт путь к успеху.**

...Мои компаньоны не представляли себе, что можно ограничиться одной-единственной моделью. Автомобильная промышленность шла по стопам велосипедной, где каждый фабрикант считал своим долгом обязательно выпустить в новом году такую модель, которая как можно меньше походила бы на все предыдущие, так что владелец старого велосипеда испытывал большой соблазн обменять свою машину на новую. Это считалось уменьем «делать дело». Такой же тактики держатся создатели дамских мод. В этом случае фабриканты руководятся не желанием создать что-либо лучшее, а лишь стремлением дать что-то новое. Изумительно, как глубоко вкоренилось убеждение, что бойкое дело, постоянный сбыт товара зависят не от того, чтобы раз навсегда завоевать доверие покупателя, а от того, чтобы сперва заставить его израсходовать деньги на покупку предмета, а потом убедить, что он должен вместо этого предмета купить новый.

...Мною был разработан план, который в то время мы не могли еще осуществить. Каждая отдельная часть должна быть сменной, чтобы в будущем, если понадобится, ее можно было заменить более усовершенствованной частью, автомобиль же в целом должен служить неограниченное время. **Вопросом моего честолюбия является, чтобы каждая отдельная часть машины, каждая мелкая деталь были сделаны настолько прочно и добросовестно, что никому не приходило**

бы в голову их заменять. Доброкачественная машина должна быть так же долговечна, как хорошие часы.

...Однообразная работа — постоянное повторение одного и того же, одним и тем же способом — является для некоторых чем-то отталкивающим. Для меня мысль об этом полна ужаса; для других, даже **для большинства людей, наказанием является необходимость мыслить.** Идеальной представляется им работа, не предъявляющая никаких требований к творческому инстинкту. Работы, требующие мышления в соединении с физической силой, редко находят охотников — мы постоянно должны искать людей, которые любили бы дело ради его трудности. Средний работник ищет, к сожалению, работы, при которой он не должен напрягаться ни физически, ни, особенно, духовно. Люди, мы бы сказали, творчески одаренные, для которых, благодаря этому, всякая монотонность представляется ужасной, легко склоняются к мысли, что и их ближние так же беспокойны, как они, и совершенно напрасно питают сострадание к рабочему, который изо дня в день выполняет почти одну и ту же работу.

Если смотреть в корень, то почти всякая работа является однообразной. Каждый деловой человек должен пунктуально совершать определенный круг; ежедневный труд директора банка основан почти исключительно на рутине; работа младших чиновников и банковских служащих чистейшая рутина. Для большинства людей установление определенного круга занятий и однообразная организация большей части работы являются даже жизненной необходимостью — ибо иначе они не могли бы заработать достаточно на свое существование. Напротив, нет ни малейшей надобности привязывать творчески одаренного человека к монотонной работе, так как спрос на творчески одаренных людей всюду очень велик. Никогда не будет недостатка в работе для того, кто действительно что-нибудь умеет; но мы должны все же признать, что воля к творчеству чаще всего отсутствует. Даже там, где она налицо, часто не хватает решимости и настой-

чивости в изучении. Одного желания создать что-нибудь далеко не достаточно.

Существует слишком много гипотез о том, какова должна быть истинная природа человека, и слишком мало думают о том, какова она в действительности. Так, например, утверждают, что творческая работа возможна лишь в духовной области. Мы говорим о творческой одаренности в духовной сфере: в музыке, живописи и других искусствах. Положительно, стараются ограничить творческие функции вещами, которые можно повесить на стену, слушать в концертном зале или выставить как-нибудь напоказ — там, где праздные и разборчивые люди имеют обыкновение собираться и взаимно восхищаться своей культурностью. Но тот, кто поистине стремится к творческой активности, должен отважиться вступить в ту область, где царствуют более высокие законы, чем законы звука, линии и краски, — он должен обратиться туда, где господствует закон личности. Нам нужны художники, которые владели бы искусством индустриальных отношений. Нам нужны мастера индустриального метода с точки зрения как производителя, так и продуктов. Нам нужны люди, которые способны преобразовать бесформенную массу в здоровое, хорошо организованное целое в политическом, социальном, индустриальном и этическом отношениях. Мы слишком сузили творческое дарование и злоупотребляли им для тривиальных целей. Нам нужны люди, которые могут составить план работы для всего, в чем мы видим право, добро и предмет наших желаний. Добрая воля и тщательно выработанный план работы могут воплотиться в дело и привести к прекрасным результатам. Вполне возможно улучшить условия жизни рабочего не тем, чтобы давать ему меньше работы, а тем, чтобы помочь ему увеличить ее. Если мир решится сосредоточить свое внимание, интерес и энергию на создание планов для истинного блага и пользы человечества, то эти планы могут превратиться в дело. Они окажутся солидными и чрезвычайно полезными как в общечеловеческом, так и в финан-

совом отношении. Чего не хватает нашему поколению, так это глубокой веры, внутреннего убеждения в живой и действительной силе честности, справедливости и человечности в сфере индустрии. Если нам не удастся привить эти качества к индустрии, то было бы лучше, если бы ее вовсе не существовало. Более того, дни индустрии сочтены, если мы не поможем этим идеям стать действительной силой. Но этого можно достигнуть, мы стоим уже на верном пути.

Если человек не в состоянии без помощи машины зарабатывать свой хлеб, то справедливо ли тогда отнимать у него машину лишь потому, что обслуживание ее монотонно? Или мы должны оставить его умирать с голоду? Не лучше ли помочь ему добиться приличных условий жизни? Может ли голод сделать человека счастливее? Если же машина, не будучи еще использована до пределов своей работоспособности, содействует, несмотря на это, благополучию рабочего, не увеличится ли значительно его благосостояние, если он станет производить еще больше, а следовательно, получать в обмен большую сумму благ?

Я не мог до сих пор установить, чтобы однообразная работа вредила человеку. Салонные эксперты, правда, неоднократно уверяли меня, что однообразная работа действует разрушительно на тело и душу, однако наши исследования противоречат этому. У нас был рабочий, который изо дня в день должен был выполнять только одно-единственное движение ногой. Он уверял, что это движение делает его односторонним, хотя врачебное исследование дало отрицательный ответ, он, разумеется, получил новую работу, при которой была занята другая группа мускулов. Несколько недель спустя он просил вернуть ему его старую работу. Несмотря на это, вполне естественно предположить, что выполнение одного и того же движения в течение восьми часов в день должно оказать уродливое влияние на тело, однако ни в одном случае мы не могли констатировать этого. Наши люди обыкновенно перемещаются по их желанию; было бы пустейшим

делом провести это всюду, если бы только наши люди были согласны. Однако они не любят никаких изменений, которые не предложены ими самими. Некоторые из наших приемов, несомненно, весьма монотонны — настолько монотонны, что едва ли можно поверить, чтобы рабочий желал выполнять их продолжительное время. Одна из самых тупых функций на нашей фабрике состоит в том, что человек берет стальным крючком прибор, болтает им в бочке с маслом и кладет его в корзину рядом с собой. Движение всегда одинаково. Он находит прибор всегда на том же месте, делает всегда то же число взбалтываний и бросает его снова на старое место. Ему не нужно для этого ни мускульной силы, ни интеллигентности. Он занят только тем, что тихонько двигает руками взад и вперед, так как стальной крючок очень легок. Несмотря на это, человек восемь долгих лет остается на том же посту. Он так хорошо поместил свои сбережения, что теперь обладает состоянием около 40 000 долларов и упорно противится всякой попытке дать ему другую работу.

Даже самые тщательные исследования ни разу не обнаружили деформирующего или изнуряющего действия на тело или дух. Кто не любит однообразной работы, тот не обязан оставаться при ней. В каждом отделении работа, в зависимости от ее ценности и ловкости, требующейся для ее выполнения, разделяется на классы А, В и С, из которых каждый, в свою очередь, обнимает десять различных функций. Рабочие из бюро личного состава направляются прямо в класс С; научившись чему-нибудь — в класс В и так далее до класса А, откуда они могут продвинуться или в инструментальную мастерскую, или на пост наблюдателя. От них зависит создать себе положение. Если они остаются при машинах, то лишь потому, что им там нравится.

В одной из предыдущих глав я уже заметил, что телесные недостатки не являются основанием для отказа кандидатам на работу. Этот принцип на заводах Форда вступил в силу 12 января 1914 г. одновременно с введением минималь-

ной оплаты в 5 долларов в день и восьмичасового рабочего времени. В связи с этим было установлено, что никто не может быть рассчитан на основании телесных недостатков, разумеется, за исключением заразных болезней. Я того мнения, что в промышленном предприятии, которое строго выполняет свою задачу, служащие в среднем должны обладать такими же качествами, как в любом среднем слое человеческого общества. Больные и калеки встречаются всюду. Среди большинства господствует довольно великодушный взгляд, что все, не способные к труду, должны ложиться бременем на общество и содержаться на счет общественной благотворительности. Правда, есть случаи, например, с идиотами, когда, насколько я знаю, нельзя обойтись без общественной благотворительности, однако это исключение, и при разнообразии функций, существующих в нашем предприятии, нам удавалось почти всякому обеспечивать существование участием в полезной деятельности. Слепой или калека, если его поставить на подходящее место, может сделать совершенно то же и получить ту же плату, что и вполне здоровый человек. Мы не делаем для калек предпочтения, но мы показали, что они могут заработать себе полное вознаграждение.

...Среди деловых людей постоянно можно слышать выражение: «Я тоже плачу обычные ставки». Тот же самый делец вряд ли стал бы заявлять о себе: «Мои товары не лучше и не дешевле, чем у других». Ни один фабрикант в здравом уме не стал бы утверждать, что самый дешевый сырой материал дает и лучшие товары. Откуда же эти толки об «удешевлении» рабочей силы, о выгоде, которую приносит понижение платы, — разве оно не означает понижение покупательной силы и сужения внутреннего рынка? **Что пользы в промышленности, если она организована так неискусно, что не может создать для всех, участвующих в ней, достойного человека существования?** Нет вопроса важнее вопроса о ставках — большая часть населения живет заработной платой. Уровень ее жизни и ее вознаграждения определяет благосостояние страны.

Во всех фордовских производствах мы ввели минимальное вознаграждение в шесть долларов ежедневно. Ранее оно составляло пять долларов, а вначале мы платили то, что от нас требовали. Но было бы скверной моралью и самой скверной деловой системой, если бы мы пожелали вернуться к старому принципу «обычной платы».

...Честолюбие каждого работодателя должно было бы заключаться в том, чтобы платить более высокие ставки, чем все его конкуренты, а стремление рабочих — в том, чтобы практически облегчить осуществление этого честолюбия. Разумеется, в каждом производстве можно найти рабочих, которые, по-видимому, исходят из предположения, что всякая сверхпродукция приносит выгоду только предпринимателю. Жаль, что такое убеждение вообще может иметь место. Но оно действительно существует и даже, может быть, не лишено основания. Если предприниматель заставляет своих людей работать изо всех сил, а они через некоторое время убеждаются, что не получают за это оплаты, то вполне естественно, что они снова начинают работать с прохладцей. Если же они видят плоды своей работы в своей расчетной книжке, видят там доказательство того, что повышенная производительность означает и повышенную плату, они начинают понимать, что и они входят в состав предприятия, что успех дела зависит от них, а их благополучие — от дела.

...В течение долгих лет я довольно многому научился в тарифном вопросе. Прежде всего, я полагаю, что, помимо всего прочего, наш собственный сбыт до известной степени зависит от ставок, которые мы платим. Если мы в состоянии давать высокую плату, то этим выбрасывается много денег, которые содействуют обогащению лавочников, торговых посредников, фабрикантов и рабочих других отраслей, а их благосостояние окажет влияние и на наш сбыт. Повсеместное высокое вознаграждение равносильно всеобщему благосостоянию — разумеется, предполагая, что высокие ставки являются следствием повышенной производительности. Повышение пла-

ты и понижение выпуска продукции было бы началом упадка хозяйственной жизни.

...На основании этих твердо установленных фактов в январе 1914 г. мы оповестили о плане участия в прибылях и провели его в жизнь. Минимальная плата за всякий род работы при известных условиях была финансирована в 5 долларов ежедневно. Одновременно мы сократили рабочий день с десяти до восьми часов, а рабочую неделю до 48 рабочих часов. Все это было проведено совершенно свободно. Все наши ставки были введены нами добровольно. По нашему мнению, это соответствовало справедливости, а, в конечном счете, этого требовала и наша собственная выгода. **Сознание, что делаешь других счастливыми** — до известной степени можешь облегчить бремя своих ближних, создать излишек, откуда проистекают радость и сбережение, — это **сознание всегда дает счастье**. Добрая воля принадлежит к числу немногих действительно важных вещей в жизни. Человек, сознавший свою цель, может достигнуть почти всего, что он себе наметил: но если он не умеет создать в себе доброй воли, то его приобретение невелико.

...«Если вы требуете от кого-нибудь, чтобы он отдал свое время и энергию для дела, то позаботьтесь о том, чтобы он не испытывал финансовых затруднений. Это окупается. Наши прибыли доказывают, что, несмотря на приличные тарифы и премиальное вознаграждение, которое до реформы нашей системы составляло ежегодно около десяти миллионов долларов, **высокие ставки являются самым выгодным деловым принципом**».

...Связь с банкирами и является бедой для промышленности. Банкиры думают только о денежных формулах. Фабрика является для них учреждением для производства не товаров, а денег. Они не могут постичь, что предприятие никогда не стоит на месте, что оно либо движется вперед, либо идет назад. Они рассматривают понижение цен скорее как выброшенную прибыль, чем как основание для улучшения дела.

Банкиры играют в промышленности слишком большую роль. Тайно это признало большинство деловых людей. Открыто это признается редко из страха перед банкирами. **Легче заработать состояние денежными комбинациями, чем производственной работой.** Удачливый банкир в среднем менее умен и дальнозорок, чем удачливый предприниматель, и все-таки банкир практически господствует в обществе над предпринимателем посредством господства над кредитом.

Могущество банков за последние 15—20 лет, в особенности со времени войны, очень возросло, и федеральная резервная система предоставляла им по временам почти неограниченный кредит. Банкир в силу своей подготовки и прежде всего по своему положению совершенно не способен играть руководящую роль в промышленности. **Поэтому не является ли тот факт, что владыки кредита достигли за последнее время огромной власти, симптомом, что в нашей финансовой системе что-то гнило?** Банкиры попали в руководители промышленности вовсе не благодаря своей индустриальной проницательности. Скорее, они сами почти невольно вовлечены туда системой. Поэтому, что касается меня, мне хочется сказать, что **финансовая система, по которой мы работаем, вовсе не самая лучшая.**

...Внешняя торговля приводит ко многим заблуждениям. Следует пожелать, чтобы каждая нация научилась, насколько возможно, сама удовлетворять свои потребности. Вместо того, чтобы стремиться установить зависимость других наций от продуктов нашей промышленности, нам следовало бы желать, чтобы каждая нация создала свою собственную промышленность и собственную культуру, покоящуюся на твердом основании. Когда каждая нация научится производить те вещи, производство которых ей под силу, тогда мы постепенно дойдем до того, что станем служить друг другу в тех специальных областях, где отсутствует конкуренция. Северный умеренный пояс никогда не сможет конкурировать с тропиками в продуктах тропических стран. Наша страна никогда не

вступит в соревнование с Востоком в производстве чая или с Югом в производстве резины.

Наша внешняя торговля в значительной степени основана на отсталости наших заграничных покупателей. **Мотивом, питающим эту отсталость, является эгоизм.** Человечность — мотив, который может помочь отсталым нациям достигнуть прочного оазиса для независимого существования. Хороший пример — Мексика! Мы много слышим о каком-то «развитии» Мексики. Эксплуатация — вот то слово, которое было бы здесь более уместно. Если происходит эксплуатация естественных богатств лишь ради умножения частных состояний иностранных капиталистов, то это не развитие, а грабеж. Близорукие люди пугаются и возражают: «Что же станет тогда с нашей внешней торговлей? Если туземцы Африки начнут развозить свой собственный хлопок, население России само займется производством сельскохозяйственных машин, а Китай будет в состоянии сам удовлетворять свои потребности, то это, конечно, будет большой переменной; но разве есть хоть один умный человек, который бы серьезно верил, что мир в состоянии еще долго устоять на современных началах, когда немногие нации снабжают весь мир?» **Мы должны освоиться с мыслью о том времени, когда все народы будут уметь обходиться собственными силами.**

Если какая-либо страна безумно гордится своей внешней торговлей, то она, обыкновенно, находится в зависимости от ввоза чужого сырья. Она превращает свое население в фабричный материал, создает класс богачей, пренебрегая своими ближайшими, кровными интересами. В Соединенных Штатах мы так заняты развитием нашей собственной страны, что долго еще сможем обойтись без внешней торговли. Наше сельское хозяйство достаточно развито, чтобы пока прокормить нас, а денег для выполнения нашей работы у нас тоже достаточно.

Разве возможно что-либо более бессмысленное, чем картина безработицы в Соединенных Штатах, возникающей лишь

потому, что Япония или Франция нам не шлют заказов, в то время как нам понадобится еще сто лет работы для развития нашей собственной страны?

Торговля началась с оказывания взаимных услуг. Люди несли свой избыток тем, кто его не имел. Страна, в которой росла рожь, посылала свои богатства в страну, где рожь не произрастала. Лесная страна отправляла свой лес в безлесную равнину; страна, богатая виноградом, — свои плоды в страну Севера. Страна степная давала свое мясо местностям, лишенным пастбищ.

Все это были лишь взаимные услуги. Если все народы на земном шаре дойдут до возможности содержать самих себя, то торговля вернется к этому положению. Деловое предприятие превратится опять в услугу. Конкуренции не будет, ибо конкуренция окажется лишенной почвы. Народы будут совершенствоваться в производствах, ведущих, по своей природе, скорее к монополии, чем к конкуренции. Каждой расе присущи свои особенные природные дарования; одной — способность властвовать, другой — умение быть колонизатором, этой — призвание к мореплаванию, той — к музыке; одной — умение заниматься сельским хозяйством, другой — одаренность в деловой сфере и т.д. Линкольн как-то сказал, что наш народ не может дольше существовать, состоя из свободных и рабов. Также и человеческая раса не будет вечно состоять из эксплуататоров и эксплуатируемых. Это ненадежное положение вещей будет сохраняться до тех пор, пока мы не станем одновременно продавцами и покупателями, производителями и потребителями, поддерживающими это равновесие не ради прибыли, а ради взаимных услуг.

Франция в состоянии дать миру нечто такое, что никакая конструкция убить не может, точно так же Италия, Россия, Южно-Американские Штаты, Япония, Великобритания, Соединенные Штаты. Чем скорее мы вернемся к системе, основанной на естественных способностях, и совершенно откажемся от системы «тащи что можно», тем скорее мы обес-

печим самоуважение наций и международный мир. Попытка завладеть мировой торговлей может вызвать войну, но никогда не приведет к экономическому процветанию. Настанет день, когда даже международные финансовые круги поймут это.

...Тут возникает вопрос о сезонной работе. Строительное ремесло, например, зависит от времени года. Какая расточительность силы позволять строительным рабочим предаваться зимней спячке, покуда не настанут весна и лето! Не менее расточительно, когда обученные строительные рабочие, поступившие зимой на фабрику ради того, чтобы избежать потери заработка в течение мертвого сезона, принуждены оставаться на подначальной фабричной работе из боязни не найти ее на следующую зиму. Сколько мотовства, вообще говоря, в нашей теперешней неподвижной системе! Если бы фермер мог освободиться с фабрики на время посева, посадки и жатвы (которые, в конце концов, занимают только часть года), а строительный рабочий после зимней работы мог освобождаться для своего полезного ремесла, насколько было бы нам лучше от этого и насколько беспрепятственнее вертелся бы мир!

Что было бы, если бы мы все отправились весной и летом в деревню, чтобы вести 3—4 месяца здоровую жизнь земледельца! Нам не приходилось бы говорить о «застое».

Деревня тоже имеет свой мертвый сезон, сезон, когда фермеру надлежало бы отправиться на фабрику для того, чтобы помогать в производстве необходимых в его хозяйстве вещей.

И у фабрики бывает свой мертвый сезон, и тогда рабочий должен был бы отправиться в деревню и помогать возделывать хлеба. Таким образом, для всех явилась бы возможность избежать времени застоя, уравнивать искусственную и естественную жизнь.

Одной из самых больших выгод, достигнутых нами при этом, было бы гармоническое мировоззрение. Слияние раз-

личных ремесел является не только материально выгодным, но одновременно приводит нас к более широким горизонтам и более верному суждению о наших ближних. Будь наша работа разнообразнее, изучай мы также и другие стороны жизни, понимай мы, насколько мы необходимы друг другу, — мы были бы терпимее. Для каждого временная работа под открытым небом означает выигрыш.

Все это отнюдь не недостижимо. Истинное и желанное никогда не бывает недостижимым. Для этого требуется только немного совместной работы, немного меньше жадности и тщеславия и немного больше уважения к жизни.

Богачи хотят путешествовать по 3—4 месяца и празднично проводить время на каком-нибудь элегантном летнем или зимнем курорте. Большая часть американского народа хотела бы вовсе не так тратить свое время, даже если бы имела к тому возможность. Но она сейчас же согласилась бы на совместительство, обеспечивающее сезонную работу на открытом воздухе.

...Почему в цивилизованном обществе необходимо подавать милостыню? Я не имею ничего против благотворительности. Боже избави, чтобы мы стали равнодушны к нуждам наших ближних. В человеческом сочувствии слишком много прекрасного, чтобы я хотел заменить его холодным расчетливым рассуждением.

Можно назвать очень немного крупных достижений, за которыми не стояло бы сочувствие в качестве двигателя. Каждое достойное быть совершенным дело предпринимают ради помощи людям.

Плохо только, что мы этот высокий, благородный побуждатель применяем слишком мелочным образом. Если сочувствие побуждает нас накормить голодного, почему же оно не порождает в нас желания сделать этот голод невозможным? Раз мы питаем к людям достаточную симпатию для того, чтобы вызволять их из нужды, то чувство, конечно, должно быть настолько сильным, чтобы нужду совершенно уничтожить.

Подавать легко; гораздо труднее сделать подачку излишней. Чтобы достигнуть этого, нужно, не останавливаясь на индивидууме, уничтожить корень зла; разумеется, наряду с этим должна осуществляться помощь отдельным лицам; дело, однако, не должно ограничиваться этой временной помощью. Трудность добраться до подлинной причины только кажущаяся. Много людей предпочтут помочь бедной семье, чем серьезно задуматься над проблемой устранения бедности вообще.

...Профессиональная благотворительность не только бесчувственна; от нее больше вреда, чем помощи. Она унижает принимающего и притупляет самоуважение. В тесном родстве с ней сентиментальный идеализм. Всего несколько лет назад внезапно распространилась мысль, что «помощь есть нечто такое, чего мы по праву смеем ожидать от других». Бесчисленные люди стали получать «доброжелательную общественную помощь». Целые слои населения выдерживались в состоянии ребяческой беспомощности. Делать что-либо для других стало профессией. Это породило в народе все, что угодно, только не самоуверенность и далеко не устраняло обстоятельств, из которых проистекала мнимая нужда в помощи.

Но еще хуже, чем культивирование этой детской доверчивости взамен уверенного самосознания и твердой самопомощи, была та определенная ненависть, которая в большинстве случаев овладевала обаядетельствованными. Люди нередко жалуются на неблагодарность тех, кому они помогли. Нет ничего естественнее. Во-первых, в том, что носит название «благотворительность», очень мало подлинного, идущего от сердца сочувствия и заинтересованности. Во-вторых, никому не нравится быть вынужденным получать милостыню.

Такая «общественная помощь» создает напряженное положение, берущий излишки чувствует себя униженным подачкой, и еще очень большой вопрос, не должен ли чувствовать себя униженным и дающий. Благотворительность нико-

гда еще не разрешала задачи на сколько-нибудь длительный срок. **Благотворительная организация, не поставившая себе целью сделаться в будущем излишней, не исполняет подлинного своего назначения.** Она всего-навсего добывает содержание для самой себя и еще более усиливает «непродуктивность».

Благотворительность станет ненужной в тот миг, когда неспособные к содержанию самих себя будут извлечены из класса «непроизводящих» и включены в класс производящих. Опыты на нашей фабрике доказали, что в хорошо организованной промышленности всегда найдутся места для калек, хромых и слепых.

...Тот вид филантропии, который тратит время и деньги на то, чтобы помочь миру содержать самого себя, гораздо лучше, чем тот, который только дает и тем увеличивает праздность. **Филантропия, как все остальное, должна бы быть продуктивной,** и она, по моему мнению, в состоянии сделать это.

...Наша тактика преследует понижение цен, увеличение производства и усовершенствование товара. Заметьте, что на первом месте стоит понижение цен. Никогда мы не рассматривали наши издержки как твердую величину. Поэтому мы прежде всего сбавляем цены настолько, что можем надеяться приобрести возможно больший сбыт. Затем мы принимаемся за дело и стараемся изготовить товар за эту цену. О расходах при этом не спрашиваем. Новая цена сама собой понижает расходы. Обыкновенно поступают иначе. Сначала вычисляют издержки, а по ним цену. Может быть, с узкой точки зрения этот метод корректнее, но, смотря на вещи под более широким углом, его все-таки приходится считать ошибочным; что пользы точно знать расходы, если из них вытекает лишь то, что нельзя производить за ту цену, по которой продается товар? Гораздо важнее тот факт, что, хотя расходы поддаются точному вычислению, разумеется, и мы вычисляем их совершенно точно, но никто на свете не знает, каковы

они могут быть в действительности. Установить последнее возможно, назначая такую низкую цену, чтобы всякий был вынужден дать максимум в своей работе.

...Высокая заработная плата, к счастью, помогает уменьшать расходы, так как люди, не имея никаких денежных забот, становятся все исправнее в своей работе. Введение минимальной платы в 5 долларов за восьмичасовой рабочий день было одним из самых умных шагов в политике снижения цен, какие мы когда-либо делали. Как далеко мы можем еще пойти в этом направлении, пока невозможно определить. До сих пор мы всегда получали прибыль с назначенных нами цен, и так же, как мы не можем предсказать, насколько повысятся ставки оплаты, мы не можем заранее и вычислить, насколько удастся еще понизить цены; не имеет смысла ломать себе голову над этим. Трактор, например, вначале продавался за 750 долларов, затем за 850 и 625, и лишь недавно мы понизили цены до 395 долларов.

...Прежде всего, я считаю за лучшее продавать большее количество автомобилей с меньшей прибылью, чем малое количество с большей.

Мне кажется это более правильным потому, что таким путем дается возможность большему числу людей купить автомобиль и радоваться ему, причем одновременно много рабочих получают хорошо оплачиваемую работу. Я поставил себе целью жизни достигнуть этого. Но мое дело могло бы вместо успеха привести к полной неудаче, если б я не действовал, исходя из умеренной прибыли для себя и для участников предприятия.

Нельзя забывать, что всякий раз, когда цена автомобиля понижается без ущерба для качества, число случайных покупателей возрастает. Многие, которых отпугивает цена в 440 долларов, готовы заплатить 360 долларов за автомобиль. При цене в 440 долларов мы считали на круг 500 000 покупателей, при 360 долларах мы можем, по моим расчетам, поднять сбыт круглым числом до 800 000 — правда, единичная

прибыль на каждом автомобиле меньше, но число автомобилей и число занятых рабочих больше, и мы в конце концов достигнем общей цифры прибыли, выше которой вообще достичь нельзя.

Мне хотелось бы здесь же заметить, что я считаю неправильным извлекать из наших автомобилей чрезмерные прибыли. Умеренная прибыль справедлива, слишком высокая — нет. Поэтому с давних пор моим принципом было понижать цены так быстро, как только позволяет производство, и предоставлять выгоду от этого потребителям и рабочим — правда, с прямо поразительно огромными выгодами для нас самих.

Такая политика, конечно, не гармонирует с общим мнением, будто дело необходимо вести так, чтобы акционеры могли извлекать из него по возможности больше наличных денег. Я не могу поэтому пользоваться акционерами в общепринятом смысле слова, они не способствуют увеличению возможностей производства.

Если бы я был принужден выбирать между сокращением заработной платы и уничтожением дивидендов, я, не колеблясь, уничтожил бы дивиденды.

...Привычка к неудаче является матерью страха. Она глубоко укоренилась в людях. Люди хотели бы достичь цели, которая распространяется от А до Т. С А она им еще не подается, на В они испытывают затруднение, а на С натываются на, по-видимому, непреодолимое препятствие. Они кричат «пропало» и бросают все дело. Они даже не представили себе шансов настоящей неудачи; их взгляд не отличит ни правильного, ни неправильного. Они позволили победить себя естественным препятствиям, возникающим на пути всякого намерения.

Гораздо больше людей сдавшихся, чем побежденных. Не то чтобы им не хватало знаний, денег, ума, желания, а попросту не хватает мозга и костей. Грубая, простая, примитивная сила настойчивости есть некоронованная короле-

ва мира воли. Люди чудовищно ошибаются вследствие своей ложной оценки вещей. Они видят успехи, достигнутые другими, и считают их поэтому легко достижимыми. Роковое заблуждение! Наоборот, неудачи всегда очень часты, а успехи достигаются с трудом, неудачи получаются в результате покая и беспечности; за удачу же приходится платить всем, что у тебя есть, и всем, что ты есть. Поэтому-то удачи так жалки и презренны, если они не совпадают с общей пользой и прогрессом.

Человек все еще высшее существо природы. Что бы ни случилось, он человек и останется человеком. Он проходит сквозь смену обстоятельств, как сквозь смену температур, и остается человеком. **Если ему удастся возродить свой дух, ему откроются новые источники сокровищ его бытия.** Вне его самого нет безопасности, вне его самого нет богатств. Устранение страха создает уверенность и изобилие.

Пусть каждый американец вооружится против изнеженности. Каждый американец должен восстать против нее, т. к. это наркотическое средство. **Встаньте и вооружитесь, пусть милостыню получают слабые!**

По опробованному пути

Генри Форд родился в обыкновенной фермерской семье и окончил только обычную сельскую школу, но очень рано увлекся техникой. Умея работать руками, он буквально из металлолома собрал первый автомобиль, потом еще, потом организовал фирму, которая благодаря методам его хозяйствования стала по тем временам действительно королевством в мире бизнеса. Как видите из его принципов, Генри Форд — убежденный капиталист, если считать таковым и того, кто убежден в том, что средства производства должны находиться в частных руках. Но если всмотреться в его принципы, то он на первый взгляд выглядит ярким социалистом.

Сравните принцип социализма «от каждого по способностям, каждому по труду» и принцип Форда «если он ничего не дал обществу, то ему и требовать от общества нечего». Это ведь то же самое, но другими словами. А какой социалист не подпищется под его призывом: «*работу на общую пользу ставь выше выгоды*»? Или под его выводом «*всякая погоня за наживой — зло*»? Ведь, казалось бы, только социалист может так откровенно говорить: «*В цивилизации нет места тунеядцам*», и, наконец: «*Спекуляция... более пристойный вид воровства*».

На самом деле Генри Форд, конечно, не социалист, просто если мы задумаемся, зачем люди шли в революцию и за социализмом, то вспомним, что они шли за справедливостью — за отношениями, при которых общество должно существовать без паразитирования одних людей на других. И об этом же — о справедливости — пишет и капиталист Генри Форд.

Сталину, разумеется, эти сентенции Форда были мало интересны, поскольку борцом за справедливость он был сам, причем, и более решительным, и более бескомпромиссным. Кроме этого, они с Фордом резко расходились во взглядах на государство: Сталин его строил мощным и полагался на чиновников государства во всех делах, а Форд ужасался мощи правительства: «*Как только народ становится придатком к правительству, вступает в силу закон возмездия, ибо такое соотношение неестественно, безнравственно и противочеловечно*». (На самом деле страшно не государство, а бюрократическая система управления им. Сталин пытался бороться с бюрократами в этой системе с помощью опять же таки бюрократов, но из народного и партийного контроля, прокуратуры, госбезопасности и, благодаря своей настойчивости, порой добивался успеха, а Форд видел в США этих бюрократов государства в непуганном виде.)

Но хозяин (экономист) Сталин, безусловно, не мог пройти мимо хозяйственных принципов Форда.

А тот открыто провозглашал (и начал с этого книгу), что в основе всего должен лежать план — мозги хозяина, а не придурочное «регулирование посредством спроса на рынке». Думаю, что Сталину это и без Форда было понятно, но то, что один из самых успешных промышленников мира ставит во главу угла план, безусловно и Сталину, пусть хотя бы и морально, облегчало ставить страну на плановые рельсы.

Затем, хотя враждебное капиталистическое окружение и заставило СССР встать на путь автаркии — самообеспечения, — но то, что и Форд призывал к автаркии, также могло иметь для Сталина значение. Тем более что Форд и объяснял, почему нельзя увлекаться международной торговлей, — нельзя производство товаров своей промышленности ставить в зависимость от спроса в других странах. В своей стране спрос можно организовать вбросом денег, покупателям в чужой стране этот наиболее эффективный способ недоступен. *«А если мы не в состоянии производить, мы не в состоянии и обладать»* — поскольку: *«...только работа, одна только работа выводит на верную дорогу к здоровью, богатству и счастью»*.

Совершенно одинаковые принципы, которыми Форд и Сталин создавали рынок: Форд для продукции своей компании, а Сталин для продукции промышленности СССР. В отличие от Джона Ло, который насыщал рынок деньгами посредством кредитов, Форд и Сталин просто дали деньги покупателям, без возврата и процентов. Форд резко и почти на порядок поднял зарплату своим рабочим и этим спровоцировал повышение зарплат по всей Америке. Благодаря этому у США появились покупатели автомобилей Форда. А Сталин, как мы рассмотрели выше, в начале 30-х путем подъема цен на продукты более чем на порядок поднял доходы крестьян, особенно колхозников, и в шесть раз увеличил среднюю зарплату по СССР. Только в 1930 г. денежная масса на рынке СССР скачком была увеличена более чем в полтора раза. Кстати, в том же 30-м году Генри Форд

сказал о том, что сделал Сталин: *«Проекты Петра Великого по сравнению с планами Сталина никнут в своей незначительности».*

Причем, если даже Сталина и считать учеником Форда, то Сталин был не тупой демократ или перестройщик: он если что-то и брал у Форда, то брал это обдуманно. Скажем, Форд предлагал объединить сельское хозяйство с промышленностью с тем, чтобы часть сезона рабочий работал на полях, а остальную часть — на заводе. На мой взгляд, это замечательная мысль, но для СССР того времени она была неприемлема. А такие предложения — создать в колхозах промышленные производства — поступали. И логика в них вроде была — с увеличением степени механизации да плюс с обобществлением (укрупнением) полей и ферм, колхозник, и так слабо загруженный в межсезонье, еще больше простаивал. Сталин категорически отверг это предложение с истинно хозяйской жестокостью: если крестьянину дать загрузку прямо в деревне, то он не пойдет в город, не спустится в шахты. А шахты в каждом колхозе не построишь.

Кстати, и Форд был жестким хозяином, несмотря на свои гуманные устремления (устройство на работу инвалидов и т.д.). Как я уже писал, он начал критику международной еврейской семьи (семья — по-итальянски — мафия). И эта, владеющая почти всеми банками США, семья подгадала сложный для Форда час, когда у него подошли сроки возврата кредита, отказала в отсрочке и попыталась захватить его компанию. В этих условиях Форд пошел на так сказать «рационализацию» компании — сократил десятки тысяч рабочих и заставил остальных работать больше. Жестко? На первый взгляд — да. Но в свое время список выдающихся людей журналисты мира начинали с вождя индийского освободительного движения Джавахарлала Неру, а он писал: *«В одной из наших старинных книг на санскрите есть стихи, которые можно перевести следующим образом: «Ради семьи приносить в жертву отдельного человека, ради об-*

щины — семью, ради страны — общину, ради Души — целый мир». Что такое Душа, мало кто из нас знает или может сказать, и каждый волен толковать это на свой лад. Но урок, который преподают нам эти санскритские стихи, — это тот же урок сотрудничества и жертв ради общего блага. Мы в Индии на долгое время предали забвению этот прекрасный путь к подлинному величию, поэтому мы и пали» (Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. Т. 1. М., «Прогресс», 1989). Ни Форд, ни Сталин этот путь к подлинному величию не забывали.

Продолжим мысль о том, что экономист Сталин не копировал экономиста Форда, а брал только то, что считал приемлемым в конкретном хозяйстве СССР. Форд был ярким сторонником повременной оплаты труда, у которой есть масса своих преимуществ. Она проста, резко облегчаются расчеты зарплаты, но, главное, она всех в толпе равняет и не дает места зависти. А сплоченная толпа это немалая сила. Подгонял же Форд всю толпу ускорением движения конвейера (уже в 20-х годах с конвейера Форда автомобиль сходил каждые 17 секунд). Форд заставлял творить всю толпу вместе. Но наиболее способные рабочие выделялись им сначала в десятники (либо снимались с конвейера и переводились в инструментальные цеха), их учили, из них делали инженеров. Тем не менее, повторю, увеличения производительности труда Форд добивался ускорением движения конвейера.

В СССР к этому относились критически и называли «потогонной системой Форда». Сталин был сторонником сдельной оплаты труда, несмотря на то, что она имеет много недостатков. Причем не столько в сложности расчетов, сколько в напряженном психологическом климате в коллективе. Дело в том, что толпа не любит тех, кто очень далеко от нее уходит. Хороших мастеров, умеющих сделать то, что другие не умеют, уважает. Но когда такой же, как и толпа, начинает делать очень много, его порой ненавидят. (Идущий

на шаг впереди толпы — лидер, идущий на 10 шагов впереди — предатель!) И причина на поверхности: такой передовик делает толпу даже в ее собственных глазах плохими работниками, он заставляет их работать больше, он заставляет ее творить, а не каждый этого хочет даже за дополнительные деньги. К слову сказать, до революции опытные подрядчики применяли такой прием. Вот, к примеру, бригада землекопов из 50 человек отсыпает железнодорожную насыпь, и все получают 1 рубль в день. Подрядчик тайно договаривается с одним из рабочих, что будет платить ему 5 рублей в день за то, что тот, пусть и кратковременно, но постарается vorочать в два-три раза больше земли, чем остальные. Бригада, казалось бы, могла бы и не обращать на этого «энтузиаста» внимания, но не может — она волей-неволей начинает за ним гнаться, но любви народной это ему не добавляет. Трудно сказать, насколько в свое время В. Высоцкий понимал, о чем поет, но у него есть песня, в которой ситуация с передовиком описана очень достоверно. По сюжету песни передовика завалило в шахте, и его товарищи должны его спасти:

Спустились в штрек, и бывший зэк,
Большого риска человек,
Сказал: беда на всех на нас одна.
Вот раскопаем, он опять
Начнет три нормы выполнять,
Начнет стране угля давать,
И нам — хана!

И дело не в зэке, а в толпе: толпа инертна и не хочет двигаться вперед, даже когда может. При Сталине понимали трудную роль передовиков, их берегли, их защищали слабой, их рекорды готовили, их усиленно рекламировали. И в целом результат был сильнейший. Даже Гитлер, экономист

не из последних, при котором Германия каждые четыре года удваивала национальный доход и который имел славившихся во всем мире своим трудолюбием и дисциплиной немцев, говорил: *«И было бы глупо высмеивать стахановское движение. Вооружение Красной Армии — наилучшее доказательство того, что с помощью этого движения удалось добиться необычайно больших успехов в деле воспитания русских рабочих с их особым складом ума и души»* (Пикер Г. Застойные разговоры Гитлера).

(Если кто забыл, то напомним, что стахановское движение — это рабочие на всех заводах, которые, как правило, за счет творческого подхода к труду во много раз перекрывали обычные нормы выработки. Названо по имени передовика-шахтера А.Г. Стаханова. Его именем, кстати, назван город в Донбассе — это к вопросу о том, каким почетом в СССР при Сталине пользовались творцы.) Поскольку Гитлер упомянул об оружии, то можно вернуться к той странице, на которой я показал, как за годы войны стремительно снизилась цена оружия, а ведь в основе этого снижения стояли такие передовики, как Стаханов. Они, а не конвейер, задавали темп работы, за ними двигалась масса, затем увеличивались для всех нормы выработки и снижались расценки, тут уж и ленивые обязаны были шевелиться, чтобы иметь прежнюю зарплату. .

А это снижение затрат на зарплату, плюс снижение условно-постоянных расходов в связи с ростом производства, давало большую разницу между ценой и себестоимостью, которая обычно называется прибылью.

Испокон веков любой хозяин стремился эту прибыль положить себе в карман, и лишь два экономиста — Форд и Сталин — направляли ее на развитие рынка своей промышленности: они упорно и планомерно снижали цены. Напомню, что этим достигается гораздо большее увеличение спроса, нежели при его увеличении выбросом денег на ры-

нок. При снижении цен деньги дорожают и, следовательно, на непотраченный сегодня рубль завтра можно тех же товаров купить гораздо больше. Никто, повторю, кроме Форда и Сталина, этот экономический прием не осуществлял. Да, бывает, в ходе конкуренции с целью отобрать рынок у других производителей цены снижают, но, как только появляется возможность, их снова поднимают. Так развивать рынок, как его развивали Форд и Сталин, никто не развивал и не развивает. Сегодня, кстати, это и невозможно, поскольку для этого надо, чтобы во главе рынка стояли экономисты, а где они? Доктора экономических наук имеются, а где экономисты?

А тогда, при Сталине, после того, как в 1947 г. был стабилизирован рубль и цены, началось планомерное и ежегодное снижение цен на все товары и рынок СССР становился все более емким и емким, промышленность и сельское хозяйство крутились на полную мощность и непрерывно наращивали производство, а «разворот товарооборота» — длинные цепочки покупок-продаж полуфабрикатов — автоматически увеличивал число хозяев (экономистов), которые, борясь за снижение цены своих товаров и услуг, не давали производить ненужные вещи или товары в ненужном количестве. Я уже давал текст, который приведу ниже, но есть вещи, которые не грех повторять и повторять.

Поскольку правда истории заключена в бухгалтерских книгах, то дам выписки из этих книг, подобранные экономистом В. Шараповым:

«Давайте же посмотрим на цены того времени.

Самым низким после 1921—1922 гг. уровень жизни в СССР был в 1946—1947 гг.

Какие цены были в 1947 г. (год денежной реформы) на основные продукты питания и товары народного потребления и какими они стали через шесть лет (в год смерти Сталина), явствует из приведенной ниже таблицы.

Наименование продуктов и товаров	Цены в сталинских руб.		Снижение цен
	1947 год	1953 год	
Хлеб белый и хлебобулочные изделия (1 кг)	5 руб. 50 коп.	3 руб.	в 1,8 раза
Хлеб черный	3 руб.	1 руб.	в 3 раза
Мясо (говядина)	30 руб.	12 руб. 50 коп.	в 2,4 раза
Рыба (судак)	12 руб.	7 руб. 10 коп.	в 1,7 раза
Молоко (1 л)	3 руб.	2 руб. 24 коп.	в 1,3 раза
Масло сливочное	64 руб.	27 руб. 80 коп.	в 2,3 раза
Яйца (десяток)	12 руб.	8 руб. 35 коп.	в 1,45 раза
Сахар-рафинад	15 руб.	9 руб. 40 коп.	в 1,6 раза
Масло растительное	30 руб.	17 руб.	в 1,75 раза
Водка	60 руб.	22 руб. 80 коп.	в 2,6 раза
Пиво (0,6 л)	5 руб.	2 руб. 96 коп.	в 1,7 раза
Банка крабов	20 руб.	4 руб. 30 коп.	в 4,6 раза
Автомобиль «Победа»	-	16 000 руб.	-
Автомобиль «Москвич»	-	9000 руб.	-
Обувь (пара, в среднем)	260 руб.	188 руб. 50 коп.	в 1,35 раза
Ситец (1 м)	10 руб. 10 коп.	6 руб. 10 коп.	в 1,74 раза
Шерстяная ткань (1 м)	269 руб.	113 руб.	в 2,5 раза
Шелк натуральный	137 руб.	100 руб.	в 1,37 раза
Стоимость продовольственной корзины в месяц	1130 руб.	510 руб.	в 1,75 раза

Необходимо иметь в виду, что продовольственная корзина, разработанная в 1950 г. советскими учеными, была значительно «тяжелее» той, которую предложили в 1994 г. «ученые-демократы», в таблице ниже дано их сравнение.

Годовая норма потребления в кг	1953 год	1994 год	Снижение
Хлеб (белый и черный)	183	102	в 1,7 раза
Картофель	114	105	в 1,08 раза
Овощи и бахчевые	141	110	в 1,28 раза
Фрукты	91	41	в 2,2 раза
Мясо и мясные продукты	63	50	в 1,25 раза

Рыба	21	15	в 1,4 раза
Молоко (л)	365	246	в 1,47 раза
Яйца (шт.)	350	140	в 2,5 раза

Цены на колхозных рынках в 1953—1955 гг. почти не отличались от розничных государственных. Те потребители, которые не хотели стоять в очереди за дешевыми продуктами, могли с небольшой переплатой приобрести продукты на колхозном рынке (а иногда рыночные товары были дешевле), причем продукты высококачественные, не испорченные нитратами, не замороженные, а свежие.

Такой была картина вплоть до рокового решения Н.С. Хрущева о сокращении у колхозников приусадебных участков в 1959 г. Однако и после этого возросшие на колхозных рынках цены не превышали государственные более чем в 1,5—2 раза.

Заработная плата рабочих в 1953 г. колебалась от 800 до 3000 и выше рублей, что говорит об отсутствии в то время уравниловки.

Шахтеры и металлурги-стахановцы получали в то время до 8000 руб. в месяц.

Заработная плата молодого специалиста-инженера составляла 900—1000 рублей, старшего инженера — 1200—1300 рублей.

Секретарь райкома КПСС получал 1500 рублей в месяц.

Оклад союзного министра не превышал 5000 рублей, зарплата профессоров и академиков была выше, нередко превышая 10 000 руб.

Покупательная способность 10 рублей по продуктам питания и товарам народного потребления была выше покупательной способности американского доллара в 1,58 раза (и это при практически бесплатных жилье, лечении, домах отдыха и т. д.).

С 1928 по 1955 гг. рост продукции массового потребления в СССР составлял 595% из расчета на душу населения.

Реальные доходы трудящихся выросли в сравнении с 1913 г. в 4 раза, а с учетом ликвидации безработицы и сокращения продолжительности рабочего дня — в 5 раз.

В то же время в странах капитала уровень цен на важнейшие продукты питания в 1952 г. в процентах к ценам 1947 г. значительно увеличился.

Товар	Процент подорожания		
	США	Англия	Франция
Хлеб	128	190	208
Мясо	126	135	188
Масло	104	225	192
Сахар	106	233	370

И если бы сталинская плановая система была сохранена и еще разумно усовершенствована, а И.В. Сталин понимал необходимость усовершенствования социалистической экономики (ведь недаром в 1952 г. появился его труд «Экономические проблемы социализма в СССР»), если бы на первое место была поставлена задача дальнейшего повышения уровня жизни народа (а в 1953 г. никаких препятствий к этому не было), мы уже к 1970 г. были бы в первой тройке стран с самым высоким уровнем жизни.

Вот этим устойчивым улучшением жизни советского народа пугают сегодняшние демократы оболваниваемый ими народ. Умалчивая о том, что Советское государство первым в мире ввело: 8-часовой рабочий день, гарантированное бесплатное образование и здравоохранение, почти бесплатное жилье, пенсию, оплачиваемый отдых, самый дешевый в мире общественный транспорт. СССР первым в Европе после войны отменил карточную систему.

Успехи СССР не на шутку тревожили капиталистические страны, и в первую очередь США.

В сентябрьском номере журнала «Нейшнл бизнес» за 1953 г. в статье Герберта Гарриса «Русские догоняют нас...» отмечалось, что СССР по темпам роста экономической мощи

опережает любую страну и что в настоящее время темп роста в СССР в 2—3 раза выше, чем в США.

Кандидат в президенты США Стивенсон оценивал положение таким образом, что если темпы производства в сталинской России сохранятся, то к 1970 г. объем русского производства в 3—4 раза превысит американский. И если это произойдет, то последствия для стран капитала (и в первую очередь для США) окажутся по меньшей мере грозными.

А Херст, король американской прессы, после посещения СССР предлагал и даже требовал создания постоянного совета планирования в США.

Капитал отлично понимал, что ежегодное повышение уровня жизни советского народа является самым веским аргументом в пользу превосходства социализма над капитализмом.

Капиталу, однако, повезло: умер (скорее был умерщвлен) Сталин (*Шарапов В. Миг между прошлым и будущим. М., Палея-Мишин, 2000*).

А тогда данная экономическая ситуация привела 1 марта 1950 г. Правительство СССР к такому решению:

«В западных странах произошло и продолжается обесценение валют, что уже привело к девальвации европейских валют. Что касается США, то непрекращающееся повышение цен на предметы массового потребления и продолжающаяся на этой основе инфляция, о чем неоднократно заявляли ответственные представители правительства США, привели также к существенному понижению покупательной способности доллара.

В связи с вышеуказанными обстоятельствами покупательская способность рубля стала выше его официального курса.

Ввиду этого Советское правительство признало необходимым повысить официальный курс рубля, а исчисление кур-

са рубля вести не на базе доллара, как это было установлено в июле 1937 года, а на более устойчивой золотой основе, в соответствии с золотым содержанием рубля.

Исходя из этого, Совет Министров Союза ССР постановил:

1. Прекратить с 1 марта 1950 года определение курса рубля по отношению к иностранным валютам на базе доллара и перевести на более устойчивую золотую основу, в соответствии с золотым содержанием рубля.

2. Установить золотое содержание рубля в 0.222 168 грамма чистого золота.

3. Установить с 1 марта 1950 года покупную цену Госбанка на золото в 4 рубля 45 копеек за 1 грамм чистого золота.

4. Определить с 1 марта 1950 года курс в отношении иностранных валют, исходя из золотого содержания рубля, установленного в пункте 2:

4 руб. за один американский доллар вместо существующего — 5 р. 30 коп.

11 руб. 20 коп. за один фунт стерлингов вместо существующего — 14 р. 84 коп.

Поручить Госбанку СССР соответственно изменить курс рубля в отношении к другим иностранным валютам.

В случае дальнейших изменений золотого содержания иностранных валют или изменений их курсов Госбанку СССР устанавливать курс рубля в отношении к иностранным валютам с учетом этих изменений» («Правда», 01.03.1950).

Вдумайтесь, на что посягнул Сталин — на святая святых США, на их базу для паразитирования, на доллар! Ведь благодаря тому, что в международной торговле универсальной валютой является доллар, США имеет возможность всучивать миру крашеную бумагу с портретами своих президентов вместо реальных ценностей. А Сталин не то что отказался использовать доллар во все расширяющейся международной торговле СССР, он даже оценивать товары в долларах

прекратил. Можно ли сомневаться, что для США он стал самым ненавистным человеком?

А давайте зададим себе детски-наивный вопрос: а почему мы не пользуемся в международной торговле золотом, которое как-никак, но является реальной ценностью, а пользуемся какими-то виртуальными деньгами, которые в США ничем не обеспечены и, более того, США и не обещают их обеспечивать? Почему, отправляя за границу принадлежащую нашим детям нефть и получая за нее «Мерседес», мы говорим, что «он стоит 100 000 долларов», а не «3000 унций золота»? Есть ли на этот вопрос вразумительный ответ?

Ведь сегодня, когда реальных перевозок золота за товары не производится (как не производится реальных перевозок долларовых купюр), наличное количество золота может обеспечить всю международную торговлю. Если его будет не хватать, то золото будет просто дорожать в цене. Почему же не перейти к расчетам в золотом эквиваленте?

Ответ один: если мир откажется от доллара и перейдет к золоту, то со всего мира в США потекут долларские купюры с требованием обменять их на реальные товары. А там этих товаров нет, настолько нет, что даже если все США продать в ценах по нынешнему курсу доллара, то напечатанные к настоящему времени доллары все еще частью останутся неотобработанными. Даже Генри Форд в начале 20-х годов, задавшись вопросом: *«Не является ли тот факт, что владыки кредита достигли за последнее время огромной власти, симптомом, что в нашей финансовой системе что-то гнило?»* — не представлял, до какого маразма доведет США эта финансовая система. И как легко сегодня уничтожить США при помощи их же долларов.

Возникает вопрос: тогда почему же не уничтожат, почему не вернут долларские бумажки в США? Потому, что нынче во главе крупных стран мира нет ни Сталиных, ни даже де Голлей. (В свое время президент Франции гене-

рал де Голль собрал во Франции все долларовые купюры, вывез в США и заставил обменять на золото. После этого США объявили, что они свои доллары на свое золото больше не меняют, т.е. доллар сегодня является абсолютно необеспеченной валютой.)

Не только правящий режим России обворовывает Россию и прячет украденные деньги в долларах за рубежом. Пользуются случаем и деятели других стран. И для этих воров обесценивание доллара — это обесценивание украденного. Казалось бы, что за свои украденные доллары воры могли бы купить золото и жить спокойно, но США еще и международный жандарм. Американцы разыщут украденное в любом банке и отберут, как у шаха Ирана. Они бомбами, а не какими-либо экономическими методами поддерживают курс доллара, и воры во власти во всех странах это знают и на доллар не посягают. Повторю: не Сталины они и не де Голли.

Глава 9

СТРАНА БЕЗ ХОЗЯИНА

Немного о прошлом

Но вот в начале марта 1953 г. был убит Сталин (Мухин Ю. Убийство Сталина и Берия. М., Крымский мост, 2002). Убит за попытку на XIX съезде ВКП(б) передать власть от партийной номенклатуры Советам. В конце июня того же года был коварно убит и Л.П. Берия, попытавшийся продолжить начатую Сталиным перестройку. У власти оказались бюрократы — люди, которые Сталина считали своим начальником, которые несколько десятилетий выполняли его указания и посему, так или иначе, отвыкли думать об общей сути этих указаний — о том, зачем они даются, как они должны повлиять на общее состояние дел. У Сталина начальников не было (сотня членов ЦК ВКП(б) и съезды не в счет — эти люди сами смотрели Сталину в рот, а не командовали им), поэтому Сталин должен был до всего доходить своим умом. Напомню, что он собирал в свою библиотеку книги, которые прочел и которые предполагал впоследствии или перечитать, или использовать. Только в библиотеке его дачи (на которой он жил последние годы) было 20 тысяч томов, из которых 5,5 тысячи было исписаны пометками Сталина, т.е. изучены досконально. У его соратников так работать не было необходимости: возник трудный вопрос — пошел к Сталину и спросил, что делать. А потом де-

лай это, и можно не думать, зачем ты это делаешь — Сталин приказал!

Сталин умер, спрашивать стало не у кого. И сначала Хрущев, а затем и все остальные за ним стали узнавать, что делать, у ученых — они ведь умные! И началась вакханалия идиотизма, при которой правительство СССР внедряло в жизнь мероприятия одно за другим без малейших хозяйских оценок того, как они повлияют на общее состояние дел.

Возьмем, к примеру, сельское хозяйство сразу после Сталина в период правления Хрущева. Еще при Сталине была создана комиссия под председательством выдающегося биолога Т.Д. Лысенко по планированию развития этой отрасли. Комиссия пришла к выводу, что экономичнее всего на том этапе вложить деньги в традиционные сельскохозяйственные районы России и Украины (в которых уже есть села, дороги, элеваторы и т.д.) и за счет удобрений, мелиорации, посадки лесополос в степях, строительства сельхозкомплексов получить большой и быстрый эффект от увеличения урожайности сельхозкультур. А в это время на целинных землях Казахстана, Сибири и Алтая построить испытательные станции, на которых определить, как распахивать целину, какие сорта сеять, в какие сроки, как бороться с засухой, с сорняками и т.д. И уж потом на прибыль от роста урожайности в традиционных районах земледелия осмотрительно освоить и целинные земли. Но научные противники Лысенко, так называемые генетики, убедили Хрущева, что Лысенко дурак, не понимающий величия Моргана и Вейсмана и того, что если распахать Целину, то хлеба сразу будет очень много. И начиная с 1954 г. СССР израсходовал огромные средства на освоение целинных земель, миллионы энтузиастов переехали туда на жительство. И первые три года Целина давала огромные урожаи, но толку от этого было мало, поскольку еще не было ни дорог, ни элеваторов и зерно, если его убирали, гнивало на токах. Распахали на Целине 41,8 млн. га (в царской России, включавшей Польшу и Финлян-

дию, пахали всего 118 млн. га). А потом начались пыльные бури, которые сдули плодородный слой целинных земель, не защищенный ни лесополосами, ни агротехникой, и хлеб вообще перестал расти. И спустя 20 лет в Казахстане урожайность в 3,7 ц с гектара была плановой, а на Украине за урожайность в 10 раз выше агронома выгоняли с работы, так как такую урожайность считали неурожаем. Колоссальные убытки легли на себестоимость сельхозпродукции в целом по СССР при мизерном результате.

Л.И. Брежнев, которому не было никакого смысла уменьшать достижения Целины, сообщил в своем бестселлере, что за 24 года своей истории Целина дала 250 млн. тонн зерна, т.е. чуть более 10 млн. тонн в год. (Брежнев Л.И. Целина. М., Политиздат, 1979). Урожайность же по всему СССР в зависимости от погоды колебалась от 180 до 220 млн. тонн. Т.е., если на Украине и юге России в мае и начале лета пройдут дожди, то в Казахстане можно и не сеять: колебания урожайности в традиционных районах с лихвой перекрывали урожай Целины. Лысенко-то знал, что предлагал. И сегодня, по прошествии почти 50 лет, член-корреспондент РАН, директор Института степи Уральского отделения РАН А. Чибилев пишет:

«После смены руководства страны весной 1953 года травопольная система земледелия была сперва раскритикована, а затем даже запрещена. Тогда же были ликвидированы лесозащитные и другие агробиологические станции. Более того — власти предписали впредь не ухаживать за лесозащитными полосами, созданными в 1948—1953 годах и позволившими предотвратить во многих регионах опустынивание, засоление почв, снижение их естественного плодородия. (Программа создания лесозащитных полос в сочетании с травопольными севооборотами на прилегающих землях была рассчитана на 1948—1963 годы.) Страна начала невиданную в истории цивилизации распашку целинных степей и лесостепных земель. Такая аграрная политика стала роковой для страны» («Русский деловой вестник» № 1, 2002).

А в 1958 г. были ликвидированы машинно-тракторные станции (МТС) и вся сельхозтехника была передана колхозам и совхозам. Товарооборот в производстве сельхозпродукции был резко сокращен. Ни Хрущев, ни его консультанты — «ученые-экономисты» абсолютно не понимали того, почему Сталин требовал всемерного *«разворота товарооборота»*. МТС пахали землю, убирали урожай ограниченного числа колхозов, цены на использование техники МТС были фиксированы, следовательно, и доход МТС был фиксированным. Чтобы не потерпеть убытков, МТС обязаны были очень бережно относиться к своим основным затратам — к покупке тракторов, комбайнов, автомобилей и т.д., к их ремонту и рациональной эксплуатации. Если бы МТС оставались, то они бы не дали СССР производить сельхозтехнику в таких удручающе огромных количествах — они бы не покупали ее. А у колхозов, повторю, затраты на технику были всего лишь одной из строчек общих затрат на производство продукции. Цепочка товарооборота — тракторный завод продал трактор МТС, а МТС продала вспаханное поле колхозу, — которую так настойчиво сохранял Сталин, позволяла сокращать затраты и сохранять ресурсы страны чисто экономическим способом, безо всяких кампаний «борьбы за бережное отношение».

Эти хрущевские эксперименты проводились еще в послесталинском СССР, когда производство в сельском хозяйстве, как и во всех остальных отраслях, шло достаточно быстро, но теперь затраты на сельское хозяйство опережали рост продовольствия. В условиях, когда у руля страны стоят люди не соображающие, что делают, снижать цены было некуда, их планомерное снижение прекратилось, а в 1961 г. произошел первый подъем цен. Накануне, в 1960 г., был отправлен на пенсию министр финансов А.Г. Зверев. Прошли слухи, что он пытался застрелить Хрущева, а такие слухи убеждают, что уход Зверева не обошелся без конфликта. Возможно, в основе этого конфликта была денежная ре-

форма 1961 г., а как мы помним по реформе 1947 г., такие мероприятия начинают готовиться примерно за год до их проведения. Хрущев, видимо, не мог решиться открыто поднять цены в условиях, когда народ явственно помнил, что при уже заплеванном Хрущевым Сталине цены не поднимались, а ежегодно снижались. Официально целью реформы было объявлено спасение копейки, дескать, на копейку ничего нельзя купить, поэтому рубль надо деноминировать — увеличить его номинал в 10 раз. Заметим, что такая скромная деноминация никогда не проводится, к примеру, в 1997 г. рубль был деноминирован в 1000 раз, хотя копейку сразу же выбрасывали из сдачи даже нищие — в 1997 г. и на 10 копеек ничего невозможно было купить. Хрущев проводил деноминацию только с целью прикрытия ею повышения цен. Если мясо стоило 11 рублей, а после повышения цен должно было стоить 19 руб., то это сразу же бросилось бы в глаза, но если одновременно проводить и деноминацию, то цена мяса в 1 руб. 90 коп. сначала сбивает с толку — вроде и подешевело. Трудно сказать, но и исключать нельзя, что у Зверева вышел конфликт с Хрущевым именно по поводу вот такого сутоубо политического, а не экономического использования финансов.

Итак, в 1961 г. послесталинская безголовость дала о себе знать всему народу — началось повышение цен, причем, довольно существенное. Подорожали хлеб, яйца, молоко. Масло стоило 28 рублей, в новых рублях стало стоить 3 руб. 50 коп., и т.д. Причем, безголовость правительства, когда одна рука не знает, что делает вторая, сказалось в том, что правительство Хрущева не только заранее, но и вообще не прекратило планомерного сталинского снижения расценок и тарифов, т.е. плановые меры по снижению доли зарплаты в себестоимости и цене, которые вызвали снижение цен. То есть хрущевцы накладывали сниженные расценки на повышение цен — дикий идиотизм, как с точки зрения сохранения спроса на рынке, так и с социальной

точки зрения. По всему СССР прошли бунты, причем в Новочеркасске бунт подавили войска, открыв огонь по толпе, что было невероятно для СССР Сталина. Ведь Сталин делал все, чтобы трудящиеся стали хозяевами страны, и ситуация, когда слуги стреляют по хозяевам, для сталинского СССР была просто дикой. К примеру, я уже упоминал, что в октябре 1941 г. немецкая агентура подбила ивановских ткачей на бунт. Когда началась вывозка ткацкого оборудования на восток из-за очередного наступления немцев, ткачи заполнили цеха, не дали демонтировать станки, разбивали ящики с уже упакованным оборудованием и громогласно объявляли, что им все равно, на кого работать — на СССР или на Гитлера. Это было предательством, и в связи с этим предательством, казалось бы, сам Бог велел применить пулеметы. Но ни один солдат не прибыл в Иваново, к толпе выехали партийные работники всех рангов, успокоили толпу, решили ее бытовые вопросы, толпа успокоилась и подчинилась. В это время работники НКВД внедрились в толпу, выявили немецких агентов, ночью их арестовали, и на следующий день все было в порядке. А в Новочеркасске в 1961 г. рабочие взбунтовались из-за снижения оплаты труда на фоне повышения цен, вопрос, казалось бы, не сложный — надо было немедленно отменить или задержать изменение тарифов. Но партноменклатура разбежалась, выставила вместо себя солдат, те, не имея даже представления о том, как действовать в таких случаях, совершили грубейшую ошибку — стали стрелять по верхам толпы, не видя убитых от стрельбы, решила, что солдаты стреляют холостыми патронами, и бросилась отбирать у них автоматы. Защищая свое оружие, солдаты стали стрелять в толпу, а в таких условиях каждая пуля находит цель. Вообще-то случай в Новочеркасске очень мутный, и, несмотря на многочисленные исследования, в нем до сих пор очень много непонятого, например, исключительная осмысленность действий толпы: она действовала как руководимая штабом воинская часть.

И тем не менее действия Правительства СССР показали, что оно само осознает свою умственную недостаточность, понимает свою хозяйскую (экономическую) неспособность и в связи с этим боится говорить с народом, предпочитая убеждать его не силой разума, а силой оружия. И это осознание все больше и больше бросало высшую власть СССР в объятия совершенно безответственных идиотов — бюрократического аппарата управления СССР и его составной части — «ученых-экономистов».

СССР стал превращаться благодаря этим умникам в испытательный полигон идиотских идей, которые и экономическими (хозяйственными) назвать трудно, поскольку они внедрялись в народное хозяйство без малейшего понимания того, что в нем происходит. То ликвидировали общесоюзные промышленные министерства и заменяли их совнархозами в областях, то ликвидировали совнархозы и восстанавливали общесоюзные министерства, то по всей стране сажали кукурузу, то спасением всего объявляли вал (общую стоимость продукции предприятия), то прибыль, то качество продукции, то управление этим качеством. При безголовом правительстве бюрократический аппарат страны и «ученые» резвились, на сколько фантазии хватало, зарабатывая себе на этих кампаниях ученые звания, огромные зарплаты и доплаты, а ничего не дающие затраты экономики СССР все росли и росли.

Плановость — как осмысленность понимания того, что нужно, и осмысленные действия по достижению необходимого были заменены тупым контролем за сотнями показателей работы предприятия. Хотя цепочка товарооборота как-то сохранялась, но возглавлявшие в ней предприятия хозяйственники потеряли всю хозяйскую самостоятельность: за них все решал тупой госаппарат в Москве и такие же партийные аппараты на местах. Чтобы было понятно, о чем идет речь, поясню сначала на абстрактном примере.

Положим, вы в СССР выпускаете табуретки и у вас что-то отапливается электричеством и углем. Расход угля и электричества контролируется аппаратом вашего министерства и стадом контрольных ведомств — от Госснаба до народного контроля. Углем топить дешевле, и вы решили реконструировать котельную, для чего ее нужно остановить и топить в это время только электричеством. В результате у вас по году будет перерасход электроэнергии, за который вас непременно накажут, и сокращение расхода угля, поэтому на следующий год вам плановые поставки угля автоматически снизят до того уровня расхода, когда у вас котельная стояла. Теперь вы запустили котельную, но угля у вас нет. Вам надо будет ехать в Москву и доказывать, что вы сэкономили государству деньги и что вам нужен дополнительный уголь. Доказывать надо будет цепочке московских инженеров, экономистов, старших экономистов, специалистов и т.п., которые либо не имеют никакого, либо имеют самое смутное представление об экономике вообще и о вашем предприятии в частности. У этих чиновников два варианта: разрешить и запретить (дать уголь или не дать). Но, не зная промышленности, они не могут принять и осмысленного решения. Тогда они действуют исходя из инстинкта самосохранения: если они разрешат, но дело окажется убыточным, то их начальство обвинит их, что они дураки, а никакие не кандидаты экономических наук. Если они запретят, то проявят бдительность в экономии государственного угля.

Поэтому аппарату выгоднее все запрещать. Если вы начнете бюрократов пугать тем, что они своим запрещением наносят убыток стране, то они начнут посылать вас согласовывать вопрос в десятки различных инстанций — от отраслевых институтов до санэпидемстанции — к таким же точно «специалистам», как и они. Я не говорю, что в СССР ни один вопрос нельзя было решить — можно, но времени и энергии, чтобы пробить эту бюрократическую стену нужно было море. Скажем, как писали газеты, чтобы изменить

форму ручки настройки бытового радиоприемника, заводу ВЭФ потребовалось получить в Москве подписи в двадцати инстанциях.

В «Дуэли» я давал воспоминания Г.С. Гаврилина, который в середине 30-х годов руководил артелью и самостоятельно делал, что хотел: и землю арендовал, и безвозвратные ссуды рабочим давал и т.д. и т.п. Для послесталинских директоров такая самостоятельность была немыслима. Скажем, наш замдиректора официально продал котельной города для предзимнего ремонта два десятка тонн огнеупорного кирпича, чтобы дать ей отремонтироваться и зимой не заморозить город с нашими же рабочими. В результате завод оштрафовали на сумму продажи, прокурор потребовал у суда взыскать штраф лично с этого замдиректора и суд этот штраф с него содрал. Замдиректора плюнул на такую работу и уволился. Но он еще легко отделался. Газеты писали, как один председатель колхоза из Прибалтики нанял посторонних рабочих очистить пустырь от камней и распахал его. Уже первый урожай покрыл расходы на очистку поля, но председатель получил 3 года тюрьмы — не имел права платить неработникам колхоза.

А в Москве ЦК КПСС и «ученые-экономисты» все придумывали, что бы еще такого хорошего отечественной промышленности устроить. Какие-то московские ученые идиоты узнали, что в Японии предприятия практически не имеют запасов сырья, следовательно, они экономят оборотные средства. И с наших заводов потребовали уменьшить запасы на складах: было принято постановление, что если у завода на складе оборудования больше, чем норма, то нового оборудования ему не давать. Что делать? Лежащее на складе оборудование пока не требуется, продать его — в тюрьму сядешь, а без нового работать нельзя. Как быть? И старое оборудование «списывалось в производство», а фактически уничтожалось. В тот год когда ЦК КПСС осенила эта японская идея, таким образом было уничтожено нового обо-

рудования в сумме, равной трети годового национального дохода. А как же в Японии? А в Японии открыто утверждают, что они пользуются опытом сталинского СССР, поэтому они всемерно развернули товарооборот. У них нужные склады с еще большими, чем у наших заводов, запасами сырья и оборудования находятся не в составе заводов, а в виде самостоятельных фирм при заводе. Наши ученые идиоты, посетив Японию и хлебнув сакэ, осмотрели только заводы, а надо было осмотреться еще и вокруг, прежде чем давать такие рекомендации тупому ЦК КПСС.

С партией во главе

Или вот еще одна, но уже китайская идея, которая стукнула в голову нашим великим «ученым-экономистам», — на каждом предприятии выпускать товары народного потребления. Китайцы в период «большого скачка» в каждой деревне построили домну и получали чугун. Получили его естественно (деревень-то в Китае хоть завались!) очень много, но такого, который годен только свиньям на подковы. А в СССР теперь на каждом заводе надо было что-то выпускать для быта. Когда я стал замдиректора с ответственностью и за выпуск таких товаров, то мой предшественник оставил мне так и не освоенный им план выпуска ТНП в 130 тысяч рублей и так называемый «цех товаров народного потребления». Дело в том, что на завод давил обком и требовал по велению партии построить цех товаров народного потребления, а в понятии партийных придурков цех — это такое здание на заводе. Напрасно мой предшественник пытался объяснить, что, прежде чем строить здание, нужно определиться, что за товар мы собираемся выпускать, разработать его технологию, спроектировать размещение оборудования, договориться о поставках сырья и материалов, в уж потом проектировать и строить здание. Черта с два! Обкому надо было срочно отчитаться перед Москвой о выполнении это-

го китайского решения, и мой предшественник построил на заводе здание 12 x 60 и высотой 6 м, не дав построить половину 9-этажного жилого дома, действительно нужного людям. Но обком благополучно отчитался, что благодаря его стараниям в области построен еще один «цех товаров народного потребления».

Став отвечать за выпуск товаров народного потребления, я на совещании в обкоме предложил не маяться дурью и не налаживать производство совершенно нетипичных для заводов области товаров (ну какой бытовой товар может из своих отходов выпустить завод, производящий ракетное топливо, или глинозем, или ферросплавы?), а сброситься ресурсами и на долевых началах построить отдельное предприятие, скажем, по дублению овчин (в области много овчин не использовалось). Мое предложение было категорически отвергнуто — сказала партия, что на каждом заводе, значит, на каждом заводе! Потом я уже и выпуск этих товаров довел до 5 млн. рублей в год, а этот «цех товаров народного потребления» никак не мог задействовать и использовал как склад.

А почитайте мемуары Б.Н. Ельцина «Исповедь на заданную тему», в которых он открыто хвастается, как на посту секретаря обкома издевался над промышленностью Свердловской области. Этому вечно пьяному бездельнику захотелось без трудов отличиться перед ЦК, и он заставил директоров всех предприятий строить дорогу Свердловск — Серов. Поскольку официально он их заставить не мог, то вывозил тех директоров, кто отказывался тратить свои ресурсы не по назначению, в тайгу на трассу дороги и там выбрасывал из автобуса, предоставляя добираться до Свердловска пешком. Экий экономист! И они построили ему дорогу, дав получить лишний орден, построили за счет прекращения строительства квартир для своих работников.

Бороться с этими партийно-научными идиотами было невозможно. В 1981 г. я был на курсах в Москве и там на

занятиях пытался выяснить у одного из отцов так называемой «Комплексной системы управления качеством продукции», доктора экономических наук, почему в этой системе так много идиотизма. Тот накатал на меня жалобу в министерство, и я получил характеристику антисоветчика, выступающего против решений партии, что, впрочем, мне не сильно мешало. Да что я, тогда начальник цеха, — начальники главков, руководящие десятками заводов, бессильны были против этого экономического кретинизма. Главк, заводы которого выпускали электролампочки, добился такого их качества, что они стали очень редко перегорать. Торговля затоварилась ими и перестала принимать. Это было благо для страны, но несчастье для главка — у него уменьшился показатель выпуска товарной продукции. И начальник главка не сумел доказать, что это не результат плохой работы, что за это нельзя снимать премии с работников главка и их самих с должностей — он дал приказ начать выпуск низкокачественных лампочек, чтобы продажа их увеличилась, а цифра в отчетах выполнения плана продолжала оставаться выше 100%.

Вот в такое вонючее болото превратилось то динамичное хозяйство, та динамичная экономика, которую оставил стране Сталин. И надо просто удивляться ее крепости. Ведь даже перед своей гибелью СССР по темпу роста национального дохода опережала только Япония. Бюрократический аппарат, душивший предприятия, не давал им рвануть вперед, но он же и не давал им спускаться назад. СССР продолжал идти вперед, но мелкими-мелкими шажками. Это действительно был застой. И, тем не менее, несмотря на самые тяжелые в мире климатические и географические условия, СССР обеспечивал своим гражданам очень достойную жизнь. Когда началась перестройка, то «говно нации» — интеллигенция СССР — стало кричать, что достойная жизнь — это когда колбасы в магазине 20 сортов, а в СССР, дескать, кушать нечего и все голодные. И хотя действительно к тому моменту некоторые интеллигенты, типа выдающегося экономиста

Е. Гайдара или выдающегося писателя-сатирика М. Жванецкого, так опухли от голода, что уже ушей не стало видно, но цифры по обеспечению продуктами питания граждан СССР этого не показывают.

К концу СССР, в 1989 г., было произведено (кг на душу населения) в сравнении с другими странами и с Россией в 1913 г:

Страна Продукт	США	Велико- британия	ФРГ	Япония	Среднее	СССР	Россия, 1913 г.
Зерно	842	380	462	114	556	683	349
Картофель	65	105	125	33	69	219	114
Мясо	122	68	97	31	90	69	29
Молоко	268	263	400	60	180	374	154
Сахар-песок	24	22	50	7	23	29	8,1
Масло животное	2,0	2,6	6,0	0,6	2,2	6,3	0,6
Рыба	24	17	3,4	97	38,9	40	21

Примечание. По 1913 г. дано не производство, а потребление: масла — для крестьян Тульской губернии, рыбы — для Москвы.

К данной таблице добавлю, что если производимые в СССР на 1989 г. продукты питания представить в их целевых показателях, то тогда в СССР производилось пищевых калорий в расчете на одного человека на треть больше, чем в среднем в остальных четырех развитых странах, а по пищевым белкам — на четверть больше. И это в стране, в которой климатические условия для сельского хозяйства гораздо хуже, чем в сравниваемых странах!

В дело вступили предатели

И, наконец, наступила перестройка. Думаю, что читатель уже догадался, что автор не очень сильно ценит умственные способности руководства СССР и его «научных» консультантов. Но то, что произошло в перестройку, уже нель-

зя списать только на идиотизм, это уже какое-то откровенное предательство, откровенная измена Родине.

Непонятны «проколы» горбачевцев на «ровном месте», т.е. в случаях, которые горбачевским советникам должны были быть абсолютно понятны. Читатель должен был обратить внимание, что в приведенном выше докладе А.Г. Зверева он постоянно заботится, чтобы количество денег, находящихся в обращении, постоянно соответствовало стоимости находящихся в торговле товаров. Сталин, предполагая в 1930 г. увеличить армию (платить людям, не производящим товары) и выдать армии дополнительные снаряды, (т.е. заплатить рабочим снарядных заводов за товар, который не продашь в магазине), увеличивает на рынке количество товара, который продается, — водки. Стоимость водки в данном случае уравнивает количество денег, выдаваемых военнослужащим и работникам оборонных заводов.

А в перестройку горбачевцы, как истинные враги народа, выплеснули на рынок никаким товаром не обеспеченные деньги. Схема была элементарна: «кооператор» покупал тонну металла за 300 рублей внутренней цены, продавал ее за рубежом за 1500 долларов, на эти доллары покупал за границей компьютер и продавал какому-либо нашему предприятию за 100 000 рублей. Разницу между 100 000 и 300 рублями получал в виде зарплаты. Эти деньги хлынули в магазины, сметя с полок все товары, тем более что в то время советские товары, начиная от легковых автомобилей и кончая нержавеющей ложками, за рубежом брали прекрасно. Почему горбачевцы это сделали? Только ли ввиду их идиотизма?

Как вы увидели выше, при экономисте Сталине коммерческая торговля использовалась во всех затруднительных случаях, причем, с прямо противоположными целями, если это требовалось: в 30-х годах с ее помощью подняли цены продовольствия на рынке СССР, а во время войны не давали им подняться. В СССР Горбачева небольшое количество

товаров было в дефиците (автомобили «Волга» и «Жигули», кое-какие импортные товары, типа мебельных гарнитуров, фирменных джинсов или сигарет «Мальборо»). На самом деле дефицита не было, была очень низкая цена на эти товары и, соответственно, за покупкой их выстраивалась очередь. Что в таких случаях делать, было отлично известно и горбачевцам. Ведь на получение квартир бесплатно тоже выстраивалась очередь, но квартиру можно было купить в рассрочку на 20 лет, вступив в кооператив, т.е. купив ее по коммерческой цене. Почему же все дефицитные товары не продавались, как при Сталине: тем, кто хочет купить их дешево — в порядке очереди, а тем, кто хочет купить немедленно — в коммерческой торговле? Вопили, что на Западе в магазинах 20 сортов колбасы, но что стоило свезти со всех стран в коммерческую торговлю 200 сортов, назначить чуть повыше цену и продавать интеллигенции, поскольку, кроме нее, вряд ли кто-либо предпочел бы это мыло своей свежайшей отечественной колбаске за 2 руб. 20 коп. Почему этого не было сделано? Как говорится, на этот вопрос может ответить только следствие...

Могучее хозяйство СССР без войны, без каких-либо малейших оснований разрушили деньгами. С их помощью сначала отобрали у промышленности СССР рынок СССР (ведь 90% покупателей у нашей промышленности было на нашем же рынке). Деньги обесценили, без счета вбрасывая их на рынок под предлогом, что таков, дескать, курс рубля к доллару. Обесценились все активы покупателей СССР: сбережения, зарплаты, пенсии и, главное, оборотные средства всех предприятий. И люди, которым нужен был отечественный товар, были, но произвести товар ты не мог, поскольку те, кому твой товар нужен, не имели денег его купить, а ты не имел оборотных средств купить сырье. Промышленность СССР была остановлена таким подлым образом, и сейчас она работает на всем пространстве СССР едва ли вполовину своей мощности. А ведь если бы не эта подлость, то се-

годня, даже при том идиотском бюрократическом аппарате, мы материально (о духовном и говорить не приходится) жили бы раза в четыре богаче, чем живем. Во имя чего мы от этого отказались? Утверждают, что во имя свободы. О какой свободе речь?

Где она — свобода?

Если о свободе слова, то сегодня эту свободу имеют некоторые избранные болтуны, и только.

Как же, — скажете вы, раз Мухин может говорить в «Дуэли» и писать в этой книге о чем угодно, скажем, о том, что Ельцин сдох, то ведь это и есть свобода слова! Но разве в СССР вы не могли говорить свободно о чем угодно? На кухне. Не могли орать во всю глотку: «Долой Брежнева!»? В лесу. Могли. Да, — скажет читатель, — но на кухне и в лесу меня слушали бы несколько моих товарищей, и все.

А кто слышит «Дуэль», кроме ее читателей? Велика ли разница в слушателях, чтобы так радоваться? Люди, как правило, не понимают сути свободы слова — нет и не бывает свободы слова без **ОБЯЗАННОСТИ СЛУШАТЬ!**

Перестройка подменила эти понятия, именно при ней в прессе началась болтовня ради болтовни, именно при ней государственные органы получили право не реагировать на то, что пишет пресса. Перестройка уничтожила в СССР обязанность слушать и этим уничтожила саму свободу слова для всего народа.

В СССР было не так. Да, действительной свободы слова и тогда не было, но обязанность слушать — была! Вот мой личный пример.

В середине 80-х наш завод становился на ноги, появилась возможность с него кое-что взять, и масса чиновников стала показывать нам, насколько они значительные люди и что мы обязаны их очень сильно любить и не отказывать им в их личных просьбах. Веселая это была компания — от прокурора города до директора банка.

Последний учудил такое, что у меня кончилось терпение. Мы по инструкции ВЦСПС обязаны были бесплатно раздавать в горячих цехах чай и делали это, как и остальные заводы, десятки лет. Но в инструкции было написано «бесплатно доставлять в цеха чай». И директор банка прекратил оплату магазинам наших счетов за чай на том основании, что речь, дескать, идет только о бесплатной доставке чая в цеха, а рабочие на рабочих местах должны покупать его за наличные.

Был бы старый секретарь горкома, за такие шутки директор банка мигом бы лишился партбилета и вместе с ним должности. Но секретаря горкома уже сменил болтливый перестройщик, будущий бизнесмен.

Снабжение завода было моей обязанностью, и я, разозлившись, собрал все факты воедино (не забыв и прокурора, и милицию) и написал статью в «Правду» с делократическим предложением, как быть с этой бюрократической сволочью. Предложение в «Правде» не поняли и из статьи убрали, но статью напечатали, переделав ее окончание.

Далее дело развивалось так. «Правда» у нас появлялась вечером, и номер с моей статьей «Чаепитие по-буквоедски» появился в четверг. В пятницу ее прочли, меня вызвал директор (исключительно умный и опытный руководитель) и приказал ко всем упоминаемым мною в статье фактам собрать документальное подтверждение (а вечером еще проверил, как я его указание исполнил). И приказал все документы забрать домой. В субботу утром он позвонил мне на квартиру и распорядился вместе с ним ехать в горком. Там нас ждали: второй секретарь обкома, прокурор области, комиссар областной милиции, директор областной конторы «Промстройбанка» и масса других областных чиновников. Там же у стенки сидели все, кого я критиковал в статье. Кстати, чай заводу банк оплатил еще в пятницу, тогда же начальник ГАИ лично сломал все шлагбаумы, которые он до этого поставил на территории нашего завода и т.д.

Нас с директором посадили напротив прокурора области, перед ним лежала моя статья, размеченная по эпизодам. Он читал эпизод и требовал: «Документы!» Я вынимал из своей папки необходимые и подавал. Он их смотрел профессионально: атрибуты бланков, входящие номера и даты, даты распорядительных подписей, сроки и т.д. Если не видел признаков недействительности, складывал эти бумаги в свою папку. На одном документе между входящей датой и распорядительной надписью срок был три дня. Прокурор проверил по календарю — два из них были выходными. (Спасибо директору — у меня на все вопросы прокурора были готовы документы.) Потом председатель комиссии — второй секретарь обкома — начал задавать вопросы, требующие устных пояснений. От стенки послышались жалобные сетования, что я, дескать, все извратил, но председатель заткнул им рот и слушал только меня.

В понедельник меня вызвали в обком, и я целый день присутствовал при таинствах — обком писал ответ в «Правду», в ЦК Казахстана и в ЦК КПСС. Мне его не показали, но позвонил из «Правды» журналист и зачитал мне его по телефону с вопросом — согласен ли я с таким ответом? Я не согласился (хотелось заодно добавить и городского прокурора, замордовавшего наших работников дурацкими исками), но во второй статье, завершающей тему, которую «Правда» дала уже сама, вопрос о прокуроре не прозвучал. Но даже то, что было сделано «Правдой», уже было огромным подспорьем в работе, да и прокурор поутих.

И подобное отношение к прессе было общим государственным правилом. Мой директор заставлял писать ответы во все газеты, включая собственную заводскую многотиражку, если только в них был хотя бы критический намек на наш завод или его работников. Был такой смешной случай.

У нас в городе служил офицер-пожарный, большой сукин сын. Как-то он задел меня лично тем, что оскорбил мою

жену, и я, прикинув обстоятельства, нашел более выгодным не тащить его в суд, а дать ему в морду. И хотя сукин сын просимулировал в больнице сотрясение мозга две недели, но по Уголовному кодексу КазССР мое дело подлежало товарищескому суду, где меня и приговорили к максимально возможному наказанию — 30 руб. штрафа. (Божеские были тогда цены, надо сказать). Сукин сын написал во все газеты и инстанции. Занималась этим делом масса людей. Я дал кучу объяснительных по его жалобам, но на защиту этой мрази никто не встал, хотя и убрать его из МВД тоже не смогли. И вот прошел слух, что статья об этом инциденте появилась где-то в ведомственной газете МВД в Алма-Ате. В области этой газеты найти не смогли, и тогда директор дал дополнительное задание ближайшему командированному в Алма-Ату. И только когда тот привез оттуда нужный номер и когда директор убедился, что ни обо мне, ни о заводе в статье не было ничего плохого, успокоился.

Да, не все в советских газетах могло быть напечатано, но о советских людях, об их нуждах и интересах печаталось в сотни раз больше, чем сегодня. И — главное — эти газеты обязательно читались теми, кого это касалось.

Попробовал бы какой-нибудь козел-депутат или чиновник вякнуть, что он, дескать, «Дуэль» не читает. Не «Дуэль» бы была виновата, что ее не читают, а он, мерзавец, был бы виноват в этом. Потому что в СССР была обязанность слушать слово. Потому оно и было в тысячи раз свободнее, чем сегодня. И ликвидировал эту свободу Горбачев со своим паскудным партаппаратом.

И все же — скажете вы, — сегодня ты можешь, пусть и в малотиражной «Дуэли», сказать то, что в СССР не мог сказать нигде. Вон и «Правда» твою статью урезала.

Да, конечно, но я ведь и не говорю, что положение со свободой слова в СССР было идеальным. Сейчас же положение усугубляется тем, что враг нашей страны не дремлет — он делает так, что я пишу, а меня просто не понима-

ют, не понимают того, что без труда поняли бы 15 лет назад, в СССР. Идет катастрофическое оглушение населения. Не только в политическом смысле — население делается идиотами в буквальном смысле этого слова. Идиот беспомощен, он сам не может принять решения, он вынужден слушать других (скажем, толпу) и исполнять их волю (скажем, проголосовать), даже если это полностью ему во вред.

Поймите смысл — если сделать население идиотами, то тогда оно, даже услышав свободное умное слово, не поймет его. При оглушении народа свобода слова бессмысленна. Некому слушать.

Оглушение идет несколько взаимосвязанными путями.

У человека есть оперативная и глубокая память. В оперативной памяти хранится то, что нам нужно в первую очередь. Если это нужное не требуется, то оно загоняется в глубокую память — так далеко, что и вспомнить невозможно. Чтобы нужные знания хранились в оперативной памяти, нужно, чтобы вы их постоянно вспоминали, чтобы об этих знаниях постоянно шла речь, чтобы вы их постоянно использовали.

Для вашего оглушения прессе надо исключить из даваемых ею сведений нужные вам знания — не упоминать о них. Но мозг ведь не может находиться в простое, поэтому вместо нужных знаний вам со всех сторон забивают оперативную память любой (пусть и интересной) чепухой. Нужные вам знания забываются, а чепуху в своей жизни вы никак использовать не сможете. Вы становитесь идиотом с полной головой знаний. Беспольных для вашей жизни.

Присмотритесь к прессе и ТВ и задумайтесь, как вы смогли бы в своей личной жизни использовать ту «информацию», которую они вам дают. Бесконечный перечень катастроф и трагедий. Но вы ведь не работник МЧС и «Скорой помощи», что вы из этой информации почерпнете нужного для себя лично? «Путин там, Путин здесь, Зюганов сказал, Дума решила, согласительная комиссия, Совет Федерации».

Что вам с этого? В Чечне — «там стреляли и там стреляли». Вы что — командир роты? «Майкл Джексон там, принцесса Диана очурилась, Клинтон триппером заболел». Они что — ваши родственники? Бесконечные мексиканские и американские сериалы — вы что, собрались жить в Мексике или в Калифорнии?

А попросите любого вокруг вас назвать 20 городов России — многие ли их вспомнят? Ведь о России в новостях нашей прессы и ТВ нет ничего, — если нет скандалов, то о России и не вспомнят! Та информация, которая вам, гражданину России, могла бы потребоваться в силу того, что вы живете здесь, на ТВ и в прессе отсутствует начисто. Предположим, что Вы сможете найти работу в Усть-Каменогорске и стать там богатым и счастливым. Вы знаете, в какой стране этот город? И можно ли там заработать с вашим образованием и профессией?

Если бы любого из нас 15 лет назад посадили в абсолютно изолированную от внешнего мира одиночную камеру, то нам осталось бы только перебирать в памяти то, что мы знали до этого. И после этого мы сегодня были бы умнее раз в 10 уже потому, что наша оперативная память не была бы загажена тем, что сегодня называют «информацией», эта «информация» не стерла бы те знания, которые действительно нужны.

Важно и то, кто именно вам дает информацию, — умный или дурак. Это же ведь понятно, что при прочих равных условиях человек в годах умнее юноши. Вы вспомните возраст журналистов в СССР и сравните его с сегодняшними. Эти дети и хотели бы сказать вам что-нибудь умное, да не могут. И именно эти дебиловатые хинштейны-леонтьевы пропускают через себя информацию для вас. Что же вы сможете получить от них, кроме идиотизма? Я говорю не о политическом, заказном идиотизме, который хотя бы можно объяснить деньгами, я имею в виду бытовой идиотизм.

В 2003 году исследователи подсчитали, что дикторы ТВ в России используют в своих информационных сообщениях всего 450 слов. И это при том, что еще Пушкин почти 200 лет назад использовал в своих произведениях 10 000 слов. Убогость нынешней прессы ужасающая!

А теперь, вспомните — когда на ТВ и в прессе появилась орда юнцов и девиц? Правильно — при Горбачеве. Это при нем пошла в серию «Рабыня Изаура», это при нем в программе «Время» в качестве иностранных новостей могли показать дрессированную свинью, которую досужий американец держит в доме вместо собаки. Страшно необходимая информация для жизни советских людей. А мы должны благодарить Горбачева и ельциноидов за свободу слова. Такого слова?!

В Чили пришел к власти Пиночет, которого никто не называл демократом. Что там произошло с прессой после расстрела левых журналистов? Эксперт Центра новой социологии А. Тарасов так пишет об этом:

«На смену серьезным изданиям пришли развлекательные, на смену проблемным радио- и телепрограммам — «мыльные оперы» и бесконечные ток-шоу. Крупнейший в Чили национальный газетный концерн «Меркурио — Зиг-Заг», принадлежащий ультраправым (у директора «Меркурио» Рене Сильвы Эспехо была кличка Старый нацист), принялся заполнять рынок бульварной, но «идеологически правильной» продукцией, проявляя чудеса маркетинга в области «узкой специализации»: так, журнал «Эва» печатал исключительно бульварные романы для домохозяек, журнал для подростков «Сине Амор» восхвалял второсортную голливудскую кинопродукцию и т.д.

Перуанский профессор Висенте Арельяно, специалист по СМИ стран «южного треугольника», так описывал в 1982 г. в журнале «Аурора» свои впечатления от посещения Чили: «Во-первых, чудовищно понизился профессиональный уровень журналистов... пришло новое поколение... молодых и совер-

шенно некомпетентных,.. особенно это заметно в статьях по экономике, по гуманитарным наукам и вопросам культуры... Они не владеют специальной терминологией, путают «кадастр» с «секвестром»... и совершенно искренне пишут, что «по указанию марксистского Интернационала, как известно, некий Дарвин придумал, что человек вовсе не создан Господом, а возник как плод противоестественной связи разных пород обезьян»...

Во-вторых, чудовищно деградировал язык. Он не только предельно засорен языком янки, но и предельно унифицирован... Новые чилийские журналисты никогда не читали Пабло Неруду и даже не слышали о существовании Гарсиа Маркеса, Астуриаса или Алехо Карпентера.

В-третьих, чудовищно понизился умственный уровень. Журналистика в Чили (если речь не идет о подпольных изданиях) более не является сферой приложения интеллекта... Теперь востребована посредственность; банальность наслаивается на банальность; репортаж или перевод с английского сплетен о жизни голливудских кинозвезд не требуют ума... В профессиональном и интеллектуальном плане это — катастрофа...» («Новая газета», № 24, 2000).

Но ведь это же буквальное описание нынешнего состояния российской прессы! Однако в Чили Пиночета, сотворившего такое с прессой, называют фашистом. А Горбачева и ельциноидов, сотворивших то же с советской прессой, называют демократами. Ну не дебилизм ли? Христос учил: «По делам их узнаете их». По делам Горбачев и ельциноиды только за это старательно заслужили право быть украшением любой самой страшной казни.

Если же говорить о свободе личности от покушений на себя, то сегодня в России, в которой жителей вдвое меньше, чем в СССР: убийств в 3 раза больше, чем в СССР; пропавших без вести раз в 20 больше; а в тюрьмах сидит 1,1 млн. человек, хотя во всем СССР заключенных было едва 800 тыс. Жители России сами создали себе тюрьмы на дому, огоро-

дившись решетками и стальными дверями, а в СССР входные двери были из реек и картона, да и запирали их разве что на ночь или когда из дома уходили.

Если говорить о свободе передвижения, то нынешний гражданин России по сравнению с гражданином СССР свободен так же, как и заключенный тюрьмы по сравнению с жителем города. Ведь и заключенный в тюрьме свободно может передвигаться по камере из угла в угол. И не надо мне говорить про границу — по делам туда и в СССР ездил тот, кому это было нужно, а отдохнуть мог поехать любой желающий. Но в СССР любой гражданин мог без проблем проехать 10 000 км, а на поезде — даже без паспорта, который, кстати, никто не обязан был при себе носить. И передвигались люди в десятки раз больше, чем сейчас. Моим обычным маршрутом был Павлодар — Москва — Днепропетровск. Из Павлодара в Москву (3000 км) летало два рейса Ту-154, билет стоил 52 рубля. Из Москвы в Днепропетровск летало 8 рейсов (билет стоил 21 рубль), но мне было удобнее ездить поездом, купе стоило 16 рублей, СВ — 21 рубль. Поездов было 6 в сутки. Сегодня из Павлодара в Москву летает Як-42 один раз в неделю, из Москвы в Днепропетровск идет один поезд в день и летает 2 рейса самолета (Як-40 и Ту-134). Мне могут сказать, что сегодня ездит тот, у кого есть деньги. Но в СССР у всех были деньги! С таким же успехом можно говорить, что и заключенный в тюрьме сидит только потому, что у него нет денег дать взятку. Но в этом и отличие свободных от рабов: раб может передвигаться, когда у него есть деньги, а свободный — когда захочет. И граждане СССР по сравнению с гражданами России были в десятки раз более свободны.

Наконец, говорят, что у нас сегодня товаров в магазинах хоть завались и продаются они свободно, без карточек, а в СССР, дескать, их в магазинах не было. Но ведь это надо быть последним идиотом, чтобы не понимать, что товар нужен не в магазине, а в доме; что производится товар не для того, чтобы на него любоваться в витрине.

В 1997 г. ельциноиды провели деноминацию рубля, подняв его номинал в 1000 раз, но для того, чтобы копейка хоть как-то заработала, как я уже писал выше, надо было деноминировать рубль в 10 000 раз, тогда порядок цифр зарплат и пенсий в СССР и сегодня стал бы одним.

Но уже тогда стали бы страшно оскорбительными цены. Продовольствия средний советский человек потреблял почти в два раза больше, чем средний россиянец, но хлеб в СССР стоил тогда 20 коп. за кг., а уже в 1997 году стоил бы при такой деноминации — 80 коп.; молоко стоило 25 коп. литр, а стало бы стоить 1,4 руб.; вареная колбаса стоила 2,20—2,80 руб., стала бы стоить 10—13 руб.; сырокопченая стоила 6 руб., а стала бы стоить 30 руб.; мясо стоило 1,9 руб. (магазин) и 3,5 руб. (колхозный рынок), а стало бы стоить 7—12 руб., огурцы в сезон стоили 10 коп. за килограмм, а стали бы стоить 1 рубль и т.д. и т.п.

Понимаете, если бюрократия берется вам что-то улучшить, она вам это обязательно ухудшит...

Послесловие

КАК БЫТЬ

Но, все же, это далеко и далеко не главное. Самое страшное в нашей жизни это не развал экономики, не голод, который всего-навсего принесет неудобства или угрозу жизни, а бессмысленность самой этой жизни. Зачем живем? Запад подпеваает США — мы живем, чтобы потреблять и развлекаться. Вот смысл жизни! Но ведь это не смысл жизни человека и даже не смысл жизни животного — это смысл жизни тупого раба.

Существует навязываемое Западом мнение, что раб характеризуется покорностью. Это неправильно, это то, к чему принуждают раба свободные люди, и принуждают они раба к покорности потому, что сами покорны чести, совести, морали, служению обществу или Высокой цели. На самом деле рабы могут быть и непокорны, и строптивы. Еще в Древнем Риме раба поняли и оценили, и нашли то, что необходимо, чтобы держать раба в покорном рабстве. Раб это тот, чья цель в жизни: «Хлеба и зрелищ!» Это homo sapiens, у которого нет никаких человеческих целей, кроме цели нажраться и поразвлекаться. Именно ради этой цели он и работает на того, кому он нужен. Но вдумайтесь, чем цель жизни древнеримского раба «Хлеба и зрелищ!» отличается от навязываемой нам Западом цели «Потреблять и развлекаться»? Только объемом потребляемого и извращенностью развлечений.

И сегодня советские люди находятся под оккупацией западных рабов желудка и похоти, сегодня советские люди

рабы рабов. Вот что очень страшно. Будь мы рабами свободных людей, было бы не так обидно. Думаю, что читатели уже готовы высмеять меня — под какой же мы оккупацией, если по улицам не ходят иностранные солдаты с автоматами и не кричат на нас: «Хальт! Хенде хох!»? Если нас плетками не гонят на работу какие-нибудь эсэсовцы?

Беда в том, что после Второй мировой войны даже в СССР боевая военная пропаганда не была заменена мирным осмыслением произошедшего: мы так и не смогли понять, каким образом немцы собирались нас поработить. Уверен, что для многих из нас знания даже о немецких концлагерях подменяются кадрами из фильмов, в которых заключенные в окружении толп эсэсовцев дробят камни в каменоломне. Нам показывают совершенно идиотское использование рабочей силы очень рациональными немцами, которым, кроме этого, страшно не хватало людей на фронте, в связи с чем они никак не могли содержать многочисленную охрану в концлагерях.

Многие ли знают, что когда в еврейском гетто Варшавы в 1943 году восстали евреи, то они напали не на немцев, а перебили внутри гетто свою еврейскую полицию. Им так же удалось убить и одного из руководителей гетто, немецкого холуя и видного сиониста Альфреда Носсинга. («Еврейская газета», № 15—16, 2003, с. 7).

Кто знает, что в концентрационном лагере Освенцим, в котором, по еврейским легендам, немцы якобы умертвили газом 4 млн. евреев, вся внутренняя полиция была еврейской? Что когда при приближении советских войск немецкий персонал лагеря вынужден был отступать на запад и предложил заключенным дожидаться Красной Армии, то основная масса евреев стала вместе с немцами уходить от нашей армии? Ведь наши войска нашли Освенцим и Майданек, в которых сотни тысяч евреев производили немцам искусственный бензин и каучук, совершенно пустыми и о быте евреев в этих лагерях вынуждены были расспрашивать окрестных поляков.

Мы, советские люди, пели о концлагере Бухенвальд песню «Колокольный звон», имея в виду, что в этом лагере немцы безжалостно уничтожали заключенных («Сотни тысяч заживо сожженных строятся, строятся в колонны к ряду ряд»), а американский писатель Толанд, которого никак не заподозришь в любви к немцам и в антисемитизме, написал биографию Гитлера, за которую получил Пулитцеровскую премию, и в этой книге пишет:

«В 1943 году Морген переводится в отдел финансовых преступлений при СД. В начале лета ему было поручено рутинное дело о коррупции в концлагере Бухенвальд. Его коменданта Карла Коха заподозрили в том, что он посылает заключенных на работы по найму и присваивает себе деньги, уплаченные нанимателями. Первоначальное расследование не дало результатов: многочисленные свидетели подтверждали утверждение Коха о его невиновности.

В июле Морген приехал в Веймар и начал новое расследование. К своему удивлению, он увидел в лагере чистоту и порядок. Заключенные выглядели здоровыми, загоревшими и откормленными. К их услугам были почта, большая библиотека и даже публичный дом, устраивались концерты, кинопросмотры и спортивные соревнования. Когда Морген начал копать глубже, он узнал, что коррупция в Бухенвальде началась с прибытия большой группы евреев после «Хрустальной ночи». (Толанд Д. Адольф Гитлер. Кн. 2. М., «Интердайджест», 1993).

Согласитесь, это как-то не вяжется с «сотнями тысяч заживо сожженных». Неужели для того, чтобы заживо сжечь евреев, их нужно сначала откармливать 5 лет («Хрустальная ночь» была в 1938 г.), водить в публичные дома и на концерты?

Совершенно не вяжутся с реальностью и пропагандистские штампы о том, как немцы собирались превратить в рабов народы СССР на той территории, которую они собирались присоединить к рейху. Никаких эсэсовцев с собаками, никаких конвоев и надсмотрщиков с палками.

Сатирик М. Жванецкий, человек, в общем, не глупый, накануне выборов 1996 г. в телепередаче с Познером, конец которой я нечаянно посмотрел, остерегся как-либо хаять СССР и призвал поддержать Ельцина только по двум причинам — потому, что «мы его выбрали», и потому, что он дал Жванецкому свободу, которой тот не имел в СССР.

Давайте мысленно представим, что гитлеровские орды все-таки выиграли войну и зададим себе вопрос: а при Гитлере Жванецкий имел бы больше свободы, чем при Ельцине, или меньше? Не прочти я «Застольные разговоры Гитлера», застенографированные Г. Пикером, я бы сам свой вопрос считал идиотским, настолько засели в голове стереотипы фильмов и книг о периоде оккупации. Но из этих «Разговоров» Гитлер предстал циничным, но умным психологом, большим знатоком того мещанства, которое называет себя интеллигенцией и которое морочит голову обывателю.

Тему о свободе покоренных народов Гитлер поднял 4 апреля 1942 года и затем в течение ряда месяцев возвращался к ней. Начал он ее с принципиальных положений, как вы понимаете, не предназначенных для широкого круга: *«За ужином шеф заявил, что показателем высокого уровня культуры является отнюдь не личная свобода, но ограничение личной свободы организацией, охватывающей как можно больше индивидуумов, принадлежащих к одной расе»,* — записывал Пикер.

Это основная база рассуждений Гитлера. Не знаю, читал ли он древнегреческого философа Платона, который еще в 4 веке до н.э. изрек истину: *«Из крайней степени свободы всегда возникает величайшее и жесточайшее рабство»,* — но Гитлер для оккупированных народов СССР предусматривал именно крайнюю степень личной свободы: *«И поэтому, властвуя над покоренными нами на восточных землях рейха народами, нужно руководствоваться одним основным принципом, а именно: предоставить простор тем, кто же-*

лает пользоваться индивидуальными свободами, избегать любых форм государственного контроля и тем самым сделать все, чтобы эти народы находились на как можно более низком уровне культурного развития».

По планам Гитлера немцы и покоренные русские, украинцы и другие народы должны были жить абсолютно раздельно, немцы — в особых изолированных колониях. Так что для покоренных народов свобода планировалась наиполнейшая — говори что хочешь, пиши что хочешь — хоть на голове стой. Гитлер очень тонко понимал людей типа Жванецкого: *«Ибо, чем примитивнее люди, тем больше воспринимают любое ограничение своей свободы как насилие над собой»*, — говорил он.

Не буду цитировать, просто перечислю, чем Гитлер хотел одарить наших отцов, на радость Жванецкому. В армии служить не надо, даже альтернативной службы нести не надо (служба только для немцев); в школу ходить не надо (*«Ни один учитель не должен приходить к ним и тащить в школу их детей»*); церкви, секты — любые; улицы, дома можно не убирать; прививки можно не делать, можно даже не лечиться. (*«Но нужно действовать осторожно, чтобы эта наша тенденция не бросалась в глаза. И если кто-либо из страдающих зубной болью непременно захочет лечиться у врача, хорошо, один раз можно сделать исключение»*.) И полная свобода передвижения, даже большая, чем сегодня, поскольку: *«И покоренные народы также обязаны знать, как работает транспортная система. Но это — единственное, чему мы должны их обучить... Столица рейха — Берлин, и каждый из них хоть раз в жизни должен там побывать»*, — требовал Гитлер.

Но может возникнуть вопрос: а дал бы Гитлер Жванецкому возможность смело рассказывать нам свежие анекдоты про Брежнева и Хрущева? Гитлер об этом позаботился в пределах возможностей тогдашних технических средств связи: *«Гораздо лучше установить в каждой деревне репро-*

дуктор и таким образом сообщать людям новости и развлекать их...» Так что Караулов со Сванидзе и прочими киселевыми тоже нашли бы, где проявить свое «свободное творчество».

«Только, чтобы никому в голову не взбрело рассказывать по радио покоренным народам об их истории: музыка, музыка, ничего кроме музыки. Ведь веселая музыка побуждает в людях трудовой энтузиазм. И если люди могут позволить себе танцевать до упаду, то это, насколько нам известно, широко приветствовалось во времена Системы» (Веймарской республики. — Ю.М.).

Дотошный читатель может усомниться — а как же Гитлер, при такой личной свободе покоренных народов, собирался заставить нас работать на оккупантов? Элементарно, Ватсон!

«А стимулировать в достаточной степени поставки сельскохозяйственной продукции и направление рабочей силы в шахты и на военные заводы можно продажей им со складов промышленных изделий и тому подобных вещей», — не скрывал Гитлер от своих слушателей тонкости психологии «гомо примитивикус».

Насколько нынешнее положение России соответствует планам немцев по оккупации СССР просто поражает. Едва Германия оккупировала Польшу, Геббельс записывает в своем дневнике и сам подчеркивает: *«Поощрять слабость и коррупцию. Так лучше всего управлять покоренным народом»* (Ржевская Е.М. Геббельс: портрет на фоне дневника. М., Слово, 1994).

Наши отцы и деды рабами Гитлера не стали, несмотря на огромные людские жертвы. Почему? Раб, повторю, это homo sapiens без человеческой цели в жизни, цель раба — «Потребляй и развлекайся» — человеческой не является. А если нет человеческой цели в жизни, то нет и тех нравственных устоев (чести, мужества, совести), которые позволяют противостоять поработителю. На мой взгляд, эту

проблему хорошо показал русский религиозный философ К.П. Победоносцев в своем споре с атеистами: *«Они настаивают на том, что мало только жить, надобно жить хорошо, следовательно признают начало нравственности в жизни человека. Для того, чтобы установить это начало, надобно указать ему конечную цель. Для чего-нибудь нужно жить нравственно, и это нечто, для чего нужно так жить, необходимо показать людям... Нам не говорят, что героизм, что самоотвержение сами по себе добродетель; нам говорят, что мы должны жертвовать собою во имя чего-то драгоценного в будущем. Но покажите нам это что-то, означьте его чертами, взятыми из жизни; черты эти должны быть уловимы, доступны пониманию всех и каждого».*

Большевики (тогдашняя элита СССР) такую конечную цель в жизни показали советскому народу — коммунизм. Общество справедливости, в котором будут жить их дети. У наших отцов и дедов цель в жизни была, и они не стали рабами немцев. Ради детей гибли в атаках, ради детей падали обессиленные у станков. А у нас этой цели не стало. Партноменклатура первая стала показывать, что ее цель — потреблять и развлекаться. Она, конечно, эту цель скрывала, но ведь жила на людях — как скроешь? Отсутствие цели в жизни и привело к тому, что советский народ был побежден даже не мужественными и самоотверженными немцами, которые отчаянно дрались до 9 мая 1945 г. и даже после, а какими-то трусливыми и вонючими рабами желудка и похоти из Голливуда. Позор! Но чтобы позор воспринять, нужно иметь совесть, а откуда она у того, чья цель потреблять и развлекаться?

Поэтому первейшая задача тех немногих настоящих людей, оставшихся в России, это восстановить цель в жизни российскому обезумевшему обывателю. Хотя бы в виде будущего их детей.

Есть еще вопрос, о котором мне не хотелось бы говорить, поскольку сказать о нем вкратце — это ничего не ска-

зять, а говорить все — распухнет книга до неприличных размеров «Капитала» К. Маркса. Но хоть что-то сказать надо, поэтому я начну с извинений, если не удовлетворю читателя. Это вопрос о душе человека.

Я атеист, но атеист научный. Есть атеисты верующие, и они ничем не отличаются от верующих в Бога. Просто вторые верят, что Бог и душа есть, а первые верят, что Бога и души нет. Принципиальная разница между ними отсутствует. Я же пытаюсь своему атеизму найти подтверждение в тех объективных законах и свойствах Природы, которые уже открыты. В этом принципиальная разница между мною и верующими атеистами.

Бога нет, поскольку нет никаких объективных подтверждений его наличия, а логически в Природе нет Ему места. Открытых законов достаточно, чтобы утверждать — жизнь зарождается и базируется на законах физики и химии, никакое божественное существо для этого не требуется. А вот с душой человека дело сложнее, тысячи фактов и наблюдений говорят о том, что она есть, что наша душа — это мы, а наше тело — это временное пристанище и школьная парта для нас — для нашей души. А время, которое мы живем в своем теле, это время, отпущенное нам Природой (законами физики и химии) для воспитания своей души, для создания себя самого. Я понимаю, что мне надо дать вам хотя бы десяток научных (точных) фактов, подтверждающих сказанное выше, но, повторю, в книге нет места для их описания. Поэтому если ваш жизненный опыт позволяет, то поверьте мне на слово, если не позволяет, снисходительно пожмите плечами или посмейтесь. Этим вы меня не обидите, поскольку смеяться будете над собой и очень жестоко.

Так вот, логика и опыты говорят, что после смерти homo sapiens (его душа) живет вечно. По крайней мере не видно, что могло бы вызвать ее смерть, пока Солнце не потухнет и Земля не остынет. Но жить души разных людей будут по-разному и в зависимости от того, как они в теле сумели под-

готовиться, т.е. насколько они в этой жизни сумели стать сильными. После смерти, разумеется, никого не ожидают черти и котлы со смолой — это попытка пророков различных религий понять, что значит «жить плохо» после смерти. Но, безусловно, те люди, которые видят цель жизни в том, чтобы потрещать и развлекаться, вечность будут «жить плохо»; вероятнее всего — ужасно. А люди, которые в жизни имели цель и ради нее жили, вероятнее всего будут жить как в раю. Нет, они не будут бездельничать, но они будут жить с необыкновенными, немыслимыми при наличии тела возможностями. Наша смерть — это акт естественного отбора, а наша жизнь — это самый важный наш экзамен, который невозможно ни вымолить у Бога (ввиду его отсутствия), ни сдать по блату или по шпаргалке. Это все, что я должен сказать.

Если эти несколько абзацев вас никак не задели, не зародили мысль самому разобраться в этом вопросе, то давайте вернемся к тому, что целью жизни человека должно быть, по крайней мере, строительство светлого будущего для своих детей. Это тоже достаточно, и вы постройте свою душу, даже не веря в нее. Законам Природы не требуется, чтобы в них верили.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Хозяин СССР и «научное» быдло	5
Глава 2. Золотой рубль без золота	26
Глава 3. Развивающий рубль	85
Глава 4. Заемный рубль	106
Глава 5. Воюющий рубль	139
Глава 6. Твердый рубль	162
Глава 7. Маразм марксизма	184
Глава 8. Первопроходец Генри Форд	209
Глава 9. Страна без хозяина	253
Послесловие. Как быть	278

Мухин Юрий Игнатьевич

СТАЛИН — ХОЗЯИН СССР

Редактор *О. В. Селин*
Художественный редактор *А. Ю. Новиков*
Верстка *А. А. Кувшинников*
Корректор *В. Л. Авдеева*

ООО «Алгоритм-Книга»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99, тел.: 617-0825
Оптовая торговля: Центр политической книги — 733-97-89
«Столица-Сервис» — 375-3211, 375-2433, 375-3673
Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб,
Торговое место № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-519-85-41
Книги издательства «Алгоритм» можно приобрести в Интернет-магазине:
<http://www.politkniga.ru>

Подписано в печать с готовых монтажей 15.09.2008.
Формат 84x108¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,12.
Доп. тираж 4000 экз. Заказ № 7114.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

У правителей современной России почему-то всегда мало денег. То Запад кредиты не дает, то, наоборот, режим сам деньги Стабилизационного фонда американцам в кредит отдаст под смешные проценты. И головы в телевизоре все время сочувственно кивают: что же тут поделать – нет у России денег!

Эта книга о настоящем хозяине страны – о настоящем экономисте, который начал с того, что создал деньги практически из ничего, а потом с их помощью в короткие сроки обеспечил такой экономический рост государства, который до сих пор никому в мире не снился. Она предназначена в первую очередь для тех, кто работает в экономике России и интересуется ею. Но написана настолько просто, что будет интересна любому человеку, не потерявшему любознательность к не столь отдаленному прошлому страны.

интернет-магазин

OZON.RU

20137592

ISBN 978-5-9265-0533-4

9 785926 505334 >